СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1843.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXX.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1843.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 – 1162

ГЕЙНРИХЪ ГЕЙНЕ.

Однажды, въ большой, многолюдной улицѣ Парижа, увидѣли молодаго человѣка, который съ непонятнымъ постоянствомъ стоялъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и зорко слѣдилъ за всѣми проходящими: въ иныхъ вглядывался долго и пристально, другихъ лишь окидывалъ бѣглымъ взоромъ. Въ его наружности не было ничего особенно-примѣчательнаго, и лишь нѣкоторые, болѣе наблюдательные, замѣчали, какъ иногда саркастическая улыбка пробѣгала по его устамъ—исчезала—и незнакомецъ опять казался погрузившимся въ свои безмолвныя созерцанія. Это сперва было-поразило многихъ; но день прошелъ, настало слѣдующее утро, и о незнакомцѣ забыли, какъ забываютъ о другихъ милліонахъ случаевъ дня; а между-тѣмъ, прежде-нежели протекло два года, во всей Европѣ заговорили объ этомъ молодомъ человѣкѣ, и на устахъ у каждаго было имя: *Гейнрихъ Гейне*.

Гейне много бранили и много хвалили — и (это, быть можетъ, покажется страннымъ) Гейнрихъ Гейне достоинъ и того и другаго. Первое чувство, которое раждаетъ въ васъ чтеніе его стиховъ, есть чувство пристрастія; но когда вы успѣете подумать, разсмотрѣть хорошенько его стихи, вы сперва отыщете одно пятнышко, потомъ другое, третье, и наконецъ довольно много пятенъ. Любя истину, отдадимъ сначала отчетъ въ первомъ впечатлѣніи, гдѣ судьей воображеніе; а потомъ уже приступимъ къ суду безпристрастному — суду разсудка.

Начнемъ съ біографіи Гейне. Жизнь поэта, сказалъ Кузенъ, есть лучшій, самый вѣрный комментарій на его творенія. Гейне еще живъ. Онъ еще, быть можетъ, напишетъ много хорошаго, а можетъ быть — и много дурнаго. Что вѣрнѣе? Ничего нѣтъ вѣрнаго, кромѣ того, что было, или того, что есть. Это мнѣніе скептиковъ, котораго не дурно держаться иногда.

Гейнрихъ Гейне, равно какъ и Бёрне составляютъ двухъ корифеевъ нынѣшней Германской литературы. А Тикъ? Людвигъ Тикъ, хотя и недавно лишь напечаталъ свой лучшій романъ: *Витторію Аккоромбону*, гдѣ такъ много ума и мыслей, гдѣ такъ прекрасно понятъ и такъ прекрасно переданъ бытъ Италіи, и въ особенности Рима въ концѣ XVI столѣтія, современный бытъ однаго изъ замѣчатель-

нѣйшихъ владыкъ Ватикана — Сикста V (мастерски обманувшаго почтенный конклавъ кардиналовъ, избраннаго въ папы въ 1585, а умершаго въ 1590 годахъ), Тикъ, повторяемъ, принадлежитъ уже къ эпохѣ прошлой: это послѣдній голосъ, гармоническая лебединая пѣснь эпохи Гёте и Шиллеровъ. И такъ Гейне и Бёрне (лучшимъ сочиненіемъ котораго считаются его *Письма изъ Парижа*) на нѣсколько потускнѣвшемъ небѣ Германской литературы суть двѣ первокласныя звѣзды, говоря языкомъ астрономовъ. Гейне родился въ Дюссельдорфѣ въ 1797 г., посѣщалъ юридическія лекціи въ Боннѣ, Берлинѣ и наконецъ въ Геттингенѣ, гдѣ и получилъ званіе Доктора Правъ. Съ этихъ поръ онъ попеременно жилъ то въ Гамбургѣ, то въ Берлинѣ, то въ Мюнхенѣ — и наконецъ въ 1830 г. избралъ постояннымъ мѣстомъ своего жительства Парижъ. Первое собраніе его стихотвореній появилось въ свѣтъ въ 1822 г. и перешло въ-послѣдствіи вмѣстѣ съ *Lyrischem Intermezzo* и стихотвореніями двухъ первыхъ томовъ его *Reisebilder* въ книгу, вышедшую въ 1827 году подъ названіемъ *Buch der Lieder*. Въ-слѣдъ за первымъ трудомъ своимъ, въ 1823 г., Гейне напечаталъ двѣ свои трагедіи: *Almanzor* и *Radkliff*. Потомъ онъ издалъ свои *Reisebilder* (4 части. Гамбургъ, 1826—1831 и втор. изд. 1830—1833), которыя были приняты съ неописаннымъ и неслыханнымъ восторгомъ; въ 1831 г. небольшое сочиненіе: *Kahldorf über den Adel*, а въ 1833 г. *Beiträge zur Geschichte der neuern schönen*

Litteratur in Deutschland въ двухъ частяхъ. Сверхъ того онъ, начиная съ 1831 г., постоянно помѣщалъ отдѣльныя статьи въ *Allgemeiner Zeitung*, которыя въ 1833 г. собралъ и напечаталъ подъ общимъ заглавіемъ: *Französische Umstände*; и наконецъ въ 1834 г. подарилъ свѣтъ первымъ томомъ своего послѣдняго сочиненія: *Der Salon*. Съ тѣхъ поръ вышли еще три части Салона. Еще надобно упомянуть о брошюркѣ: *Ueber den Denunzianten* и о другомъ сочиненіи: *Ueber Börne*.

Къ сожалѣнію мы не могли достать матеріаловъ болѣе подробныхъ о жизни Гейне, и потому біографія его такъ коротка и такъ мало интересна. Перейдемъ къ источнику болѣе обильному: къ его твореніямъ. Гейне поэтъ и прозаикъ. Начнемъ съ поэзіи и кончимъ прозой. И развѣ не все такъ кончается въ жизни нашей? Кто изъ насъ не любилъ и не мечталъ?... Но любовь застывала въ сердцѣ, мечты разлетались — и пламенный юноша превращался въ холоднаго, расчетливаго мужа, вещь самую прозаическую въ этомъ прозаическомъ мірѣ. А что выходитъ на повѣрку? Дымъ промѣняли на пары, безпечность на вѣчныя заботы. О утилисты! Муравьи носятъ, носятъ — нанесли груду; прошелъ прохожій, толкнулъ ногою — и груда разлетѣлась. Принимайтесь, муравьи, за прежнюю работу и говорите, что миѳъ Сизифа выдумка пустая!

I. Поэзія Гейне.

Въ предисловіи ко второму изданію Buch der Lieder Гейне говоритъ:

«Первые стихи! Они непремѣнно должны быть «написаны на разрозненныхъ пожелтѣвшихъ клочкахъ «бумаги; должны быть переложены то засохшимъ «цвѣткомъ, то русымъ локономъ, то кусочкомъ по-«линявшей ленты, и на нѣкоторыхъ листкахъ непре-«мѣнно слѣды слезъ еще должны быть замѣтны.»

Гейне говоритъ далѣе:

«Германская муза право предобрая дѣвушка: «она сопровождала меня въ изгнаніе, не отходила отъ «меня въ черные годы моей жизни, развеселяла меня «въ дни отчаянія, и даже тогда, когда я нуждался «въ деньгахъ, она помогла мнѣ, эта добрая дѣвочка, «моя Нѣмецкая муза.»

Поэзія каждаго поэта есть выраженіе состоянія его души, какъ самъ поэтъ есть *выразитель* своей идеи. Идея Гейне: сарказмъ и чувственность; она прогдядываетъ вездѣ, въ какомъ бы видѣ ни явилась. Протей, какъ ни мѣнялся, всегда оставался Протеемъ. Впрочемъ въ поэзіи, какъ и въ грамматикѣ, нѣтъ правилъ безъ исключеній—и Гейне это доказываетъ.

Разсмотримъ Buch der Lieder. Но что такое Buch der Lieder? Это собраніе стиховъ безъ связи общей, но съ общимъ характеромъ: это чада своевольнаго воображенія поэта, плоды минутъ печали, минутъ веселья, мечтательныхъ минутъ, въ которыя поэтъ передаетъ бумагѣ, что безсознательно творитъ, ибо въ пору вдохновенія онъ становится рабомъ того пламени, которое горитъ въ его душѣ, въ его глазахъ, въ его ланитахъ. . . И потому, когда прошла минута восторга, не спрашивайте у поэта: почему онъ написалъ такъ, а не иначе? Развѣ птичка Божія знаетъ, почему такъ сладка ея пѣсня? Первыя стихотворенія въ Buch der Lieder, и особенно тѣ, гдѣ говорится о какихъ-то снахъ, намъ не нравятся; романсы Гейне уже лучше; но въ самомъ дѣлѣ прелестны Fresko Sonette an Christian S. и особенно первый и послѣдній сонеты. За тѣмъ слѣдуетъ его *Lyrisches Intermezzo*, которое просто очаровательно съ начала до конца. Вотъ одно изъ этихъ стихотвореній; оно всего замѣчательнѣе тѣмъ, что, не смотря на свою краткость, уже носитъ на себѣ отпечатокъ, хотя и слабый, характера большей части его стиховъ, т. е. чувственности и сарказма:

И глупъ нашъ свѣтъ и слѣпъ нашъ свѣтъ!
Что день, безтолковѣе онъ:
Красавица, онъ про тебя говоритъ,
Что будто бы нравъ твой дуренъ;

И глупъ нашъ свѣтъ и слѣпъ нашъ свѣтъ!
Тебя онъ не можетъ понять:
Не знаетъ, какъ мягки объятья твои
И какъ поцѣлуи горятъ.

Это дурной переводъ очень милыхъ стиховъ, но не переводимыхъ, и быть можетъ, именно потому, что вся красота ихъ заключается не въ мысли, а въ гармоническомъ сочетаніи звуковъ, которые слушать можно, но передать словами нельзя! Гейне чувствуетъ и говоритъ совершенно оригинальнымъ образомъ; многіе и до него чувствовали тоже, говорили о томъ же самомъ, но никто такъ, какъ Гейне.

Кто не сознаетъ теперь достоинствъ музыки Мейербера? Кто не отдаетъ полной справедливости оперѣ: Роберъ-дьяволъ? И однако жъ было время, когда многіе, услышавъ въ первый разъ эту оперу, говорили: «въ ней лишь много треска и шуму; гдѣ жъ скрывается геній музыки? въ чемъ заключаются красоты Мейербера?» Недоумѣніе заставило ихъ во второй разъ пойти въ театръ; любопытство повело ихъ туда въ третій разъ: а въ четвертый уже повлекло ихъ послушать Робера одно удовольствіе, потому-что они поняли наконецъ, въ чемъ заключается магія созданія *del gran Ebreo.* Тоже самое бываетъ и при чтеніи какаго-нибудь извѣстнаго автора, о которомъ говорятъ то или то. Читатель прочтетъ, и не согласившись съ мнѣніемъ слышаннымъ, говоритъ: критикъ

не правъ. Прочитайте во вторый разъ, и вы, быть можетъ, найдете, что критикъ все-таки сказалъ правду. Впрочемъ... но обратимся къ книгѣ.

Перевернемъ нѣсколько листовъ и переведемъ еще что-нибудь, выбравъ опять, что покороче.

Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ милой,
Смѣяться разучился я;
При мнѣ неразъ острили пошло,
А разсмѣяться я не могъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я лишился милой,
Я тоже плакать пересталъ.
Отъ боли сердце треснуть хочетъ,
А я все плакать не могу.

Судите сами; а мы между-тѣмъ переведемъ для васъ еще одно стихотвореніе, въ которомъ проявляется какая-то грусть, безотчетная, но плѣнительная. Послушайте

Искра свѣтлая упала
Съ искрометной высоты;
То звѣзда любви скатилась —
Жаль прекрасной мнѣ звѣзды!

Съ древа падаютъ несмѣтно
Пожелтѣвшіе листы;
Вѣтръ разноситъ своевольный
Ихъ въ различныя страны.

Лебедь плаваетъ по морю,
Грустно пѣснь свою поетъ —
Тише... тише... и навѣчно
Погрузился въ лоно водъ.

Все такъ мрачно! такъ безшумно!
Нѣтъ ни листьевъ, ни цвѣтка.
Съ трескомъ звѣздочка распалась,
Лебедь смолкнулъ навсегда.

Это прелестно! Но развѣ и здѣсь не проглядываетъ какое-то чувство отчаянія, необходимое слѣдствіе безвѣрія?

Слѣдующее мило; Goetterdaemmerung превосходна своею ужасностію. Изъ Radkliff только одному Гейне могло удаться сдѣлать удачное стихотвореніе... Но вѣнецъ его книги, но лучшій, самый пахучій цвѣтокъ въ ароматическомъ цвѣтникѣ его Lieder — это Aus der Harzreise. Не читаешь, а наслаждаешся! Его Bergidyllen, и въ особенности 1 и 3, болѣе-нежели прелесть, болѣе-нежели совершенство — это чудная, прелестная, совершенная музыка мыслей, чувствъ и воображенія.

Вотъ переводъ неправильными стихами, построчный переводъ одной изъ сихъ идиллій. Переводъ этотъ, разумѣется, не дастъ читателю никакаго по-

нятія о мелодіи стиховъ подлинника, по крайней мѣрѣ познакомитъ его, хотя приблизительно, съ образомъ этихъ созданій Гейне, съ оборотомъ его мыслей, которыя, какъ и всѣ мысли Гейне, если въ нихъ нѣтъ ни безвѣрія, ни циническаго сарказма, не могутъ не плѣнить.

Идиллія I.

На горѣ стоитъ лачужка;
Рудокопъ въ ней жилъ сѣдой;
Тамъ шумитъ вѣтвями сосна;
Блещетъ мѣсяцъ золотой.

И стоятъ въ лачужкѣ кресла
Съ древней, рѣдкою рѣзбой.
Кто на нихъ сидитъ, тотъ счастливъ —
И я самъ счастливецъ тотъ!

На скамьѣ сидитъ малютка,
Оперши̂сь мнѣ на колѣни:
Глазки — звѣзды голубыя;
Ротикъ словно маковъ цвѣтъ.

Смотритъ милая малютка
На меня во всѣ глаза,
И лукаво пальчикъ бѣлый
Приложила къ алымъ губкамъ.

Нѣтъ, не видитъ насъ родная:
Все прилежнѣе прядетъ;

А отецъ бренчитъ на цитрѣ,
Пѣснь старинную поетъ.

И малютка шепчетъ тихо,
Тихо, голосокъ тая;
Много тайнъ ужъ полновѣсныхъ
Мнѣ повѣрила она:

«Ахъ, со смерти доброй тётки
Намъ нельзя уже ходить
На стрѣлянье, знаешь, въ Госларъ —
Тамъ ужъ слишкомъ хорошо!

«Здѣсь напротивъ такъ безлюдно
На холодной вышинѣ;
А зимой мы (страшно вспомнить!)
Словно въ снѣгъ погребены.

«Я жъ трусливая дѣвчонка,
И боюся, какъ дитя,
Злыхъ духовъ, что ночью бродятъ
Здѣсь до самаго утра.»

Вдругъ замолкла, будто страшно
Стало собственныхъ рѣчей,
И обѣими руками
Очи ясныя закрыла.

Громче сосня зашумѣла,
И жужжитъ веретено,
И бренчитъ порою цитра,
И подъ ладъ поетъ старикъ:

«Не страшись, дитя драгое,
Чаръ и силы злыхъ духовъ:
Милыхъ дѣтокъ Божiй Ангелъ
Днемъ и ночью стережетъ.»

Здѣсь исчезаютъ всѣ недостатки Гейне. Здѣсь видна только одна поэзія, граціозная, истинная, полная простоты. Вы не узнаете Гейне — но это исключеніе, безъ котораго, какъ уже замѣчено выше, ни однаго правила не бываетъ.

Die Nordsee гораздо ниже Идиллій въ чисто-поэтическомъ отношеніи, хотя въ ней, можетъ быть, и болѣе ума.... Но къ-чему было сначала показывать небо, и потомъ спросить: хороша ли земля? Земля хороша безъ спора, но все-таки земля не небо...

Мы теперь пробѣжали весь Buch der Lieder съ первой странички до послѣдней. Что жъ мы скажемъ о Гейне?

Гейне оригиналенъ и по мысли и по формѣ и по выраженію своихъ созданій, но онъ вездѣ похожъ на самаго себя, вездѣ одинъ и тотъ же; чада его фантазіи все чада однаго и того же отца, все близнецы. Выбравъ нѣсколько стихотвореній, вы ихъ можете часто читать и всегда съ новымъ удовольствіемъ, но всего читать нѣсколько разъ вы будете не въ состояньи. Гейне слишкомъ однообразенъ, онъ слишкомъ часто

повторяетъ одну и туже мысль, замѣчательную лишь по какой-то странности, ему одному свойственной, выражая ее только каждый разъ другими словами, хотя образъ выраженія и вездѣ остается одинакимъ. Возьмите на пр Шиллера: каждое изъ его стихотвореній имѣетъ свой собственный характеръ, носитъ на себѣ свой отпечатокъ. Почти вездѣ у него какая-нибудь глубокая философическая мысль выражена гармоническими стихами и съ чувствомъ, возникающимъ прямо изъ сердца, вселюбящаго, безпритворнаго, пропитаннаго, если можно такъ выразиться, чистою филантропическою нравственностію, изъ сердца, лишь напоеннаго нѣкоторою Германскою мечтательностію и восторженностію, любящею уноситься за облака. Прочитавъ одно какое-нибудь изъ его стихотвореній, вы не составите себѣ никакаго точнаго понятія о содержаніи послѣдующаго. У Шиллера вездѣ преобладаютъ *чувство* и *мысль любви*; но онъ разнообразенъ до безконечности, потому-что любовь есть Божія мысль и чувство вѣчности. У Гейне же напротивъ того вы по нѣсколькимъ стихотвореніямъ можете уже составить себѣ ясную идею о всѣхъ его стихотвореніяхъ — въ отношеніи характера *непремѣнно* и *почти* въ отношеніи содержанія. У него, за нѣкоторыми весьма рѣдкими исключеніями, вездѣ дѣвы съ ихъ чувственной любовью, съ ихъ жгучими поцѣлуями и очами синими какъ небо. Разумѣется, подробности мѣняются. Но главный недостатокъ Гейне (каждый судитъ, какъ

умѣетъ) — это отсутствіе всякой духовности, это какой-то матеріализмъ, всюду проглядывающій: Гейне такъ любитъ землю, что не въ состояніи унестися на небеса. Онъ самъ говоритъ, что предпочитаетъ то, что есть, тому, что можетъ быть.

II. Проза Гейне.

Одинъ изъ Германскихъ рецензентовъ, не помню хорошенько имени, только не Менцель, ибо, какъ заклятый врагъ Гейне, онъ не имѣетъ права пользоваться довѣренностію въ сужденіи своемъ объ авторѣ Салона, говоритъ:

«Трудъ напрасный хотѣть составить себѣ ка-«кое-либо ясное понятіе о талантѣ Гейне; онъ «полонъ чувствъ и ума, имѣетъ воображеніе, которое «удивляетъ своими могучими порывами, и владѣетъ «языкомъ до такой степени, что онъ безусловно по-«коряется всѣмъ его малѣйшимъ прихотямъ. Но глав-«ный недостатокъ Гейне заключается въ томъ, что «въ нёмъ нигдѣ не замѣтно стремленія къ цѣли «идеальной, возвышающей человѣка надъ всѣми дряз-«гами земли: вотъ почему въ его стихахъ вы увиди-«те въ одно и тоже время и необузданную силу и «изнѣженность, доходящую до приторности, порази-«тельную глубокость и какую-то жалкую щепетиль-«ность чувствъ и мыслей, благородство и загрубѣ-«лость сердца, стремленіе къ высокому и мертвящую

«холодность ко всему. Какъ политическій писа-«тель, Гейне пускается лишь въ разсужденія обо «всемъ, нигдѣ не развивая какой-нибудь положи-«тельной, постоянной идеи, и неразъ пылкость ощу-«щеній или вліяніе модной философіи приводили «его къ заключеніямъ, которыя житейская мудрость «должна отвергнуть какъ несбыточныя и неисполни-«мыя.»

Брошюрка: *Ueber den Denunzianten*, приноситъ очень много чести остроумію Гейне и очень мало чести его сердцу и правиламъ.

Сочиненій: *Ueber Börne* и *Französische Umstände*, мы не читали, и слѣдовательно о нихъ ни полслова; но въ замѣнъ того постараемся дать вѣрный отчетъ въ томъ впечатлѣніи, которое произвели на насъ *Der Salon* и *Reisebilder*.

Гейне — это удалый пловецъ, который въ утлой ладьѣ несется по взволнованному морю. Высоко хо-дятъ валы; брызги летятъ, и пѣна летитъ, и ревъ валовъ раздается далеко... далеко... Какъ испуган-ный конь дрожитъ, почуя лютаго звѣря, такъ дро-житъ и ладья отъ сотрясенья, брызговъ и рева ва-ловъ. Вы уже ждете, что море поглотитъ бѣдняжку: но твердою рукою держитъ пловецъ свои весла, и ладья неуклонно летитъ по стезѣ, имъ назначенной, по волнамъ, сквозь пѣну, брызги и ревъ. Но пло-

вецъ утомился; лѣниво опустилъ онъ весло, и поплыла ладья, куда несутъ ее волны: то взлетитъ высоко, чуть не досягая до неба, то ныряетъ такъ низко, такъ низко, что, кажется, заберетъ песокъ на днѣ океана; но вотъ уже снова ладья на хребтѣ валовъ, и летитъ то на востокъ, то на западъ... Ладья, берегись подводнаго камня! Онъ такъ разгромитъ тебя, что и щепы не останется... Сильнѣй и яростнѣй разыгралась непогода! Но вотъ снова пловецъ взялся за весла, и ладья поплыла опять прямо, куда правилъ пловецъ... И буря затихла, и улеглись валы въ безконечное зеркало, и солнце глядѣлось въ него съ лазурнаго неба, и показался берегъ, и чудно вѣяло съ него ароматомъ лѣсовъ лимонныхъ и оливковыхъ, и, какъ гимнъ благодаренья земли за все прекрасное, раздалась восторженная пѣсня соловья, и, какъ дымъ отъ жертвы Авеля, вознеслась она къ престолу Создателя. Не осуждайте иперболъ: въ нихъ кроется зародышъ того прекраснаго, которое разумъ порицаетъ, а сердце сознаетъ какъ основу *истины*.

Сочиненія Гейне — калейдоскопъ, въ которомъ одна краска ярче другой, но гдѣ ни одной краски не остается. Пестро! Но что же потомъ? Опять пестро и все пестро! Тутъ негдѣ отдохнуть ни уму, ни сердцу. Это ѣзда на почтовыхъ, гдѣ любо сначала, но гдѣ наконецъ такъ надоѣстъ, что какъ милости просишь: остановись ради Бога. Для того, чтобъ по-

нять всю прелесть Гейне, его должно читать урывками. Одинъ цвѣтокъ пріятно имѣть въ комнатѣ, но наставьте много цвѣтовъ, и у васъ разболится голова. Гейне уменъ, уменъ какъ десять умницъ, взятыхъ вмѣстѣ; но онъ не умѣетъ *достойно* пользоваться умомъ своимъ и тратитъ его часто на такія бездѣлицы, о которыхъ и слова сказать не стоитъ: это богачь, для котораго деньги—соръ и прахъ. Тутъ есть чѣмъ поживиться, но нужно долго выбирать. Сочиненія Гейне всего ближе можно сравнить съ capriccio въ музыкѣ. Въ немъ нѣтъ ничего постояннаго, кромѣ дара насмѣшки надо всѣмъ безъ разбора, и какаго-то холоднаго безвѣрія; а это доказываетъ, что Гейне человѣкъ съ огромнымъ, хотя и своевольнымъ до ребячества талантомъ, но не геній: геній атеистомъ быть не можетъ.

У Гейне остротъ не оберёшься; и однако жъ онъ иногда остритъ до пошлости. Но его фразы такъ милы, но онъ такъ чудно владѣетъ языкомъ, что вы, изъ-за совершенства слога, почти прощаете ему уродливость его остротъ... Удивляемся игривости и силѣ ума Гейне, удивляемся прихотливой прелести его воображенія, удивляемся гармоніи его слога, и только жалѣемъ, что столько превосходнаго истрачено по пустому: гдѣ вѣры нѣтъ, тамъ прочности быть не можетъ — лишь дунетъ вѣтеръ осенній, и слабые листья валятся тамъ, гдѣ крѣпкіе сучья остаются.

Поговоримъ о другомъ.

Однажды Гейне былъ въ концертѣ у Паганини и съ восхищеніемъ внималъ его игрѣ. Когда концертъ кончился, Гейне подошелъ къ великому маэстро и сталъ отборными словами благодарить его за наслажденіе, доставленное ему волшебными звуками его скрипки. Но Паганини не далъ ему докончить и спросилъ: «а какъ вамъ понравились мои поклоны и привѣтствія, которыми я отблагодарилъ сегодня публику за ея лестный пріемъ?» Это расказываетъ самъ Гейне. Какіе чудаки эти геніи! И какъ много ребячества въ этихъ колоссахъ, на которые мы смотримъ, разинувъ ротъ и развѣсивъ уши!

Геній есть человѣкъ, оригинально и самобытно творящій, или облекающій уже бывшее въ новую форму, болѣе совершенную. Всѣ геніи сродни межъ собою. Силы ихъ одинаковы; лишь образъ проявленія ихъ различенъ. Возьмемъ въ примѣръ Шекспира. Въ Шекспирѣ была умственная дѣятельность, умственная потребность творить и способность творить: иначе онъ не могъ бы написать ни одной *своей* драмы. Если бы Шекспиръ родился на престолѣ, онъ не сталъ бы писать драмъ; но его умственная дѣятельность—потребность и способность творить — должна бы была необходимо проявиться, какъ каждое сѣмя должно принести плоды, если не умерщвлено

въ самомъ зародышѣ; она проявилась бы въ дѣлахъ государственныхъ, столь же великихъ, какъ превосходны его драмы. Къ этому разряду геніевъ, разумѣется, нельзя причислить ни Паганини, ни Листа: они геніи инаго разряда — *геніи исполненія*. Было много съ талантомъ скрипачей и пьянистовъ; но никто не доводилъ игры до той степени оригинальности и превосходства, до которой достигли и Паганини и Листъ, и слѣдовательно они, какъ преобладающіе надъ ихъ сверстниками, имѣютъ полное право на названіе *геніевъ исполненія*, какъ есть люди, которые, слѣдуя Тьеру, одарены «du génie de l'entraînement!«

Но мы совершенно потеряли изъ виду Гейне, и потому спѣшимъ къ нему возвратиться. Вы уже знаете характеръ его сочиненій; но вы не знаете однаго: вѣрный своей Нѣмецкой природѣ, Гейне любитъ иногда помечтать... Но пусть онъ самъ раскажетъ о томъ, какъ мечтаетъ:

«Я думалъ: хочу опять пожить для самаго себя; «опять приняться за свои стихи, комедіи и новеллы, «однимъ словомъ, за всѣ эти веселыя и чистыя со«зданія мысли, которыхъ такъ много набралось въ «мозговомъ моемъ ящикѣ; снова хочу прокрасться въ «страну поэзіи, гдѣ еще мальчикомъ я провелъ столь«ко дней блаженныхъ.

«И для выполненія моего намѣренія я не могъ «выбрать лучшаго мѣста, какъ то, въ которомъ «находился. Я жилъ въ Нормандіи, на небольшой «мызѣ, близъ морскаго берега, недалеко отъ Гавръ-«де-Граса. Очаровательно-прекрасенъ былъ видъ на «Сѣверное море! Оно вѣчно мѣнялось, и однако жъ «никогда не теряло своей первоначальной красоты: «сегодня волновалось подъ ударами бури, а завтра «было опять гладко и спокойно; и по небу неслись «бѣлыми рядами облака; то принимая самые причуд-«ливые образы, то расширяясь до размѣровъ гигант-«скихъ, они бродили словно тѣни тѣхъ Нормановъ, «которые, во времена давно-протекшія, вели на «этихъ водахъ свою буйную, свою разгульную жизнь. «Подъ окнами моими распускались самые миловидные «цвѣты и растенія: любовно глядѣла на меня роза; «стыдливо гвоздика испаряла свои благоуханія; а «лавровыя вѣтви, взбираясь по стѣнамъ, почти вро-«стали ко мнѣ въ окна и напоминали ту славу, отъ «которой мнѣ нигдѣ покоя нѣтъ. Да! когда-то, «полный томленія и жажды, я бѣгалъ за Дафной, а «теперь Дафна бѣгаетъ за мною, и подобно преле-«стницѣ, даже въ спальню мою проникаетъ. То, «чего, бывало, я такъ страстно желалъ, теперь уже «беспокоитъ меня, и мнѣ однаго лишь хочется — «я желаю лишь однаго покоя: чтобы никто не произ-«носилъ моего имени, и особенно въ Германіи. Я «хотѣлъ бы запереться въ комнату и пѣть тихія пѣсни «про себя — да развѣ повѣрять ихъ одному соловью.

«И все пошло хорошо сначала. Я сталъ уже наслаж-
«даться покоемъ, которымъ лишь поэзія дарить
«умѣетъ... Давно знакомыя возвышенныя видѣнія,
«чудныя картины стали возникать въ моей памяти,
«и снова, какъ прежде, мечты овладѣли мною, всѣ
«мои сны, блаженные, волшебные, упоительные — и
«мнѣ стоило лишь взять перо въ руки и спокойно
«записывать все то, что я чувствовалъ, все то, что
«думалъ — я началъ.»

Мы не будемъ слѣдовать шагъ за шагомъ за всѣми сочиненіями Гейне, а изберемъ которое-нибудь изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что у человѣка съ истиннымъ дарованіемъ каждое твореніе, на видъ даже самое ничтожное, уже носитъ на себѣ отпечатокъ всего его характера. Изъ предисловія къ *Салону* заимствованы тѣ слова, которыя приведены выше; такъ изберемъ же предметомъ разбора *Флорентинскія ночи*: многіе называютъ ихъ украшеніемъ Салона.

Въ передней Максимиліанъ засталъ доктора въ то самое время, какъ онъ надѣвалъ свои черныя перчатки.

— Я очень занятъ, сказалъ съ торопливостію докторъ. Синьора Марія во весь день не смыкала глазъ, и лишь теперь немножко задремала. Мнѣ, кажется, не нужно просить васъ не нарушать ни малѣйшимъ шумомъ сна ея; а когда она проснет-

ся, позаботьтесь, чтобъ она, Бога ради, не говорила. Она должна спокойно лежать и молчать: только нѣкоторое душевное участіе можетъ на нее благодѣтельно подѣйствовать. Пожалуйста, раскажите ей опять что-нибудь, чтобы она принуждена была спокойно слушать.

«Въ этомъ, докторъ, отвѣчалъ съ грустной улыбкой Максимиліанъ, положитесь на меня. Я, безъ шутокъ, превратился въ настоящаго пустомелю и не позволяю ей ни слова вымолвить. Я, сколько угодно, наскажу ей разныхъ фантастическихъ бредней... Но долго ль она проживетъ еще?

— Я очень занятъ, возразилъ докторъ и исчезъ.

Черная Дебора, по свойственной ей чуткости уха, уже по походкѣ узнала Максимиліана и тихо отворила ему двери. По данному имъ знаку она столь же тихо вышла вонъ, и Максимиліанъ остался одинъ въ комнатѣ Маріи. Одинокая лампа тускло освѣщала комнату и перебѣгала то полуробкимъ, то полулюбопытнымъ лучемъ свѣта по лицу больной; одѣтая въ бѣлое кисейное платье, она разметавшись лежала на софѣ, обитой зеленою шелковой матеріей, и спокойно спала.

Молча, съ положенными на-крестъ руками, простоялъ нѣкоторое время передъ спящею Мак-

симиліанъ и смотрѣлъ на ея прекрасныя формы, которыя легкая одежда скорѣй обнаруживала, нежели скрывала; и каждый разъ, когда лампа озаряла минутнымъ лучемъ свѣта блѣдное лицо дремавшей, сердце его вздрагивало.

— Боже мой! что это такое? бормоталъ онъ тихо про себя. Какое воспоминаніе воскресаетъ въ душѣ моей? .. Да, теперь для меня все ясно. Эта бѣлая картина на этомъ зеленомъ грунтѣ... да, теперь.

Въ эту самую минуту проснулась больная, и какъ бы выглядывая изъ глубины сновидѣнья, ея нѣжные, темноголубые глаза устремились на Максиміліана съ мольбой и вопросомъ...

— О чемъ думали вы въ эту минуту, Максиміліанъ? спросила она тѣмъ потрясающимъ мягкимъ голосомъ, который такъ свойственъ чахоточнымъ и въ которомъ мы слышимъ, кажется, въ одно и тоже время лепетъ младенца и щебетанье птички и хрипѣніе умирающаго. О чемъ думали вы въ эту минуту, Максиміліанъ? повторила она и приподнялась съ такою живостію, что ея длинные русые локоны, подобно испуганнымъ золотымъ змѣйкамъ, завились около ея головы.

— Умоляю васъ, воскликнулъ Максимиліанъ, принуждая ее снова опуститься на софу, лежите смирно, не говорите; я все раскажу вамъ, все, что я думаю, что я чувствую, даже то, чего я самъ хорошенько понять не могу.

Максимиліанъ чудакъ и мечтатель. Еще мальчикомъ, онъ съ матерью отправился въ зàмокъ, который со смерти отца его ни разу не былъ ими посѣщаемъ. Все въ замкѣ представляло видъ хаоса. Пока приготовляли комнату, Максимиліанъ пошелъ въ садъ. Боже мой! какой безпорядокъ! Ни одной дорожки, ни однаго цвѣтка; все запущено, весь садъ поросъ травою! Вездѣ разбросаны мраморныя статуи: тутъ Марсъ безъ носа, тамъ Венера безъ руки; вотъ около ногъ Діаны обвился плющь, а изъ рога изобилія богини Фортуны выползаетъ терновникъ... И въ этомъ смѣшеніи богатства и нищеты онъ вдругъ увидѣлъ одну мраморную богиню, которая казалась заснувшею на зеленой муравѣ. Ничто въ ней не было испорчено. Она была такъ же чиста и прекрасна, какъ въ тотъ день, когда въ первый разъ оставила мастерскую художника. Максимиліанъ остановился въ восхищеніи; но какое-то невольное чувство не позволяло ему подойти. Его позвали въ зàмокъ. Легли. Сіяла луна. «Завтра, говорилъ самъ себѣ Максъ, я поцѣлую тебя, прекрасная статуя.» Но эта мысль, мелькнувъ въ головѣ его, не даетъ ему покоя, гонитъ его съ ложа сна, въ садъ, взглянуть на статую. Макси-

миліанъ встаетъ. Вотъ онъ въ саду; вотъ уже въ травѣ бѣлѣетъ мраморная статуя. На цыпочкахъ, придерживая дыханіе, онъ подкрадывается, подползаетъ къ ней тихо... тихо.. подползъ совершенно близко, и уста его жадно прижались къ хладнымъ устамъ мрамора... онъ любилъ; онъ безумствовалъ; ему было страшно—и онъ былъ блаженъ. Долго, долго послѣ того мысль о статуѣ не выходила изъ головы его, пока наконецъ въ Италіи не увидѣлъ *Ночи* Буонаротти. «Не знаю, говоритъ онъ, чего бы я не далъ за одинъ мигъ въ ея объятіяхъ!» Но и эта любовь прошла. Онъ видитъ одну дѣвушку *Вери*. Она ему нравится, потому-что она хороша собой, она остроумна, она жива. Они разстались. Черезъ нѣсколько дней Максимиліанъ узнаетъ, что Вери умерла отъ нервической горячки; и онъ забываетъ о ней; онъ о ней въ теченіе 7 лѣтъ ни разу не вспоминаетъ. Онъ въ Берлинѣ. И вдругъ воображенію его совершенно нечаянно представляется женское личико, прекрасное, умное, живое. Но онъ напрасно старается припомнить: чье это лицо? Онъ мучится, выходитъ изъ себя. Имя *Вери* нечаянно срывается съ языка его, и онъ узнаетъ, чье прелестное лицо ему пригрезилось. Онъ теперь въ самомъ дѣлѣ влюбляется въ Вери, любитъ ее долго и набожно. Чудакъ! предпочесть воспоминаніе существенности! Но Максимиліанъ дѣлаетъ еще хуже: онъ влюбляется въ какое-то чудное видѣніе сна. И каждую ночь онъ видитъ во снѣ свою милую, говоритъ съ нею, цѣлуетъ ее. Но прошли сны золотые; ви-

дѣніе милое не возвращается. Не смотря на измѣну, Максимиліанъ продолжаетъ любить свою мечту — до другой, до новой любви. Вотъ каковъ Максимиліанъ. Разумѣется, здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ расказано то, что у Гейне занимаетъ много страницъ. Теперь постараемся перевести послѣдній расказъ Максимиліана: это всего ближе познакомитъ читателя со способомъ *расказыванія* Гейне.

«Вотъ уже 8 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я отправился въ Лондонъ для того, чтобы узнать и тамошній языкъ и тамошній народъ. Нелегкая побери народъ и съ языкомъ его! Заберутъ себѣ въ ротъ дюжину односложныхъ словъ, жуютъ ихъ, чавкаютъ ихъ, потомъ ихъ выплевываютъ и называютъ это своимъ нарѣчіемъ. По счастію Англичане отъ природы молчаливы, и хотя и смотрятъ всегда на насъ разинувъ ротъ, но избавляютъ насъ отъ длинныхъ разговоровъ. Но горе намъ, если мы попадемся въ руки кому изъ тѣхъ сыновъ Альбіона, которые совершили путешествіе по Европѣ и научились говорить по-Французски (Пропускаемъ безконечную діатрибу противъ земляковъ Роберта Пиля. Гейне, Богъ знаетъ почему, терпѣть не можетъ Англичанъ, но за то очень жалуетъ Французовъ. O süsse Ananasduft der Höflichkeit! восклицаетъ онъ, говоря о нихъ; какъ ты услаждаешь мою больную душу, которая въ Германіи должна была проглотить столько табачнаго дыму, столько кислокапустной вони и столько

грубостей!» Но оставимъ пристрастные и потому одностороніе возгласы и обратимся къ тому, что во всякомъ случаѣ гораздо болѣе займетъ вниманіе читателей).

«Вы можете себѣ представить, продолжаетъ расказывать Максимиліанъ, какъ съ каждымъ днемъ мнѣ край этотъ надоѣдалъ все болѣе и болѣе. Ничто однако жъ не можетъ сравниться съ тѣмъ мрачнымъ состояніемъ духа, которое овладѣло мною, когда я, однажды вечеромъ, съ Ватерлооскаго моста смотрѣлъ на Темзу. Мнѣ чудилось, будто въ волнахъ ея отражается душа моя, будто она выглядываетъ на меня оттуда со всѣми своими незажившими ранами... И съ тѣмъ вмѣстѣ разныя печальныя воспоминанія приходили мнѣ на память... Я вспомнилъ о розѣ, которую поливали уксусомъ, отъ чего она утратила свое благоуханіе и рано завяла... Я вспомнилъ о заблудившейся бабочкѣ, которую одинъ путешественникъ, взобравшись на Монбланъ, замѣтилъ между ледниками... Я вспомнилъ о ручной обезьянѣ, которая такъ привязалась къ людямъ, играла съ ними, ѣла съ ними вмѣстѣ; но однажды за столомъ замѣтила, что на блюдѣ съ жаркимъ лежалъ ея собственный зажаренный дѣтенышь: она съ живостію схватила его, убѣжала въ лѣсъ и съ тѣхъ поръ уже не возвращалась болѣе къ друзьямъ своимъ, людямъ. Ахъ, моему сердцу стало такъ больно, что невольныя слезы покатились изъ глазъ моихъ... Онѣ упали въ

Темзу и поплыли въ безбрежное море, которое уже столько поглотило человѣческихъ слезъ, того не замѣчая.

«Въ эту самую минуту странная музыка прервала нить моихъ печальныхъ размышленій. Я оглянулся: на берегу собралась значительная толпа народа, словно привлеченная какимъ-нибудь любопытнымъ зрѣлищемъ. Я подошелъ ближе и увидѣлъ цѣлое семейство фигляровъ, которое состояло изъ слѣдующихъ лицъ:

«Во 1-хъ, изъ маленькой приземистой женщины, которая была одѣта вся въ черномъ, имѣла крошечную голову и огромное брюхо. На брюхѣ этомъ висѣлъ непомѣрной величины барабанъ, по которому она колотила безъ всякаго милосердія.

«Во 2-хъ, изъ карлика, одѣтаго, подобно Французскимъ маркизамъ, въ кафтанъ, шитый золотомъ. Большая голова его была напудрена, но впрочемъ былъ онъ худъ и жидокъ. Танцуя взадъ и впередъ, онъ игралъ на треугольникѣ.

«Въ 3-хъ, изъ пятнадцати-лѣтней дѣвушки, наряженной въ короткую узенькую куртку изъ шелковой матеріи съ голубыми полосками и въ широкіе полосатые того же цвѣта шаровары. Она показалась мнѣ какимъ-то эѳирнымъ, прелестнымъ существомъ.

Лице ея отличалось Греческой красотой. Носъ ея былъ прямъ, губы нѣсколько полны, а подбородокъ мечтательно закругленъ. Станъ ея былъ гибокъ и строенъ. Цвѣтъ ея кожи походилъ на желтизну солнца; черные, блестящіе волосы сходили толстыми прядями по обѣимъ сторонамъ висковъ. Угрюмо, даже нѣсколько сердито смотрѣла она на четвертое лице общества, которое въ это время показывало свои фокусы.

«Этой четвертой особой была ученая собака, пудель, подававшій большія надежды. Къ величайшему удовольствію Англійской публики онъ только лишь успѣлъ, изъ положенныхъ передъ нимъ деревянныхъ буквъ, составить какое-то имя, къ чему присоединилъ очень лестное дополненіе, а именно слово *герой*. Собака не была Англійскимъ животнымъ, но вмѣстѣ съ тремя прочими особами принадлежала къ Французской породѣ.

«Общество вообще состояло изъ Французовъ; и карликъ, который вскорѣ отрекомендовалъ себя какъ monsieur Turlutu, началъ говорить по-Французски съ большою скоростію, сопровождая рѣчи столь живыми жестами, что бѣдные Англичане, пуще обыкновеннаго, разинули рты свои и раздули ноздри. Иногда, послѣ продолжительной рѣчи, карликъ вдругъ пѣлъ пѣтухомъ; и это *кукареку* вмѣстѣ съ именами многихъ лицъ, которыми онъ щедро пересыпалъ свои

разговоры, было, кажется, все то, что понимали его бѣдные слушатели.

«Кромѣ шутокъ, мсьё Тюрлютю былъ однимъ изъ самыхъ курьёзныхъ карликовъ, которыхъ мнѣ когда-либо случалось видѣть; его морщиноватое, старообразое лице было въ странной противоположности съ его дѣтско-тоненькимъ туловищемъ, а вся его наружность ни сколько не клеилась съ кунсштюками, имъ производимыми. Онъ принималъ самыя отчаянныя положенія и разсѣкалъ воздухъ вдоль и поперегъ непомѣрно длинной рапирой, и при этомъ постоянно клялся честью, что такая-то кварта или такая-то терція никѣмъ не можетъ быть отбита, что драться такимъ образомъ, какъ онъ, никакой смертный не въ состояніи, и что любому изъ присутствующихъ онъ предлагаетъ потягаться съ нимъ въ благородномъ искуствѣ фехтованія. Истыкавъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ, и удостовѣрившись наконецъ, что никто не принимаетъ его вызова, карликъ раскланялся съ древне-Французской граціей, поблагодарилъ за лестный пріемъ, ему оказанный, и *взялъ на себя смѣлость* объявить достопочтенной публикѣ о зрѣлищѣ самомъ необыкновенномъ, какое когда-либо возбуждало удивленіе Англіи.

«Воззрите на сію особу,» произнесъ онъ громогласно, надѣвъ грязныя лайковыя перчатки и вводя въ средину круга съ самой почтительной вѣжливостію

молодую дѣвушку, принадлежавшую къ ихъ обществу; «персону эту зовутъ mademoiselle Laurence; она единственная дочь той почтенной дамы, которая имѣла честь играть на барабанѣ передъ вами и которая до сихъ поръ продолжаетъ носить трауръ по случаю потери нѣжно-любимаго супруга своего, величайшаго чревовѣщателя Европы. Mademoiselle Laurence будетъ теперь плясать. Воздайте должную дань удивленія пляскѣ mademoiselle Laurence!»

«И произнеся эти слова, онъ снова запѣлъ какъ пѣтухъ.

«Молодая дѣвушка, казалось, не обращала ни малѣйшаго вниманія ни на рѣчи карлика, ни на взгляды зрителей. Съ видомъ недовольнымъ, погруженная въ раздумье, стояла она и ждала до тѣхъ поръ, пока карликъ, разложивъ у ногъ ея большой коверъ, не началъ снова подъ бой огромнаго барабана играть на своемъ треугольникѣ. Музыка эта была самая странная, какая-то смѣсь безсмысленной воркотни и раздраженія. Мой слухъ поразила мелодія патетически-шутовская и трогательно-нахальная, однимъ словомъ, самая разногласная мелодія, хотя она и отличалась какою-то своеобразной простотою. Но я однако же забылъ о музыкѣ, когда дѣвушка начала свою пляску

«И пляска и плясунья почти насильно привлекли все мое вниманіе. Движеній нельзя было назвать тою классической пляской, какую мы находимъ въ нашихъ балетахъ, гдѣ точно такъ же, какъ и въ классическихъ трагедіяхъ царствуютъ лишь искуственность и вычурныя особенности. Laurence нельзя было назвать отличной танцовщицей; носки ея не показывали достаточной гибкости, ноги ея не были пріучены къ разнымъ противоестественнымъ коверканьямъ; Laurence не понимала того искуства танцованія, которому училъ Вестрисъ, но плясала такъ, какъ природа учитъ плясать человѣка: каждое движеніе въ ней согласовалось съ ея па́; не ноги ея однѣ плясали—все ея тѣло плясало, лице ея плясало... Она иногда блѣднѣла, походила на мертвую; глаза ея выкатывались; уста ея дрожали отъ нѣги и боли... и ея черные волосы, прилегая гладкими овалами къ вискамъ, двигались какъ два машущихъ черныхъ крыла ворона. Вы видите, ея пляски нельзя назвать ни классическою, ни романтической: въ ней не было ничего напоминающаго средніе вѣки, ничего Венеціанскаго, ничего уродливаго, ничего устрашающаго; въ ней не было ни луннаго свѣта, ни преступленія... Танецъ этотъ не старался прельстить красотою формъ движенія; но самыя эти формы движенія казались словами какаго-то особеннаго языка, который выражалъ что-то особенное. Что жъ говорилъ этотъ танецъ? Я ничего не могъ понять, хотя и страстно-выразителенъ былъ его языкъ. Мнѣ иногда лишь

чудилось, что тутъ говорилось о чемъ-то чудно-мучительномъ. И я, который обыкновенно такъ легко понимаю по малѣйшимъ признакамъ всѣ явленія, никакъ не могъ понять этой вытанцовываемой загадки. Причиною тому, что я напрасно добивался толку въ этомъ танцѣ, была, можетъ быть, и самая музыка, которая, какъ мнѣ казалось, каждый разъ нарочно сбивала меня съ пути, съ необыкновеннымъ лукавствомъ путала всѣ мои мысли и вѣчно мнѣ мѣшала думать и соображать. И мсьё Тюрлютю иногда такъ злобно посмѣивался. И госпожа матушка (madame Mutter) съ такимъ остервенѣніемъ колотила по барабану, что лице ея, изъ-за тучи ея черной шляпы, выглядывало какъ багровая луна.

«Когда труппа удалилась, я еще долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и все думалъ, чтобы означалъ этотъ танецъ? Не былъ ли онъ южно-Французскимъ или Испанскимъ національнымъ танцомъ? Къ этому заключенію могла привести та живость, съ какою дѣвушка бросалась изъ стороны въ сторону, та необузданная дикость, съ которою она иногда закидывала назадъ свою голову, подражая этимъ отважной манерѣ тѣхъ Вакханокъ, которыхъ мы съ такимъ удивленіемъ разглядываемъ на рельефахъ древнихъ вазъ. Въ эти минуты въ пляскѣ ея было что-то невольно-упояющее, что-то мрачно-неотвратимое, что-то фаталическое; въ эти минуты она танцовала какъ

судьба. Или танецъ ея былъ отрывкомъ давно-забытой, стародревней пантомимы? Выражала ли пляска эта какое-нибудь частное происшествіе? Иногда дѣвушка наклонялась къ землѣ, какъ бы прислушиваясь къ чему-то, какъ бы внимая какому-то голосу, который говорилъ къ ней изъ нѣдръ земли... Тогда она начинала дрожать какъ осиновый листъ, быстро отворачивалась въ противоположную сторону, производя скачки самые буйные, самые отчаянные; и потомъ снова наклоняла ухо къ землѣ, прислушивалась со страхомъ еще бо̀льшимъ; кивала головой, краснѣла, блѣднѣла, содрогалась; нѣсколько мгновеній стояла прямо и неподвижно, какъ бы окаменѣвъ, и наконецъ дѣлала движенія, какъ бы мо̀я руки. Не кровь ли это смывала она такъ тщательно долго, такъ ужасно тщательно? При этомъ разъ она покосилась въ сторону, и взоръ ея былъ такъ умоляющъ, такъ умилителенъ, такъ полонъ убѣжденія... и этотъ взоръ нечаянно упалъ на меня.

«Всю слѣдующую за тѣмъ ночь я продумалъ объ этомъ взглядѣ, объ этой пляскѣ, объ этой сказочной мелодіи; и когда на другое утро я по обыкновенію пошелъ бродить по Лондонскимъ улицамъ, то почувствовалъ непреоборимое желаніе снова встрѣтиться съ прекрасною танцовщицей—и каждый разъ внимательно прислушивался, когда нечаянно звуки барабана или треугольника поражали мой слухъ... Мнѣ

удалось наконецъ найти въ Лондонѣ хотя что-нибудь занимательное, и я уже не бродилъ, какъ бывало прежде, безъ цѣли между зѣвакъ по улицамъ.

«Я возвращался изъ Товра, гдѣ съ величайшимъ вниманіемъ осмотрѣлъ топоръ, которымъ была отрублена голова Анны Болейнъ, и коронные брильянты, какъ вдругъ на Товрской площади, въ толпѣ народа, замѣтилъ *госпожу матушку* съ огромнымъ барабаномъ и услышалъ, какъ мсьё Тюрлютю запѣлъ пѣтухомъ. Ученая собака снова складывала слова, карликъ снова показывалъ свои неотразимыя терціи и кварты и mademoiselle Laurence снова начала свой удивительный танецъ. Я опять увидѣлъ тѣ же самыя загадочныя движенія, тотъ же самый языкъ, котораго не могъ понять, то же самое буйное отбрасываніе назадъ прекрасной головки, то же прислушиваніе къ землѣ, ту же боязнь, которая хочетъ забыться въ отчаянныхъ прыжкахъ; и опять я увидѣлъ, какъ дѣвушка наклонила ухо къ землѣ, какъ она задрожала, какъ она поблѣднѣла, окаменѣла, какъ она съ ужасающей таинственностью стала мыть свои руки, и какъ умоляющій взоръ ея упалъ на меня и остановился на мнѣ долѣе прежняго.

Каждая женщина, какаго бы возраста она ни была, тотчасъ замѣтитъ, если успѣетъ привлечь вниманіе мущины. Хотя Laurence, исключая тѣ минуты, въ которыя она танцовала, всегда угрюмо и

неподвижно смотрѣла внизъ, а во время каждаго танца бросала лишь только по одному краткому взгляду на окружающихъ; но я все-таки твердо убѣжденъ, что не случай былъ единственною причиною того, что взоръ ея каждый разъ, когда мы встрѣчались, упадалъ именно на меня; и чѣмъ чаще я бывалъ свидѣтелемъ ея танцовъ, тѣмъ выразительнѣе блистали ея глаза, но съ тѣмъ вмѣстѣ и непонятнѣе. Я былъ какъ околдованъ этимъ взглядомъ и три недѣли сряду съ утра до вечера я бродилъ по улицамъ Лондона и останавливался вездѣ, гдѣ лишь танцовала mademoiselle Laurence. Не смотря на величайшій шумъ, я уже издали узнавалъ звуки барабана и треугольника, а мсьё Тюрлютю при моемъ приближеніи каждый разъ встрѣчалъ меня самымъ ласковымъ кукареку. Странно: я никогда не разговаривалъ ни съ нимъ, ни съ Laurence, ни съ госпожей матушкой, ни даже съ ученой собакой, и однако жъ мнѣ наконецъ показалось, что я также принадлежу къ ихъ обществу.

«Когда мсьё Тюрлютю собиралъ деньги, онъ, приближаясь ко мнѣ, доказывалъ, что былъ одаренъ тончайшимъ тактомъ, ибо всегда отворачивался въ противоположную сторону, когда я опускалъ въ его треугольную шляпу мою мелкую монету. Въ самомъ дѣлѣ, въ поступкахъ его выказывался какой-то навыкъ къ знатности, и онъ каждый разъ напоминалъ мнѣ уже забытую теперь учтивость временъ минувшихъ.

Лишь стоило взглянуть ни этаго крошку-человѣка, чтобъ удостовѣриться, что онъ точно возросъ въ лучшемъ въ кругу, и тѣмъ удивительнѣе казалось, когда онъ по-временамъ, забывая всѣ свои достоинства, начиналъ пѣть какъ пѣтухъ.

«Не могу вамъ выразить, какъ я былъ раздосадованъ, когда однажды, три дня сряду напрасно отыскивая на всѣхъ улицахъ Лондона мое маленькое общество, я долженъ былъ наконецъ убѣдиться, что оно оставило городъ. Скука опять заключила меня въ свои свинцовыя объятія и опять сдавила мое сердце. Наконецъ я не вытерпѣлъ долѣе, сказалъ прости Мобамъ (Mob), Блекгвердамъ (Blackguard), Джентльменамъ и Фешёнебламъ Англіи, этимъ четыремъ сословіямъ государства, и снова возвратился на твердую землю, въ страну образованности, гдѣ я благоговѣйно преклонилъ колѣна передъ первымъ чистымъ передникомъ повара, котораго встрѣтилъ. Здѣсь я снова могъ пообѣдать, какъ слѣдуетъ благоразумному человѣку, могъ снова насладиться лицезрѣніемъ людей, не зараженныхъ эгоизмомъ, знакомыхъ съ добродушіемъ. Но о Laurence я нигдѣ забыть не могъ; долго въ памяти моей живо сохранялся ея танецъ; неразъ, въ одинокія минуты бездѣлья и досуга, я размышлялъ о загадочной пантомимѣ прекрасной малютки, и особенно о томъ, какъ она прислушивалась, склонившись ухомъ къ землѣ. И много протекло времени, прежде, нежели могли

совершенно изгладиться изъ моей памяти стукъ барабана и звуки треугольника.

«И этимъ кончилась исторія? воскликнула Марія, съ живостію приподнимаясь.

«Максимиліанъ снова принудилъ ее опуститься на софу, приложилъ съ угрозою указательный палецъ къ губамъ своимъ и произнесъ:

«Тише! тише! Ни одного слова; лежите спокойно. Я вамъ раскажу конецъ моей исторіи. Но прошу васъ не прерывать меня болѣе.

«И расположившись еще съ большимъ удобствомъ въ своихъ креслахъ, онъ продолжалъ слѣдующимъ образомъ.»

Пусть расказываетъ Максимиліанъ; но мы не будемъ подражать его примѣру, и отсылаемъ любопытныхъ къ подлиннику, который очень милъ, но очень трудно переводится и, сознаемся не краснѣя, требуетъ помарокъ въ переводѣ. Все оригинальное нужно непремѣнно читать въ оригиналѣ, если вы хотите составить себѣ объ немъ вѣрное и точное понятіе.

Въ Салонѣ есть также и стихи. Хотите ли вы что-нибудь прочитать изъ нихъ?—Да!—Такъ слушайте, но прошу не взыскивать, если неудаченъ переводъ.

An Catharina.

Звѣзда прекрасная ночь сердца озарила,
И мнѣ она сулитъ иные дни.
Отрадъ и счастья вѣстникъ милый,
Не обмани!

Какъ океанъ въ лунѣ вздымаетъ волны,
Такъ я свой взоръ стремлю въ твои огни,
Отвагъ и ожиданья полный:
Не обмани!

Еще два слова о полемическихъ статьяхъ Гейне. Въ статьяхъ этихъ Гейне, по несчастію, часто впадаетъ въ брань, которую, какъ бы остра ни была, никакъ нельзя назвать изящною, точно также, какъ мишуру никто золотомъ не назоветъ, хотя то и другое блеститъ одинаково. Къ тому же тотъ, кто уважаетъ себя самаго, всегда станетъ уважать и другихъ.

К. Петерсонъ.

НОВОЕ ЖИЛИЩЕ.

(Продолженіе «Семейства».)

Прощай, жилище моего дѣтства! Прощайте, стѣны, которыя были безчувственными свидѣтелями моихъ первыхъ слезъ и первыхъ улыбокъ, моихъ первыхъ шаговъ и паденій на скользкомъ пути жизни, моего перваго знакомства съ габеръ-супомъ и азбукой! Прощай, уголъ, гдѣ я столько разъ стояла съ недоученными уроками; прощай и ты, гдѣ я напрасно старалась сдѣлать ручными двухъ неблагодарнѣйшихъ тварей: муху и червяка; прощай, полъ, на которомъ я играла и ссорилась съ любимыми сестрами; прощайте, обои, которыя я рвала въ надеждѣ найти подъ вами мнимыя сокровища, и вы, арены моихъ паденій со стаканами и графинами и разныхъ другихъ подвиговъ. Примите всѣ мое послѣднее—прости! Я иду искать на новомъ поприщѣ новыхъ похожденій и новыхъ судебъ.

Такъ прощалась Петрея Франкъ съ жилищемъ, оставляемымъ ею, и всѣмъ ея семействомъ, и сопровождала свою трагикомическую рѣчь патетическими жестами.

Былъ дождливый день около половины Апрѣля мѣсяца. Черный шелковый салопъ, прозванный «придворнымъ проповѣдникомъ» (общее достояніе Франкскаго семейства), и огромный красный зонтикъ, извѣстный подъ названіемъ «фамильной крыши» (равномѣрно всеобщая собственность) — были въ этотъ день въ безпрестанномъ движеніи на улицахъ города Х. О причинѣ этаго движенія можно было догадываться по высокой бѣлокурой служанкѣ съ голубыми глазами и низенькому проворному лакею, которые шли вслѣдъ за салопомъ и зонтикомъ, нагруженные шкатулками, корзинами, узлами и пр. и пр. Когда начало смеркаться, показалась и худощавая длинная фигура Іереміи Мунтера; онъ несъ «фамильную крышу», прикрывая Петрею и самаго себя. Петрея, по видимому, несла что-то подъ салопомъ, смѣялась и болтала, и казалось, что путники были равно довольны другъ другомъ. Но это, увы! продолжалось не долго. На крыльцѣ передъ самымъ домомъ Петрея какъ-то наступила на снурокъ своего сапожка, споткнулась и—упала; изъ подъ-салопа вывалился большой мѣшокъ съ конфетами; миндальное пирожное, карамели и ликерные фрукты покатились во всѣ стороны. Не смотря на испугъ и непріятность своего положенія, Петрея съ трудомъ могла удержаться отъ громкаго смѣха, увидѣвъ, какъ остолбенѣлъ Ассесоръ, и съ какими ужимками онъ глядѣлъ на конфеты, которыя прыгали внизъ по лѣстницѣ и скатывались въ канаву. Такова была горестная участь соб-

ственнаго приношенія Ассесора по случаю этаго торжественнаго дня.

Ужъ съ этими женщинами ни въ чемъ толку нѣтъ. Стоитъ имъ только сунуться, чтобы все испортить. «Дайте, я сдѣлаю, я устрою!» Да вотъ тебѣ и сдѣлаютъ и устроятъ такъ, что... Слыханное ли дѣло падать на снурокъ сапога? Недаромъ говорятъ, что женщины ничего не умѣютъ сдѣлать порядочно, а еще хотятъ, чтобы онѣ управляли государствами. Управлять государствами!!! Да и того бы ужъ довольно было, если бы онѣ умѣли управлять своими собственными ногами и завязывать, какъ слѣдуетъ, свои сапоги и башмаки. Но начиная съ самой знатной барыни и до послѣдней судомойки, нѣтъ ни одной женщины, которая умѣла бы завязывать сапоги!

Такова была филиппика Іереміи Мунтера, когда онъ, вошедши съ Петреей въ комнату, осмотрѣлъ, много ли осталось въ мѣшкѣ послѣ ужаснаго кораблекрушенія. Ни извиненія, ни просьбы Петреи о помиловании не могли укротить его гнѣва. И то правда, что хохотъ, отъ котораго она не могла удержаться, совсѣмъ не подтверждалъ искренности ея сожалѣнія о случившейся бѣдѣ. Однако жъ оно было непритворно; къ нимъ подошла Фанни, и умоляющимъ, ласковымъ тономъ сказала: полно, дяденька! не сердитесь пожалуста. Петреѣ и самой жаль, и къ тому же она

такъ больно ушибла себѣ колѣно! На это Ассесоръ отвѣчалъ значительно смягченнымъ голосомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Но кто жъ виноватъ, что она такая косолапая, ходитъ какъ будто въ просонкахъ и на всякомъ шагу спотыкается? Это вѣдь...

«Конфетъ вѣдь всегда можно достать!»

— Ты думаешь? Онѣ на деревьяхъ что ли ростутъ? А? стану я покупать конфеты, чтобы имъ валяться потомъ на улицахъ? Нѣтъ, спасибо! я не такой дуракъ.

«Скажите Петреѣ хоть ласковое словцо!»

— Какъ же не такъ? Я скажу ей лучше, чтобы она выучилась поискуснѣе завязывать свои сапоги. Ну, такъ и быть, я пойду за конфетами. Но это только для васъ, миссъ Фанни. Право только для васъ! Да не только итти, я бы и плясать готовъ въ угожденіе... Однако дождь идетъ! Дайте-ка мнѣ фамильную крышу, да и салопъ-то вашъ не лишній будетъ: давайте и его сюда. Ну, что вы вытаращили глаза? А? Боитесь, чтобы меня не осмѣяли на улицѣ? Пускай себѣ смѣются, сколько хотятъ; это не уменьшитъ моего достоинства. Главное—здоровье и удобство. Былъ бы только плащь, а каковъ онъ, это все равно!

Дѣвицы смѣясь набросили на плеча Ассесора салопъ, который едва доходилъ ему до колѣнъ, и онъ отправился въ путь огромными шагами.

Семейство въ этотъ день переѣхало въ новый домъ. Лагманъ купилъ его съ принадлежащимъ къ нему садикомъ, на такомъ условіи, чтобы онъ остался въ пожизненномъ владѣніи его и жены его; онъ уже два года принадлежалъ ему, и Лагманъ употребилъ это время на перестройки, починки и передѣлки; гдѣ заколачивалъ двери, гдѣ прорубалъ новыя, и не былъ доволенъ до тѣхъ поръ, пока не устроилъ всего соотвѣтственно своему плану и желанію. Элиза, имѣвшая полную довѣренность къ мужу, предоставила все на его благоусмотрѣніе и была очень рада, что могла избавиться — а это было не такъ-то легко — отъ стука печниковъ и столарей, и непріятности шагать по стружкамъ, и пробираться между лѣсами, ведрами съ известью и т. п. Только выборъ обоевъ и другихъ украшеній Лагманъ поручилъ женѣ и дочерямъ.

И вотъ онъ весело взялъ жену подъ руку и сталъ водить ее изъ однаго этажа въ другой по всѣмъ комнатамъ, и радовался покойному, просторному и удобному расположенію своего жилища, а еще болѣе восхищенію Элизы при видѣ всего, что онъ сдѣлалъ. Она должна была непремѣнно пройти весь домъ отъ

подваловъ до чердака и заглянуть въ сараи, назначенные для катка, для дровъ, и пр.

Чтобъ не утомить читателя, мы не заставимъ его странствовать съ ними по всему дому, и развѣ только познакомимъ его съ двумя комнатами, гдѣ мы часто будемъ находить семейство. На залу и гостиную мы взглянемъ только мимоходомъ; онѣ были красиво убраны, но впрочемъ не отличались ничѣмъ необыкновеннымъ; но вотъ мы входимъ въ комнату, на устройство которой Лагманъ по-видимому обратилъ особенное вниманіе и которая должна была служить семейству ежедневнымъ сборнымъ мѣстомъ: это такъ называемая библіотека — заслуживающая, чтобы мы съ нею поближе познакомились; то была длинная, веселая комната, съ тремя окнами въ-рядъ на большую торговую площадь. Луиза была очень довольна этимъ; въ торговые дни можно было изъ окошка высматривать, есть ли что нужное для хозяйства; на противоположной сторонѣ площади была церковь съ кладбищемъ, осѣненнымъ прекрасными деревьями, и этотъ видъ очень нравился Элизѣ. Противоположная стѣна комнаты была уставлена полками съ книгами, и литература каждой страны заключалась въ особенномъ отдѣленіи. Между каждымъ отдѣленіемъ находились ниши, въ которыхъ стояли на красивыхъ пьедесталахъ бюсты великихъ мужей, прославившихся мирными подвигами, и Лагманъ замѣтилъ, что они своимъ присутствіемъ здѣсь не *раз-*

дѣляли, но *соединяли* народы. Надобно сказать, что библіотека Лагмана состояла изъ отборныхъ книгъ; однимъ изъ величайшихъ его наслажденій всегда было увеличивать эту коллекцію. Теперь она въ первый разъ была приведена въ порядокъ и собрана въ одно мѣсто. Онъ не могъ нарадоваться на это сокровище и позволилъ дочерямъ пользоваться имъ неограниченно, однако съ непремѣннымъ условіемъ: *по прочтеніи ставить книги на прежнія мѣста*. Луиза тутъ же была назначена библіотекаремъ, а Петрея секретаремъ ея. Мать и дочери были въ восхищеніи отъ этой комнаты и сейчасъ опредѣлили, гдѣ что поставить; тутъ будетъ стоять рабочій столъ, тутъ горшки съ цвѣтами, а тутъ птицы, и странно! все приходилось, какъ нельзя лучше. У одной поперечной стѣны стояла зеленая софа, назначенная для матери, а у противоположной помѣщались фортепіано, арфа— любимый инструментъ Сары — и гитара, на которой играла Фанни, припѣвая: «mamma mia!»

Пріятный сюпризъ ожидалъ Элизу, когда Лагманъ вдругъ отворилъ маленькую дверь, закрытую обоями, и ввелъ ее изъ библіотеки въ кабинетъ (изъ окна его былъ тотъ же видъ, какъ изъ библіотеки), назначенный собственно для нея. Элиза была тронута, когда замѣтила, что красивую мебель комнаты вышивали ея дочери. У окна стоялъ письменный столъ; прекрасныя картины и группы изъ Севрскаго фарфора довершали убранство покоя. Сладостное чувство

благодарности овладѣло Элизой, когда она увидѣла, до какой степени мужъ и дѣти были внимательны къ ея малѣйшимъ прихотямъ и привычкамъ.

Другая такая же дверь привела Элизу изъ кабинета въ спальню; и Лагманъ показалъ ей, какъ тихо дверь отворялась, и какъ женѣ его легко будетъ, съ какой угодно стороны, запираться, когда ей вздумается отдохнуть.

Послѣ этой комнаты Элизѣ особенно понравилась купальня, въ которой Лагманъ соединилъ удобство съ щеголеватостью. Онъ тотчасъ началъ повертывать краны, чтобы показать ей, какъ изъ того льется горячая, а изъ этаго холодная — ахъ, нѣтъ, виноватъ! изъ *того* холодная, а изъ *этаго* горячая вода. Здѣсь, благодаря всѣмъ удобствамъ и прекрасному устройству, день субботній, который въ семействѣ Франкъ почитался, въ своемъ родѣ, такимъ же праздникомъ, какъ воскресный, будетъ вдвое пріятнѣе.

Сосѣдняя комната, назначенная уборною послѣ купанья, служила вмѣстѣ съ тѣмъ и постояннымъ мѣстопребываніемъ старой Бригитты. Здѣсь ей было предназначено тихо доживать свою старость вмѣстѣ съ огромнымъ шкапомъ для бѣлья. Здѣсь съ мѣрнымъ стукомъ шли ея часы, здѣсь мурлыкала ея кошка, здѣсь цвѣли ея геранiи и бальзаминъ, а между ними лежали библія и книга съ церковными пѣснями.

На противоположномъ концѣ дома были три веселыя свѣтлыя комнаты для дочерей; онѣ были убраны просто, но со вкусомъ.

«Здѣсь имъ будетъ хорошо!» сказалъ отецъ, и глаза его блестѣли отъ удовольствія. «Не правда ли, Элиза? Я бы желалъ, чтобы онѣ до того чувствовали себя счастливыми въ родительскомъ домѣ, что только для важныхъ причинъ захотѣли бы разстаться съ нимъ. Никакое безпокойство, никакое неудовольствіе въ домашнемъ мірѣ не удалитъ ихъ отъ насъ. Здѣсь онѣ найдутъ свободу и спокойствіе и могутъ часто бесѣдовать наединѣ съ своими мыслями. Такія минуты полезны для всякаго, и молодымъ дѣвушкамъ, какъ и всѣмъ людямъ, не мѣшаетъ иногда предаваться размышленію и входить въ самихъ себя.»

Элиза отъ всего сердца одобрила эти слова. Но тутъ вошла Луиза и приходомъ своимъ развлекла мать, которая должна была поговорить съ нею о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Между ними завязался живой разговоръ, изъ котораго Лагманъ слышалъ только слѣдующее:

«А потомъ блины! Смотри, мой другъ, не забудь позаботиться, чтобы испекли штукъ шесть какъ можно потолще и погуще, знаешь, какъ Генрихъ любитъ.»

«Не заказать ли къ блинамъ битыхъ сливокъ съ малиннымъ вареньемъ?»

«Почему жъ нѣтъ! Вѣдь Якоби большой охотникъ до этаго.»

Луиза немного закраснѣлась, а Лагманъ въ шутку сталъ просить, чтобъ къ ужину подали еще что-нибудь кромѣ «небеснаго кушанья,» что и было ему обѣщано.

Между-тѣмъ Ассесоръ въ залѣ встряхивалъ «фамильную крышу», приговаривая въ-сердцахъ: «Этакаго глупаго зонтика я съ-роду не видывалъ! не защищаетъ ни отъ вѣтру, ни отъ дождя, а тяжелъ, какъ ковчегъ и...» Крикъ восклицанія и радостныя привѣтствія нѣсколькихъ веселыхъ голосовъ прервали воркотню и усердное стряхиванье Ассесора. Тутъ онъ бросилъ «придворнаго проповѣдника» со всего размаху на фамильную крышу, и быстрыми шагами пошелъ встрѣчать только-что пріѣхавшихъ изъ университета сына и друга своихъ пріятелей.

Жалостныя восклицанія смѣшивались съ привѣтствіями и поздравленіями.

«Ахъ, какъ вы промокли, какіе вы блѣдные, какъ вы перезябли!»

«Да, насъ славно смочило!» сказалъ Генрихъ отряхиваясь и смотря на Якоби, который въ своемъ мокромъ платьѣ былъ очень жалокъ на-взглядъ. «Такая погода совершенно въ моемъ вкусѣ. Въ вѣтеръ и дождь чувствуешь себя такъ — незнаю, какъ сказать? Ты понимаешь меня, mon cher?

«Какъ кисель, настоящій кисель!» плаксиво вопилъ Якоби, «да и можетъ ли быть иначе, когда трясешься на мерзкой крестьянской тележкѣ въ вѣтеръ и проливной дождь, отъ котораго того и гляди, что разстаешь или разкиснешь! У у у у у!»

Генрихъ отъ души хохоталъ надъ несчастной фигурой своего товарища и говорилъ: «А по-моему такая погода только укрѣпляетъ. И потомъ, какое богатырское, возвышенное чувство сидѣть прямо и спокойно посреди разъяренныхъ стихій, и смотрѣть съ высоты, какъ люди бѣгаютъ и пачкаются въ грязи и прячутся подъ зонтиками. А нашъ братъ сидитъ-себѣ на телегѣ, какъ на тронѣ, и самодовольно улыбается при мысли, что онъ-таки не послѣдній философъ. Кстати! Если я не ошибаюсь, то я видѣлъ на улицѣ какаго-то философа, который шагалъ въ женскомъ салопѣ. Ну что-то вы все подѣлываете, милыя сестрички? Какъ мы давно съ вами не видались»? И онъ жалъ имъ руки своими холодными, сырыми руками. Эти радостныя изліянія, происходившія въ сумеркахъ, были прерваны просьбами дамъ, которыя

настаивали, чтобы пріѣзжіе пошли скорѣе перемѣнить мокрое платье. Якоби довольно легко далъ уговорить себя; что касается до Генриха, то Луиза нашла, что его философія въ этомъ случаѣ была не совсѣмъ кстати. По ея распоряженію пріѣзжіе были встрѣчены въ своемъ мирномъ пріютѣ яркимъ пламенемъ затопленной печи.

Между-тѣмъ дамы расположились въ библіотекѣ; подали свѣчи, поставили столы; Лагманъ самъ вездѣ помогалъ, и радъ былъ, когда его звали на помощь. Ассесоръ съ восхищеніемъ смотрѣлъ, какъ Фанни раскладывала конфеты на маленькія тарелочки. На нихъ Петрея не смѣла и взглянуть, а еще менѣе дотронуться до нихъ.

«Ахъ, какъ здѣсь хорошо, мои дѣтушки! «воскликнулъ Лагманъ въ полнотѣ чувства, видя, что семейство собралось въ библіотекѣ согласно съ ея предназначеніемъ.» Покойно ли ты сидишь на софѣ, Элиза? Не подать ли тебѣ скамейку подъ ноги?» Нѣтъ, мой другъ, не безпокойся! — «Для чего же и созданы мущины, если не для того, чтобы прислуживать дамамъ?»

Въ Кандидатѣ... какъ можно?.. въ бывшемъ Кандидатѣ, а нынѣ Магистрѣ Якоби, нельзя было узнать стоявшую недавно передъ нами промокшую фигуру, когда онъ черезъ часъ послѣ того въ щегольскомъ

нарядѣ явился къ дамамъ съ молодымъ своимъ другомъ; лице его засіяло радостію при видѣ веселой картины, представившейся глазамъ его.

Теперь стали разсматривать другъ друга внимательнѣе. Всѣ нашли, что Генрихъ очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ, и онъ принялъ это за комплиментъ его прилежанію. Якоби желалъ для себя такаго же комплимента, но цвѣтущій здоровый видъ его никому не позволилъ доставить ему это удовольствіе. Онъ увѣрялъ, что у него лице горѣло отъ вѣтра, но это не помогло. Луиза про себя замѣтила, что Якоби очень возмужалъ и наружностью и умомъ, и что онъ тѣмъ начиналъ немного походить на ея отца. Для Луизы отецъ ея былъ еще идеаломъ мужскаго совершенства.

Маленькая Габріэль сильно покраснѣла и спряталась за мать, когда братъ, обращаясь къ ней, сказалъ: «А какъ поживаетъ ея высочество, принцесса Turandotte? Не заготовила ли ваша милость какой-нибудь головоломной загадки для упражненія нашихъ тупыхъ умишекъ?»

Маленькая «ея высочество» пришла въ большое замѣшательство и хотѣла вырвать ручку, которую Генрихъ не уставалъ цѣловать; Габріэль стыдилась длиннаго студента.

Генрихъ бесѣдовалъ по нѣскольку минутъ глазъ-на-глазъ съ каждою изъ сестеръ; «съ маленькой Африкой» tête-à-tête былъ что-то коротокъ и холоденъ. Потомъ онъ сѣлъ подлѣ матери, и все время держалъ ея руку; разговоръ оживился и сдѣлался всеобщимъ. Фанни разносила конфеты.

«Что тамъ случилось?» сказалъ вдругъ Генрихъ. «Зачѣмъ всѣ сестры оставляютъ насъ и съ важными минами собираются тамъ для тайныхъ совѣщаній? Не угрожаетъ ли опасность отечеству? Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ участвовать въ его спасеніи? Однако прежде дайте намъ подкрѣпить силы ужиномъ!» прибавилъ онъ въ-сторону такъ, какъ на театрѣ говорятъ *въ-сторону*.

Ужинъ-то именно и былъ предметомъ этихъ совѣщаній; онъ висѣлъ на ниточкѣ — блины совсѣмъ не удавались. Якоби и Генрихъ предложили свои услуги и, не смотря на сопротивленіе Луизы, ворвались въ кухню, гдѣ они смѣшили дѣвицъ и приводили въ комическое отчаяніе кухарку неловкостью своею въ ролѣ поваровъ, такъ-что Луиза должна была принять важную мину, чтобы положить конецъ хохоту и проказамъ этихъ господъ, и собственноручно взяться за дѣло, чтобы замѣнить горѣлые блины другими. Кухарка подъ ея надзоромъ взболтала новое тѣсто; она сама захватила сковороду, и что жъ! теперь блины удались какъ нельзя лучше.

Якоби выпросилъ себѣ одинъ изъ *собственныхъ* ея рукъ, въ вознагражденіе своихъ трудовъ удостоился получить его, и проглотилъ горячій даръ съ такимъ пылкимъ восторгомъ, что онъ бы навѣрное сжегъ себѣ внутренность, если бы (по всей вѣроятности) другаго рода жаръ, какой-то духовный огонь не противодѣйствовалъ этому горячему веществу и тѣмъ не уничтожилъ его вреда. Однако жъ мы здѣсь, кажется, въ простотѣ души вдались въ гомеопатію? Но такъ-какъ съ нею никогда не накушаешся досыта, то мы оставляемъ кухню, чтобы вслѣдъ за нашими друзьями отправиться къ ужину, гдѣ блѣдные рыхлые блины Элизы вмѣстѣ съ толстыми блинами Генриха заслужили полное одобреніе, и гдѣ небесное кушанье убиралось съ самымъ земнымъ апетитомъ.

Потомъ пили за здоровье новопріѣзжихъ, и при этомъ случаѣ была пропѣта пѣсня сочиненія Петреи. Отецъ былъ въ восторгѣ отъ своей любезной Петреи, которая въ сильномъ одушевленіи подтягивала изо всей мочи, хотя не совсѣмъ пріятнымъ голосомъ, что однако не оскорбляло немузыкальнаго слуха Лагмана. «Она кричитъ всѣхъ громче!» сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ женѣ, которая была равнодушнѣе къ музыкальнымъ опытамъ своей дочери.

Не смотря на то, что всѣ члены семейства, каждый по своей части, провели день въ хлопотахъ и

движенія, молодежь, тотчасъ послѣ ужина, какъ будто по какому-то инстинктивному влеченію, начала танцовать.

Якоби, который по-видимому былъ очень пораженъ красотой Сары, началъ кружиться съ нею въ волшебномъ вихрѣ вальса. Наша «маленькая степенная пчелка» была теперь осьмнадцатилѣтнею блондинкой, не высокаго, но стройнаго роста, и отличалась въ танцахъ граціозною поступью и пріятными, хотя по своимъ лѣтамъ слишкомъ важными движеніями. Фанни однако сильнѣе привлекала вниманіе; она танцовала всѣмъ тѣломъ и душею. Золотокудрая Габріэль порхала по залѣ, какъ бабочка. Однимъ словомъ, всѣ танцовали въ этотъ вечеръ, всѣ заразились живостью перворожденнаго. Даже Ассесоръ пустился съ Фанни предводительствовать самымъ запутаннымъ и головоломнымъ Польскимъ, при чемъ показалъ изумительное искуство.

Наконецъ въ двенадцать часовъ танцы по желанію Элизы кончились. Но прежде-нежели семейство разошлось, Лагманъ попросилъ жену спѣть знакомую пѣсенку: «Первый вечеръ въ новомъ жилищѣ.» Она пропѣла ее съ обыкновеннымъ чувствомъ и простотою, и тихое счастіе, которымъ дышетъ эта пѣсня, проникнуло всѣхъ слушателей: на глазахъ Лагмана блестѣли даже слезы умиленія. Казалось, что въ эту минуту сіяніе мира внезапно озарило все семейство и

придало всѣмъ лицамъ новую прелесть. Пѣніе подобно солнцу бросаетъ на весь человѣческій міръ благодатный свой свѣтъ и сообщаетъ ему хотя минутную красоту. И «пряха» и «старикъ съ сумою» возводятся пѣніемъ въ царство прекраснаго, такъ-какъ они Евангеліемъ возводятся въ царство небесное.

При прощаніи было назначено собраться на другой день послѣ завтрака въ саду, чтобы общимъ совѣтомъ рѣшить, на-что этотъ садъ можетъ быть употребленъ.

Отецъ пошелъ самъ провожать дочерей на ихъ половину. Онъ еще разъ хотѣлъ посмотрѣть, «каково имъ тамъ», и пришедши туда, нѣсколько разъ спрашивалъ: «Ну, что, дѣтушки! хорошо ли вамъ? довольны ли вы? Если вамъ что не нравится, или чего недостаетъ, скажите мнѣ откровенно и не церемонясь!»

Въ отвѣтъ на эти слова, дѣвицы окружили отца, и ласками старались изъявить свою благодарность. Въ эту минуту не было на землѣ человѣка счастливѣе Лагмана Франкъ.

Между-тѣмъ мать удалилась съ своимъ «первенцомъ» въ свой кабинетъ. Во весь вечеръ имъ не удалось поговорить другъ съ другомъ глазъ-на-глазъ. Теперь она могла распросить его обо всемъ, что до

него касалось, начиная отъ самыхъ важныхъ и до самыхъ ничтожныхъ вещей, а онъ могъ отвѣчать ей со всею дѣтскою простотою своего сердца. Разговоръ шелъ о семейныхъ дѣлахъ, о покупкѣ новаго дома, о долгахъ, въ которые надобно было для того войти, и о средствахъ понемногу заплатить ихъ, о необходимости «большой бережливости» во всѣхъ отношеніяхъ. Потомъ рѣчь зашла о молодыхъ дѣвицахъ.

«Луиза настоящая царица!» сказалъ Генрихъ, «жаль, что цвѣтъ лица у нея не совсѣмъ хорошъ. Нельзя ли бы поправить его какимъ-нибудь умываньемъ? Свѣжій цвѣтъ лица очень бы возвысилъ ея красоту. И потомъ она иногда принимаетъ видъ ужасной смиренницы! Сегодня вечеромъ Якоби сказалъ ей какую-то вѣжливость, и Господи! какую она приняла важную мину! Знаешь, маменька, я думаю, что сестры слишкомъ много сидятъ дома. Въ четырехъ стѣнахъ дѣвушки дѣлаются черезъ-чуръ степенны. Намъ надобно стараться разшевелить и развеселить ихъ. А Фанни какъ выросла и какой у нея добрый, веселый видъ! Пріятно на нее смотрѣть и право можно бы влюбиться въ нее! Но что намъ дѣлать съ носомъ Петреи? Огромность его приводитъ меня въ отчаяніе. А жаль! она такая добросердечная и забавная! А Леонора! у нея все такой же болѣзненный и недовольный видъ. Мы постараемся развеселить ее.«

«Ахъ, да! Только бы она выздоровѣла, такъ уже все бы хорошо было. Ну, а какъ ты находишь нашу малютку Габріэль.

Ахъ, она прелестна съ своими минами знатной барышни! это къ ней такъ пристало.

«Ну, а Сара?»

«Сара?.. она хороша, даже, можно сказать, прекрасна, а все-таки — по крайней мѣрѣ по-моему — у нея есть что-то непріятное въ лицѣ. Она совсѣмъ въ другомъ родѣ, нежели сестры; въ ней есть что-то холодное, отталкивающее.»

«Это правда,» отвѣчала мать со вздохомъ, «въ ней есть что-то странное, особенно съ нѣкоторыхъ поръ. Я имѣю причины думать, что она находится подъ сильнымъ вліяніемъ опаснаго человѣка. Между-тѣмъ она дѣвушка съ большими способностями и умомъ, и изъ нея можетъ что-нибудь выйти, если, если... Она причиняетъ намъ много огорченія, потому-что мы любимъ ее, какъ родную дочь. У нея необыкновенный талантъ къ музыкѣ; ты увидишь, что это такое! Вообще въ ней есть много хорошаго и любви достойнаго. Ты будешь имѣть случай увѣриться въ томъ, оставшись съ нами подолѣе.»

«Ахъ, да, слава Богу! теперь я могу пробыть съ вами нѣсколько мѣсяцевъ.»

Разговоръ перешелъ къ будущности Генриха. Лагманъ желалъ, чтобы онъ посвятилъ себя горнымъ наукамъ, и Генрихъ началъ уже приготовляться къ этой части, но съ нѣкоторыхъ поръ онъ почувствовалъ въ себѣ другое призваніе, и въ семействѣ начались частыя пренія по этому предмету. Мать просила своего «первенца» хорошенько вникнуть въ себя, прежде-нежели онъ откажется отъ поприща, нравившагося его отцу и по его совѣту выбраннаго самимъ Генрихомъ. Генрихъ свято обѣщалъ это. У него была благородная, пылкая душа. Юношеское сердце его билось для всего прекраснаго; оно питало чистую любовь къ добродѣтели и къ отечеству, горѣло желаніемъ посвятить имъ жизнь. Съ мыслію о обезпеченіи судьбы своей онъ соединялъ и мысль о благѣ общемъ; для него собственное его счастіе было тѣсно связано съ счастіемъ его семейства. Эти мысли, эти чувства изливались изъ души его съ полною, неограниченною довѣренностію, когда онъ былъ наединѣ съ матерью, съ этой счастливой матерью, которой сердце билось отъ счастія и сладкихъ надеждъ на ея «первенца», ея любимца, ея «лѣтняго цвѣтка!»

«И когда у меня будетъ свой кусокъ хлѣба,» шутя прибавилъ Генрихъ, цѣлуя руку матери, «ко-

гда я буду самъ господиномъ и у меня будетъ свое хозяйство, тогда, маменька, ты переѣдешь жить ко мнѣ. Не правда ли?»

«А что скажетъ на это отецъ твой?» отвѣчала она также шутя.

«Съ нимъ останутся всѣ сестры и будутъ управлять хозяйствомъ и....«

«Вы, кажется, сбираетесь просидѣть здѣсь всю ночь?» спросилъ голосъ у дверей. Это былъ Лагманъ.

Мать и сынъ вскочили испугавшись, какъ будто бы ихъ поймали въ составленіи заговора. Заговоръ тутъ же былъ сообщенъ Лагману, который объявилъ, что онъ можетъ служить поводомъ къ ужасному процессу, и что вѣрнѣе никогда болѣе не упоминать о томъ.

Мать и сынъ смѣясь начали прощаться другъ съ другомъ. Взявъ руку матери, чтобы поцѣловать ее, Генрихъ вдругъ пришелъ въ восторгъ отъ нея.

«Ахъ, какая бѣленькая ручка! и какой крошечный мизинецъ! Нѣтъ, я никогда не видывалъ такихъ миніатюрныхъ пальчиковъ!»

И онъ съ какимъ-то комическимъ благоговѣніемъ поцѣловалъ мизинецъ прелестной руки матери.

«Я вижу, что мнѣ не остается другаго средства, какъ унести тебя силой»! сказалъ Лагманъ весело, и взявъ жену на руки унесъ ее съ собой.

Но мысли ея ни на минуту не покидали ея первенца, ея сына, прекраснаго и лицемъ и душею. Она горячо молилась о немъ, молилась объ «исполненіи ея надеждъ,» между-тѣмъ какъ всѣ покоились тихимъ сномъ, подъ кровомъ новой обители.

СЛѢДУЮЩІЙ ДЕНЬ.

Пріятно было семейству собраться на другой день у чайнаго стола, уставленнаго разными принадлежностями къ завтраку, въ красивой, просторной залѣ. Но ни красивая зала, ни обильный затракъ, ни какія бы то ни было внѣшнія удобства не могутъ доставить наслажденія, если холодно и темно въ душѣ, если нѣтъ любви, нѣтъ привѣтливыхъ взоровъ, которые одни могутъ придать имъ какую-нибудь цѣну. Въ это утро Франкское семейство вполнѣ наслаждалось этими благами, а кромѣ нихъ еще и солнышкомъ. Оно весело улыбалось веселой картинѣ.

Генрихъ привѣтствовалъ мадамъ Фолетъ рѣчью, въ которой онъ изъявилъ ей чувства привязанности и уваженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и радость свою, что она ни сколько не перемѣнилась.

Луиза съ помощію Фанни разливала кофей и чай, мазала масло на поджаренный хлѣбъ и только заботилась, чтобы всякому досталось то, что ему всего болѣе нравилось. Коробка съ сахарными кренделями была придвинута поближе къ Якоби.

«Ахъ, какъ прекрасно!» воскликнулъ Генрихъ, потирая руки и радостно смотря то на родителей, то на сестеръ. «Здѣсь какъ въ раю! Что прикажете, ваше величество? Слуга всепокорнѣйшій! Я попрошу кофею! несравненная мадамъ Фолетъ!..

«Когда мы отзавтракаемъ, я вамъ дамъ кое-что отгадать, дѣти!» сказала мать.

«Отгадать! А что бы это такое могло быть? Ахъ, скажи скорѣе, маменька? скажи, какая это загадка?

«Свадьба!»

«Свадьба?! Прелюбопытная новость! Мнѣ ничего въ горло не пойдетъ, пока не раскушу ее хорошенько! Якоби, дружище! Нельзя ли и мнѣ попользоваться твоими кренделями! Свадьба! Что, я знаю жениха и невѣсту?»

«И очень.»

«Ужъ не дядя ли Мунтеръ вздумалъ жениться? Онъ мнѣ показался что-то страненъ, и мнѣ сдается, что у него затронуто сердечко.»

«Ну, вотъ еще! Ужъ онъ вѣрно никогда не женится.»

«Еще бы этакой старикъ!» подхватила Фанни

«Старикъ?» сказалъ Лагманъ; «ему немного за сорокъ, если я не ошибаюсь. Ты напрасно честишь его старикомъ, Фанни; но правда, что онъ всегда былъ старообразенъ.»

«Не отгадали!» сказала мать.

«Я отгадала, отгадала маменька!» вскрикнула покраснѣвъ Петрея.

«Невѣста — Лаура, воспитанница тети Эвелины.«

«Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣрно она!» воскликнулъ Генрихъ, «а женихъ — маіоръ Арвидъ Г***!

«Именно! Лаура дѣлаетъ очень хорошую партію. Маіоръ Г. очень добрый, порядочный и достаточный человѣкъ. Говорятъ, что онъ убѣдилъ Эвелину переселиться съ Кариной въ прекрасное его помѣстье Аксельгольмъ и считать его домъ своимъ собственнымъ. Фанничка! подай Генриху ветчины. Габріэль, чего ты хочешь, мой ангелъ? Сухарь? Вотъ тебѣ, моя умница! Леонора, не хочешь ли хлѣба съ масломъ, мой другъ? Нѣтъ?»

«Я надѣюсь,» воскликнулъ Генрихъ, «что мы будемъ приглашены на свадьбу. Тетя Эвелина умная

женщина и догадается позвать насъ. Милостивѣйшая государыня «пчелка», позвольте спросить, эти сухари — впрочемъ очень почтенные и сытные — печены до потопа, или послѣ потопа?»

«Послѣ потопа,» отвѣчала Луиза немного обиженнымъ тономъ, но притомъ улыбаясь.

«Въ такомъ случаѣ я повергаюсь къ стопамъ вашего величества и прошу великодушно простить мнѣ. (*Громко въ сторону*) А все-таки они отзываются ковчегомъ или просто сказать деревомъ. Петрея! а у тебя тамъ что за завтракъ такой? Смотри, чтобъ тебѣ не слишкомъ отъ него растолстѣть, да не испорти себѣ желудокъ, мой другъ!»

Петрея, у которой были свои странности, или, какъ Луиза говорила, «причуды,» рѣшилась съ нѣкотораго времени замѣнить обыкновенный завтракъ стаканомъ воды и ломтемъ ситнаго хлѣба, что и было поводомъ шутливыхъ замѣчаній Генриха на счетъ ея мнимой неумѣренности, на которыя Петрея отвѣчала также шуткою. Луиза напротивъ того смотрѣла на это дѣло совсѣмъ другими глазами и видѣла въ томъ, какъ во многомъ у Петреи, что-то похожее на дурачество; а въ глазахъ разумной Луизы ничего не было ужаснѣе и непростительнѣе какъ дурачество.

«Теперь полно болтать!» воскликнулъ Лагманъ, видя, что челюсти шевелились ужъ не для ѣды, а только для болтовни, «иначе я долженъ буду оставить васъ, а мнѣ бы страхъ какъ хотѣлось передъ уходомъ пойти съ вами въ садъ!»

Въ ту же минуту всѣ встали и отправились въ садъ, кромѣ Леоноры, которая была не совсѣмъ здорова, и «малютки», которую берегли отъ сырости.

Между-тѣмъ съ садомъ произошло чудо, которое всѣхъ привело въ изумленіе. Этотъ садъ былъ голая равнина, еще покрытая слоемъ Апрѣльскаго снѣга, на которой торчали тамъ и сямъ низенькія деревья съ большими хлопьями снѣгу на сучкахъ; но эти деревья, наперекоръ всѣмъ законамъ природы и здраваго смысла, были покрыты плодами. Чудесные ранеты и апельсины висѣли на вѣтвяхъ и свѣтились на солнцѣ.

Восклицанія раздались со всѣхъ сторонъ, и не смотря на то, что Якоби и Генрихъ по-видимому пришли въ большое недоумѣніе отъ этаго сверхъестественнаго событія, на нихъ пали сильныя подозрѣнія касательно соучастія въ волшебномъ превращеніи, и всѣ ихъ старанія доказать свою невинность остались тщетны. Во всякомъ случаѣ рѣшили, что шутка была сыграна добрыми, а не злыми геніями, а потому и принялись срывать плоды и укладывать ихъ

въ корзины. Геніевъ воспѣли въ прозѣ и стихахъ, и врядъ ли когда-либо собираніе плодовъ сопровождалось такою искреннею веселостію. Всѣ были такъ заняты, что Лагманъ не зналъ, къ кому обратиться для сообщенія своихъ плановъ на счетъ сиреневыхъ алей, клубничныхъ грядъ, пещеръ и разныхъ бесѣдокъ. Онъ очень досадовалъ, что садъ былъ такъ малъ. «Кабы можно было сломать это»! сказалъ онъ, постукивая наконечникомъ трости объ высокій красный заборъ, которымъ садъ огороженъ былъ съ одной стороны. «Подойди къ этой щелкѣ, Элиза! и посмотри, какое тутъ огромное поле: оно идетъ до самой рѣки. Если бъ его разработать и обсадить, изъ него вышло бы прелестное мѣсто! Это было бы настоящее благодѣяніе для всѣхъ жителей, потому-что до сихъ поръ у насъ нѣтъ порядочнаго сада по близости города. Теперь оно пропадаетъ и никто имъ не пользуется, кромѣ коровъ, только отъ того, что хозяинъ не умѣетъ пустить его въ дѣло и у жителей недостаетъ «public spirit». Ничего бы не было легче, какъ сложиться всѣмъ вмѣстѣ и купить его для общей пользы. Будь я богатъ, я бы сейчасъ купилъ его — и далъ бы ему совсѣмъ иной видъ; этотъ заборъ я бы сломалъ и развелъ бы одинъ большой садъ, въ которомъ бы гуляли не коровы, а люди. Какъ бы прекрасно здѣсь было гулять!»

«Мнѣ кажется, здѣсь очень удобно было бы поставить ульи. Солнце ударяетъ прямо въ заборъ и

нагрѣваетъ его своими лучами», сказала наша степенная пчелка.

«Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, ты говоришь правду, Луиза!» воскликнулъ отецъ съ видимою радостью. «Вотъ въ самомъ дѣлѣ счастливая мысль. Это — превосходное мѣсто для ульевъ, и я завтра же похлопочу о нихъ. Надобно постараться завести два или три улья и поскорѣе, чтобы пчелы могли уже пользоваться первымъ цвѣтомъ яблоней и вишень. Мы будемъ приходить смотрѣть, какъ онѣ работаютъ и собираютъ для насъ медъ, и будемъ учиться у нихъ мудрости. Не такъ ли, Элиза?»

Мысль о садѣ и пчелахъ радовала Элизу. Какъ весело будетъ ходить за ними! Она намѣревалась какъ можно скорѣе насадить тамъ шиповнику. Не худо бы также заготовить грядъ для овощей. Фанни намѣревалась усердно заниматься садоводствомъ.

Между-тѣмъ надобно было разстаться съ будущимъ царствомъ розъ и редисокъ, потому-что покамѣстъ еще въ немъ было сыро и грязно. Габріэль вытаращила глаза при видѣ корзинъ съ фруктами, собранными въ саду, но «маленькая принцесса Turandotte» находила, что это было не такъ загадочно и удивительно, какъ Генрихъ старался ей представить.

Утро было посвящено уборкѣ и приведенію дома въ порядокъ. Одна Сара не принимала участія въ общихъ хлопотахъ; она между-тѣмъ брала урокъ на арфѣ у однаго отличнаго молодаго артиста, по имени Шварца, заѣхавшаго погостить въ городъ Х. Сара все утро провела съ своей арфой, которую она страстно любила. Петрея между-тѣмъ взяла на себя роль ея камеръ-юнферы и обѣщала привесть въ порядокъ всѣ ея вещи. Генрихъ очень пріятно проводилъ свое время на половинѣ сестеръ и хохоталъ до слезъ, глядя на нихъ, какъ онѣ возились и убирали, и иногда самъ помогая имъ. Кучи тряпья, старыхъ шляпъ, салоповъ, платьевъ и тому подобныхъ вещей, выходившихъ передъ нимъ на сцену, составляли странную противоположность съ его студентскимъ міромъ, гдѣ лоскутокъ матеріи и даже булавка были явленіемъ рѣдкимъ. Онъ отъ души смѣялся важности, съ какою дѣвицы разбирали свои тряпки, и шуткамъ и остротамъ, которыми онѣ ее приправляли. Но всего болѣе забавляла его Луиза съ своими вещами, и та полу-комическая, полу-серіозная мина, съ которою она защищала ихъ отъ его нападокъ. Онъ не шутя увѣрялъ ее, что онъ отказывается отъ всякаго родства съ нею, если хоть разъ увидитъ на ней извѣстный блѣдно-зеленый платокъ, прозванный «шпинатомъ,» и извѣстное блѣдно-сѣрое платье, нареченное «габеръсупомъ.» Ни у одной изъ сестеръ не было столько вещей, какъ у Луизы, и ни одна изъ нихъ столько не дорожила ими; у нея въ высшей степени было

развито чувство, которое мы назовемъ «чувствомъ права собственности.» Ея шкатулки и узелки были такъ набиты, что какъ будто сами собою раздувались на полкахъ, куда Луиза ихъ ставила, и иногда падали ей на голову. Она обвиняла въ томъ Генриха, и —правду сказать — мина, съ какою онъ помогалъ ей ставить ихъ опять на мѣсто, подтверждала это обвиненіе. Луиза славилась въ семействѣ своимъ пристрастіемъ къ старинѣ, и чѣмъ болѣе изнашивалось платье, тѣмъ оно ей казалось «благороднѣе на-взглядъ,» чѣмъ чаще стирали шаль, тѣмъ болѣе она походила на «кашемировую.» Это пристрастіе къ старинѣ простиралось иногда и на пирожное, на сухари, кремы и т. п., что и давало поводъ Генриху спрашивать ее въ сомнительныхъ случаяхъ, «прежде ли, или послѣ потопа такое-то кушанье или печенье было изготовлено»? Кстати прибавимъ еще кой-какія черты въ дополненіе къ очерку характера Луизы, чтобы читатель ясно увидѣлъ, что объ ней думать.

Она была чиста сердцемъ и душою, правдива и самыхъ строгихъ правилъ, но за то любила давать наставленія и иногда была недовольно снисходительна къ недостаткамъ ближнихъ. Наслѣдовавъ отъ отца умъ и разсудительность, но не пріобрѣтя его познаній и опытности, она въ осьмнадцать лѣтъ воображала, что совершенно знаетъ людей. Высокое благородство души ея отражалось во всей ея наружности; она вовсе не была хороша собой, но пра-

вилась и внушала довѣренность умнымъ и спокойнымъ взглядомъ, необыкновенною простотою и неуклончивостію въ обращеніи. При ея смѣтливости случалось нерѣдко, что торжественная мина и важное выраженіе ея голубыхъ глазъ внезапно смѣнялись громкимъ хохотомъ; а когда Луиза смѣялась, пріятностію рта и красотою зубовъ она походила на мать свою. Она была прилежна, какъ муравей, и всегда готова помогать тому, кого считала достойнымъ помощи, но почти такъ же безжалостна, какъ муравей Лафонтена къ беззаботнымъ стрекозамъ и прочимъ тварямъ того же рода. У Луизы были три слабости (хотя она отнюдь не сознавалась, что у нея были какія-либо слабости): первая — вышивать по канвѣ, вторая—давать наставленія, третья—пасіансъ, особенно postillon. Съ нѣкотораго времени у нея открылась еще четвертая: къ медицинѣ и къ изобрѣтенію и примѣненію превосходныхъ домашнихъ лекарствъ; она даже сама составила изъ девяти горькихъ травъ какой-то элексиръ, который, по увѣренію Генриха, былъ очень полезенъ — для отправленія людей на тотъ свѣтъ. Луиза однако не обращала на это вниманія, какъ и вообще на замѣчанія, кого бы то ни было. Правда, она считала очень важнымъ и всегда старалась быть безъ укора; но она дорожила также уваженіемъ и имуществомъ, и находила, что то и другое принадлежало ей по справедливости. У нея было прекрасное качество—никогда не приниматься за то, чего она не могла испол-

нить; но это качество было соединено съ самолюбивою вѣрою въ свое умѣнье. Эту довѣренность раздѣляло и семейство ея; но не смотря на то, родители иногда старались подавлять ее. Между-тѣмъ Луиза во многомъ была необходима для дома, и обладала истинно геніальными способностями въ важной наукѣ управлять хозяйствомъ. Родители съ самодовольствіемъ (а отецъ даже съ тайною гордостію) называли ее «наша старшая дочь.» Братъ и сестры — не много въ насмѣшку «наша старшая сестра», а иногда просто «наша старшая». И надобно сказать, что «наша старшая» умѣла, какъ нельзя лучше, пользоваться своими правами первенства и старшинства. Она кромѣ того имѣла высокое понятіе о «достоинствѣ женщины.» У Луизы былъ альбомъ, въ который всѣ ея пріятельницы, и она сама, вписывали свои мысли. Удивительно, сколько въ этой книгѣ было собрано прекрасныхъ нравоученій!

Мы боимся, не наскучило ли читателю безпрестанное повтореніе однихъ и тѣхъ же именъ—Сары, Луизы, Фанни, Леоноры, Петреи и Габріэли; въ такомъ случаѣ мы жалѣемъ о немъ, потому-что видимъ себя въ необходимости пройти опять отъ начала до конца всю шеренгу, и представить ему еще разъ поочереди Сару, Фанни, Леонору, Петрею и Габріэль.

Но для перемѣны мы на этотъ разъ выведемъ ихъ въ-разбивку И такъ являйся на сцену —

Петрея!

Мы всѣ грѣшные болѣе или менѣе родня хаосу, но Петрея была съ нимъ въ самомъ близкомъ родствѣ. Только мгновенные проблески свѣта прерывали изрѣдка смятеніе, царствовавшее въ ея головѣ. Петрея была вовсе не похожа на Луизу. Между-тѣмъ, какъ Луизѣ не ставало и шести полокъ для всѣхъ ея вещей, Петреинъ гардеробъ просторно умѣщался на половинѣ полки. Онъ всегда былъ такъ тощъ и бѣденъ, что «жалко смотрѣть» говорила Луиза и не рѣдко помогала приводить его въ порядокъ. Петрея рвала, теряла и отдаривала совершенно безъ толку и безъ разбору, и была извѣстна въ кругу сестеръ своими разстроенными дѣлами. Она не знала, что значитъ бережливость. За то у нея была— хотя Луиза не хотѣла сознаться въ томъ—рѣшительная склонность къ изящнымъ искуствамъ. Она вѣчно была занята созданіями, то музыкальными, то архитектурными, то поэтическими; но всѣ ея созданія сбивались болѣе или менѣе на галиматью. На тринадцатомъ году Петрея написала романъ. Анета и Белисъ нѣжно полюбили другъ друга, но обстоятельства не благопріятствовали ихъ любви; наконецъ они превозмогли всѣ препятствія и соединившись поселились въ прелестной хижинѣ, окруженной розо-

выми кустами. На первомъ году супружества онп прижили осьмерыхъ дѣтей: недурное начало! Черезъ годъ послѣ того она принялась сочинять трагедію, подъ заглавіемъ: «Густавъ Адольфъ и Эбба Браге,» которая начпналась слѣдующими стихами отъ имени Делагарди:

«Ты съ береговъ Германіи притекъ,
«Чтобъ вновь увидѣть милый брегъ;
«Ты возвратился отъ бурь войны
«Въ предѣлъ родной страны,
«Банеръ! Какая скорбь твои туманитъ вѣжды?
«Иль я тебѣ не другъ? Иль, можетъ быть, я жертва обманчивой надежды?»

Потому ли, что не нашлось бумаги такаго формата, который бы соотвѣтствовалъ возраставшей длинѣ стиховъ, или какія-либо другія препятствія помѣшали ходу пьесы, только достовѣрно, что она остановилась въ самомъ началѣ. Вскорѣ послѣ того явилось стихотвореніе въ легкомъ родѣ, съ явнымъ притязаніемъ на соперничество съ очаровательной музой фру Ленгренъ; оно начиналось такъ:

«Въ старинномъ замкѣ графовъ С.,
Въ какой-то области роднаго края,
Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ
Жила Маланья молодая.»

Въ то время, къ которому относится нашъ расказъ, Петрея сочиняла поэму: «Сотвореніе міра». Заглавіе было написано огромными буквами. Въ началѣ «Сотворенія міра» воспѣвался

Хаосъ.

«Въ объятьяхъ мрака, грозно-дикъ,
Сей міръ отвѣка находился;
И тщетно ждалъ летучій мігъ,
Чтобъ оный сумракъ прекратился;
Сей міръ, теперь людьми кипящій,
Еще онъ не былъ сотворенъ;
Небесный сводъ, свѣтилами блестящій,
Въ то время не былъ освѣщенъ.
Но былъ ужъ Тотъ, Кто отъ начала былъ,
Кто есть и будетъ ввѣкъ!..»

На этомъ проблескѣ свѣта «Сотвореніе міра» остановилось и вѣроятно было осуждено въ Петреиныхъ рукахъ никогда не вытти изъ хаоса. Всѣ неудачи сильно ее огорчали, но не надолго; черезъ минуту въ ней разыгрывалась новая, неодолимая бодрость, которая возвышала ее надъ неудачей и возбуждала къ новымъ попыткамъ. Кровь приливала къ головѣ, и въ ней вспыхивали вдругъ разныя недоконченныя мысли, мечты и фантазіи; умъ и душа ея были въ ужасномъ смятеніи. Она была иногда чрезмѣрно весела, иногда чрезмѣрно грустна,

часто безъ всякой причины. Бѣдная Петрея была совершенно лишена такта и самоувѣренности даже во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Она дурно ходила, дурно стояла, дурно сидѣла, дурно одѣвалась и тѣмъ оскорбляла тонкое эстетическое чувство своей матери. Къ Сарѣ Петрея питала живѣйшую любовь и удивленіе; но въ изъявленіяхъ ея нѣжности было такое отсутствіе такта, что они становились почти въ тягость той, кто была ихъ предметомъ. Чувство этаго нѣкоторымъ образомъ отравляло жизнь Петреи, но мало по малу развило въ ней ту любовь, которая можетъ обойтись безъ такта и внѣшнихъ формъ и всегда находитъ взаимность. Иногда въ Петреѣ пробуждалось внезапное сознаніе хаотическаго ея существованія; но въ то же время въ ней пробуждалось и тайное предчувствіе, что рано или поздно хаосъ души ея разсѣется и что изъ нея выйдетъ что-то необыкновенное Тогда она, полу-шутя, полу-серьёзно, говорила сестрамъ своимъ: «Постойте, я еще васъ всѣхъ перещеголяю»! Что она этимъ хотѣла сказать—этаго не понимали другія, а она сама и того меньше. У Петреи было много идеаловъ, и она безпрестанно переходила отъ однаго къ другому Луиза не ставила ни во что Петреины предсказанія, за то маленькая Габріэль вѣрила имъ безусловно. Притомъ же ни одна изъ сестеръ не умѣла такъ забавлять ее своими затѣями, какъ Петрея. Она жертвовала ей великолѣпными храмами изъ золотой бумаги, и картинами своей работы съ пастушками и жертвенниками; она

тѣшила ее плавающими по тихой водѣ островами блаженства и флотиліями изъ шелухи грецкихъ орѣховъ съ леденцомъ вмѣсто груза и канатами сплетенными изъ шелку. Изготовленіе этихъ островковъ и обстановка ихъ дивными цвѣтами и роскошными фруктовыми деревьями въ первый разъ пробудили въ душѣ Петреи предчувствіе блаженства. О наружности Петреи можно сказать, что она отражала ея душу. Она перемѣнялась, какъ расположеніе ея духа, и у нея были также свои прихоти; здѣсь, какъ тамъ, мгновенные проблески освѣщали хаосъ. Когда у нея лице было разгорячено — носъ пухнулъ и краснѣлъ: она становилась просто дурна; но въ минуты прохлады, когда краска не распространялась далѣе щекъ, она была даже хороша. А иногда даже въ благопріятныя минуты взоръ ея горѣлъ такимъ огнемъ, лице оживлялось такимъ выраженіемъ, что разъ Генрихъ сказалъ: что ни говори, а Петрея совсѣмъ не дурна. Душѣ хаотической свойственна отъ природы страсть къ спорамъ. Это борьба стихій. Петрея хотѣла все изслѣдовать, все привести въ ясность; потому она заводила споры и вступала въ пренія съ кѣмъ ни попало и разсуждала вкривь и вкось о политикѣ, литературѣ, свободной волѣ человѣка, изящныхъ искуствахъ, и Богъ знаетъ о чемъ. Это было очень противно миролюбивому нраву ея матери, и вмѣстѣ съ недостаткомъ такта вообще, а особенно въ усердіи не впопадъ оказывать услуги, подвергало Петрею насмѣшкамъ. Въ глазахъ людей часто бываетъ не-

простительно то, что передъ судилищемъ Ангеловъ почиталось бы незначущимъ прегрѣшеніемъ, если вовсе не прегрѣшеніемъ.

Леонора.

Не смотря на поцѣлуи матери и «ты, моя миленькая дурнышка», Леонора мало по малу начала чувствовать, что она дурна и не можетъ нравиться ни наружностью, ни дарованіями; это ее огорчало. Она видѣла, что ей нечѣмъ привлечь къ себѣ ни сердца, ни вниманія тѣхъ, кто ее зналъ; она не могла не замѣтить, что домашніе пріятели и знакомые оказывали предпочтеніе болѣе счастливымъ сестрамъ ея. Все это, а къ тому же слабость здоровья и какое-то томительное чувство, происходившее отъ безотраднаго ея существованія, раздражило ее противъ жизни и людей. Все ей казалось труднымъ и тягостнымъ; она легко ссорилась съ сестрами, и ея вспыльчивый отъ природы нравъ давалъ поводъ къ спорамъ иногда довольно желчнымъ. Все это было причиною, что бѣдная Леонора чувствовала себя очень несчастною. Но никто не страдаетъ безплодно, хоть это намъ часто такъ кажется. Несчастіе есть плугъ, который бороздитъ поле души; а это поле принимаетъ въ глубокихъ бороздахъ своихъ небесныя сѣмена отъ премудраго, великаго Сѣятеля. И въ Леонорѣ эти сѣмена уже принялись, но они покамѣстъ еще были покрыты землею. Опытность и атмосфера семейной жизни пробудили,

незамѣтно для нея самой, душу ея къ прекрасному. Душа ея расширилась и стала чувствительна, а сознаніе недостатковъ привело ея мало по малу къ величайшей скромности и чистому смиренномудрію — достоинствамъ, которыхъ нельзя не цѣнить высоко въ домашнемъ быту. Присутствіе подобныхъ людей дѣйствуетъ какъ прохладительная тѣнь послѣ солнечнаго зноя, и навѣваетъ на душу пріятную свѣжесть. Оно упокоиваетъ и услаждаетъ чувства.

Мы видимъ теперь Леонору только-что выздоровѣвшую отъ скарлатины; она послѣ этой болѣзни страдала сильной и упорной головной болью, которая принуждала ее сидѣть взаперти въ ея комнатѣ. Родители, братъ и сестры часто навѣщали ее, хотя и находили въ томъ мало отрады, потому-что Леонора еще не умѣла привлекать къ себѣ добротою и искренно-ласковымъ обращеніемъ. Но когда я вижу, моя бѣдная Леонора, какъ ты сидишь, облокотившись и пригорюнясь, мнѣ страхъ какъ хочется прижать твою головку къ груди моей и сказать тебѣ на ухо пророчество — но оставимъ это до времени! Мы покамѣстъ простимся съ тобой, а тамъ когда-нибудь опять воротимся въ твою уединенную комнату. А теперь твоя очередь, радость и украшеніе дома, прекрасная

Фанни!

«Наша розочка, наша красотка»—такъ называли Фанни въ семействѣ. Много есть на свѣтѣ существъ, подобныхъ Фанни, и тѣмъ лучше. Такіе люди всѣмъ нравятся. Какъ пріятно смотрѣть на этихъ молодыхъ дѣвушекъ съ улыбкою на устахъ и съ выраженіемъ добродушія и блаженства въ прекрасныхъ глазахъ. Всѣ имъ и онѣ всѣмъ желаютъ добра. Всѣ блага земли сыплются на нихъ, какъ будто бы такъ должно было. Имъ дуетъ попутный вѣтеръ въ жизни. Такъ было и съ Фанни. Самыя ея слабости, желаніе нравиться, которое иногда было слишкомъ сильно, и слабость характера, опасная для нея самой, обнаруживались какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ обществѣ только съ хорошей стороны и заставляли любить ее. Не бывши въ строгомъ смыслѣ красавицей, она была однако хороша по необыкновенной свѣжести и нѣжности ея лица. Глаза у нея были небольшіе, но прекрасные, чистаго темноголубаго цвѣта, а взоръ, осѣненный длинными, черными рѣсницами, выражалъ и скромность и добродушіе и живость. Каштановые, мягкіе какъ щелкъ волосы украшали невысокій Греческій лобъ. Цвѣтъ лица у нея былъ бѣлый, нѣжный, прозрачный; ротъ и зубы въ полномъ смыслѣ прекрасные. Къ довершенію всего этаго, Фанни наслѣдовала отъ матери стройность, станъ, граціозныя движенія. Крѣпкое здоровье, сча-

стливый характеръ и отъ природы гармонически-устроенная душа придавали всему ея существу прiятное, гармоническое выраженiе. Во всемъ, что бы она ни дѣлала, есть какая-то особенная грацiя и ловкость, и все ей къ лицу; въ семействѣ даже вошло въ поговорку, что если бы Фанни вздумалось надѣть на голову рогожку, такъ и то бы пристало ей.

До сихъ поръ Луиза и Фанни, по сходству умственныхъ способностей и дарованiй и по какому-то товариществу, какъ дома, такъ и въ обществѣ, были такъ сказать неразлучны. Но тутъ Фанни начала мало по малу какъ будто отдѣляться отъ Луизы и сближаться съ Леонорой, къ которой ее влекла какая-то невидимая сила. Луиза со всѣми своими вещьми могла обойтись безъ нея, а Леонора была такъ всѣми оставлена, такъ печальна! Доброе сердце Фанни нѣжно привязалось къ ней.

Но мы замѣчаемъ, что Габрiэль начинаетъ коситься на насъ за то, что мы такъ долго заставляемъ ждать ее, и потому мы спѣшимъ обратиться къ

Маленькой госпожѣ.

«Маленькая госпожа» не любила, чтобы ее обходили. Габрiэль была баловнемъ всего дома и нерѣдко заставляла домашнихъ плясать по своей дудкѣ. Ее тщательно берегли отъ холода, вѣтра, дождя и

скуки. Она любитъ нѣжиться, разборчива въ кушаньѣ, и когда она по милости изволитъ скушать за обѣдомъ тарелку бульона или крылышко цыпленка, ее за то гладятъ по головкѣ и хвалятъ какъ за великое дѣло. Она и сама еще походитъ на цыпленка подъ материнскими крылышками; иногда она однако выползаетъ изъ-подъ нихъ и старается подняться на своихъ собственныхъ крылышкахъ. Тогда она становится до крайности мила и забавна, сочиняетъ загадки и шарады и даетъ ихъ отгадывать то тому, то другому, а чаще всего матери или Петреѣ. Она ужасно досадуетъ, когда съ нею обходятся какъ съ ребенкомъ, и для нея нѣтъ величайшей обиды, какъ когда старшія сестры говорятъ ей: Габріэль, выдь на минуту вонъ, милочка! для того, чтобы сообщать другъ другу важныя тайны или читать какой-нибудь трогательный романъ. Она очень любитъ, чтобы ей оказывали почтеніе и угождали, и Ассесоръ у нея въ большой немилости за то, что онъ дразнитъ ее, называетъ ее «мамзель недотрога» и даетъ ей разныя другія обидныя прозвища. Уроки и учители — вовсе не по ея части. Она любитъ сладкое «far niente», и слабое ея здоровье причиною, что ей позволяютъ слѣдовать этой склонности. Танцы имѣютъ для нея невыразимую прелесть, и она сама прелестна, когда танцуетъ. Въ противоположность Петреѣ она страшится всѣхъ большихъ предпріятій, и въ противоположность Луизѣ терпѣть не можетъ проповѣдей, ни изустныхъ, ни печатныхъ. Солнце,

теплое дыханіе вѣтра, цвѣты, а всего болѣе милые, любви достойные люди говорятъ ей о милосердіи Творца небеснаго и располагаютъ ее къ молитвѣ. Мысль о смерти внушаетъ ей какой-то безотчетный страхъ, и она не любитъ, чтобы говорили о томъ, какъ и вообще обо всемъ страшномъ или печальномъ. Къ счастію для Габріэли истинная родительская любовь очень похожа на Іюньское солнце на сѣверѣ, которое свѣтитъ равно днемъ и ночью.

Переходя отъ бѣлокурой Габріэли къ Сарѣ «къ мамзель Африкѣ», какъ ее называлъ Ассесоръ—намъ кажется, что мы переходимъ отъ дня къ ночи, потому-что Сара была для домашнихъ чудною, но темной загадкой: она походила на зимнюю ночь съ блестящими звѣздами, имѣющими въ одно время притягательную и отталкивающую силу. Мы однако разгадаемъ ее, потому-что у насъ есть ключь къ ея душѣ, и мы можемъ увидѣть, что въ ней происходитъ изъ слѣдующихъ разбросанныхъ мыслей.

Изъ дневника Сары.

Мы читали вслухъ Макбета вчера вечеромъ. Всѣ съ ужасомъ говорили о леди Макбетъ. Я молчала, потому-что она мнѣ нравилась. Вотъ женщина съ энергіей!

Жизнь! что называется жизнію? Когда порывистый вѣтеръ несется въ пространствѣ на сильныхъ, свободныхъ крыльяхъ, мнѣ слышится въ ревѣ его пѣснь, которая находитъ отзывъ въ моей душѣ. Когда гремитъ громъ и молнія сверкаетъ, я понимаю жизнь, величіе, силу. Но эта ручная, вседневная жизнь, мелкія добродѣтели, мелкіе пороки, мелкія горести, мелкія радости, мелкія желанія—это давитъ, это убиваетъ духъ мой. Зачѣмъ этотъ огонь, пожирающій меня въ безмолвной тишинѣ ночей? Онъ на минуту освѣщаетъ меня, но всегда жжетъ и снѣдаетъ мою внутренность.

Они счастливы въ тѣсномъ кругу, въ которомъ они живутъ. Всякая малость ихъ занимаетъ; они стараются доставлять другъ другу маленькія наслажденія. Тѣмъ лучше для нихъ! Но я не на то родилась!

Къ чему мнѣ слушаться? Къ чему мнѣ обуздывать свои склонности, свою волю въ угодность другимъ? Къ чему? Ахъ, свобода, свобода!

Я достала отъ С. «Развалины» Вольнея. Я прячу эту книгу отъ этихъ богобоязненныхъ, робкихъ людей; но когда настанетъ ночь, и глаза ихъ сомкнутся сномъ, я буду сидѣть и читать ее. Картинка въ началѣ книги имѣетъ для меня какую-то невыразимую прелесть. Обломки корабля борются съ бур-

ными волнами; мѣсяцъ задергивается черными тучами; на берегу моря посреди развалинъ храма сидитъ Музульманинъ — въ живописномъ задумчивомъ положеніи — и смотритъ на зрѣлище, ему представляющееся. Я также смотрю на него; сладкой трепетъ проникаетъ въ меня. Я нахожу болѣе прелести въ величественной развалинѣ, нежели въ мелкомъ, пустомъ счастіи.

Мнѣ нравится эта книга; я нахожу въ ней то, что давно таилось во мнѣ. Она разливаетъ свѣтъ на мои темныя предчувствія. Ахъ, какая чудная заря взошла для меня! Ослѣпительный блескъ ея быстро разогналъ всѣ мои туманныя мечты — но глаза мои крѣпки и могутъ перенесть его. Разорвись, сѣть предразсудковъ; разорвитесь, жалкія узы приличій; разрушьтесь, стѣсняющія меня опоры! Собственная моя сила будетъ служить мнѣ опорою.

Зачѣмъ я родилась женщиной? Будучи мущиной, я бы могла дѣйствовать свободно и самостоятельно. Какъ женщина я должна покорствовать, чтобы освободиться отъ своихъ оковъ. Жалкое положеніе! Жалкая участь женщины!

Я не чувствую любви къ С., но все-таки онъ производитъ на меня какое-то впечатлѣніе. Мнѣ нравится мрачная суровость его взора, и та небрежно-твердая воля, которая смиряется только передъ моею.

И когда онъ, обхвативъ арфу, сильною рукою вызываетъ изъ струнъ ея все, о чемъ его сердце мечтало и мечтаетъ, онъ приводитъ и мое сердце въ сотрясеніе, и я признаю его превосходство надо мною.

Но онъ никогда не будетъ моимъ властелиномъ. Для этаго онъ не довольно силенъ духомъ. Онъ можетъ быть только средствомъ для достиженія моей цѣли, и я отъ него не буду скрывать этаго. Я слишкомъ горда: не мнѣ лицемѣрить. Есть на свѣтѣ только одинъ человѣкъ, котораго бы я могла любить, одинъ, котораго бы я выбрала цѣлью.

Природа не создала меня для этаго тѣснаго круга, для этой узкой тропинки въ жизни. С. указываетъ мнѣ дорогу, болѣе соотвѣтствующую моимъ склонностямъ. Я чувствую, что она будетъ по мнѣ.

Я смотрѣлась въ зеркало. И оно, какъ взоры людей, говоритъ мнѣ, что я прекрасна. Я ростомъ высока, осанка у меня величавая, она соотвѣтствуетъ выраженію моего лица. Я вѣрю тому, что говоритъ С. Наружность моя, при моихъ способностяхъ и талантѣ, приведетъ меня къ славѣ и къ счастію.

Зачѣмъ мнѣ стараться обманывать себя на этотъ счетъ — зачѣмъ разувѣрять себя! Я чувствую себя выше окружающихъ меня; а между-тѣмъ имъ кажется, что они въ-правѣ исправлять мои недостатки; мо-

жетъ быть, они втайнѣ даже думаютъ, что они выше меня, потому-что приняли меня къ себѣ изъ сострадания. Приняли изъ сострадания! Какая тягостная, унизительная мысль!

А между-тѣмъ въ обращеніи ихъ со мной столько доброты, да, Ангельской доброты! Я бы желала, чтобъ ея было поменѣе.

Вотъ уже второй разъ въ жизни мнѣ снится странный сонъ. Мнѣ представилось, что я была въ своей комнатѣ и вдругъ увидѣла на небѣ, надъ собой, густыя массы черныхъ тучъ, спускавшихся къ горизонту, и сильный громъ раздался въ воздухѣ. «Спасайся, Сара! бѣги, бѣги съ нами!» кричали мнѣ сестры. Но я чувствовала во всѣхъ членахъ ту странную тяжесть, которая обыкновенно во снѣ не даетъ тронуться съ мѣста, когда хочешь спѣшить. Окна моей комнаты растворились отъ вѣтра, и сильное любопытство заставило меня выглянуть изъ окошка. Я увидѣла передъ собою солнце, но оно было блѣдно, тускло, безъ лучей, между-тѣмъ воздухъ былъ какъ въ огнѣ, все пространство было облито пурпуровымъ блескомъ. Передо мной стояла высокая осина; изъ дрожавшихъ и шумѣвшихъ листьевъ ея сыпались огненныя искры. На одной изъ вѣтвей сидѣла большая черная птица; она смотрѣла на меня огненными глазами и пѣла глухимъ, дикимъ голосомъ, а вокругъ нея шумѣли вѣтръ и пламя. Я слышала голоса моей воспитатель-

ницы и сестеръ, которыя съ безпокойствомъ звали меня къ себѣ и все какъ будто удалялись; но я высунулась изъ окошка, чтобы разслушать, что поетъ черная птица такимъ страннымъ голосомъ. Страхъ мой прошелъ. Тутъ я проснулась. Мнѣ нравится этотъ сонъ.

Я слышу пѣніе черной птицы и наяву Воспитательница моя сегодня плакала изъ-за меня. Мнѣ жаль ее, но—мнѣ должно удалиться. Они меня не любятъ, они не могутъ любить меня. Имъ не трудно будетъ обойтись безъ меня, мнѣ — безъ нихъ; и потому лучше всего разстаться.

Такова была Сара. Теперь мимоходомъ бросимъ взглядъ на родителей Генриха, Сары, Луизы, Фанни, Леоноры, Петреи и Габріэли. Они мало перемѣнились: только вся наружность Элизы стала здоровѣе и бодрѣе, а на благородномъ лицѣ Лагмана явилось нѣсколько морщинъ и болѣе кроткое выраженіе. *Одна* маленькая—впрочемъ очень извинительная—слабость была въ немъ теперь замѣтнѣе прежняго: онъ былъ влюбленъ въ своихъ дочерей. Благослови Господи добраго отца!

(Продолженіе въ слѣдующемъ №)

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. Прогулки Русскаго въ Помпеи. *Соч.* Алексѣя Левшина, *члена разныхъ ученыхъ обществъ Россійскихъ и иностранныхъ. Въ 6.* 8; 232 *стран.*

«При малѣйшемъ расположеніи къ мечтательности, посѣтитель безмолвныхъ улицъ и площадей Помпеи, видящій предъ собою такое полное и стройное соединеніе остатковъ другаго міра, переносимый безпрестанно окружающими его предметами въ область фантазіи и миѳологіи, невольно можетъ забыться и почесть себя сошедшимъ въ царство мертвыхъ, или бдящимъ въ полуснѣ, какъ иногда бываетъ въ минуту просыпленія, послѣ долгаго и пріятнаго сновидѣнія, когда самъ себя вопрошаешь: во снѣ, или наяву я все это видѣлъ? И мудрено ли впасть въ такое забвеніе, видя предъ собою остовъ города, какъ кажется, еще вчера кипѣвшаго жизнію! Правда, что въ немъ улицы пусты, верхніе этажи строеній разрушены; но это могло случиться на-дняхъ, а жители еще не успѣли возвратиться въ поврежденные домы свои. — Любезный читатель! Расположены ли

вы и желаете ли предаваться энтузіасму при обозрѣніи остатковъ Помпеи, или нѣтъ; во всякомъ случаѣ они составляютъ предметъ, достойный вашего вниманія. Убѣжденные въ этой истинѣ, мы предприняли описаніе ихъ тѣмъ охотнѣе и усерднѣе, что не нашли на Русскомъ языкѣ ни однаго сочиненія, представляющаго полное понятіе о настоящемъ положеніи чудеснѣйшей и любопытнѣйшей изъ развалинъ всего извѣстнаго міра. Тѣ изъ соотечественниковъ нашихъ, которые видѣли Помпеи, могутъ иногда заглянуть въ нашу книгу для справокъ и воспоминаній; а кто изъ Русскихъ не имѣлъ случая любоваться прекраснымъ небомъ южной Италіи, тому мы скромно предлагаемъ себя въ путеводители. — Въ расположеніи сочиненія нашего мы поставили себѣ правиломъ сдѣлать его доступнымъ для самаго большаго числа читателей, знакомыхъ и незнакомыхъ съ древними языками, и потому не нашли нужнымъ непремѣнно затруднять ихъ подробнымъ разборомъ и толкованіемъ подлинныхъ надписей Помпейскихъ. Съ другой стороны не почли себя въ-правѣ вовсе лишить любителей палеографіи удовольствія читать въ подлинникахъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ любопытнѣйшіе письменные памятники древности, найденные въ Помпеи, равно какъ и мнѣніе объ нихъ ученыхъ толкователей. Мы отнесли ихъ къ концу книги, въ особую дополнительную главу; а въ текстѣ, для необходимой ясности, оставили только переводы, или извлеченія изъ нихъ, съ ссылками на

подлинники. Говоря объ остаткахъ древней живописи, уцѣлѣвшихъ въ Помпеи, мы описывали каждую картину при обозрѣніи того дома, въ которомъ она найдена, не смотря на то, что почти всѣ лучшія картины перенесены теперь въ Неаполитанскій музей, называемый Бурбонскимъ, и только самая малая ихъ часть осталась на прежнихъ мѣстахъ. Почитаемъ нужнымъ предупредить о томъ читателя, въ избѣжаніе недоразумѣній. Бронзы, мраморы и всѣ вообще вещи, отрытыя въ развалинахъ Помпеи, также соединены въ Бурбонскомъ музеѣ, богатѣйшемъ и — по разнообразію хранящихся въ немъ остатковъ древности — единственномъ учрежденіи въ своемъ родѣ; но мы, слѣдуя той же системѣ, говоримъ о всѣхъ вещахъ, въ него перенесенныхъ, какъ будто бы онѣ ожидаютъ читателя на мѣстахъ, гдѣ покоились съ I-го до XVIII-го столѣтія. Такой порядокъ въ изложеніи намъ показался лучше другаго: отъ него общая картина Помпеи становится полнѣе, живѣе, справедливѣе.» Мы передаемъ читателямъ Современника подлинныя слова автора изъ его предисловія, чтобы они могли убѣдиться, какъ справедливо замѣчаніе наше о безконечной разницѣ въ Русской литературѣ между двумя сторонами нашихъ писателей (XXIX т. Совр., 405 стран. съ первой строки). Одни погрязли въ ничтожествѣ ребяческихъ сужденій и меркантильныхъ предпріятій. Въ слѣдствіе сего — ежедневные возгласы о самыхъ пустыхъ, самыхъ безвкусныхъ книжонкахъ и изданіяхъ выпусками, унизительныя

подробности о личныхъ дрязгахъ, и проч. и проч. Все это не стыдятся называть литературною дѣятельностію. Между-тѣмъ, въ тоже время, благородная любовь къ высшимъ знаніямъ и общей пользѣ скромно идетъ своею дорогою, спокойно изучаетъ человѣка и природу въ ихъ исторіи, въ ихъ жизни — и наблюденія свои передаетъ небольшому кругу мыслящихъ читателей. Такъ поступилъ и авторъ разсматриваемой здѣсь книги, давно извѣстный любознательностію и свѣдѣніями своими. Онъ издалъ книгу, исполненную занимательности, учености ясной, и разсказовъ увлекательныхъ, какъ по содержащимся въ нихъ подробностямъ, такъ и по способу ихъ изображенія. Самое изданіе представляетъ образецъ вкуса и умѣнья автора быть собесѣдникомъ самымъ пріятнымъ и самымъ наставительнымъ.

2. **Исторія Суворова.** 130 *политипажей, гравированныхъ лучшими Русскими и Парижскими художниками по рисункамъ* А. П. Брюлова, П. В. Басина, А. А. Коцебу, Т. Г. Шевченка, Р. К. Жуковскаго *и* М. В. Маслова, *съ приложеніемъ великолѣпнаго фронтисписа, плановъ главнѣйшихъ сраженій, портрета и* fac-semile *почерка Суворова. Текстъ* Николая Полеваго. Выпускъ первый. *Въ б. 8; 112 стран.*

Отъ прекрасной книги г. Левшина съ грустію и соболѣзнованіемъ переходимъ къ явленію, на кото-

ромъ ярко отразились всѣ признаки мелочности литературы модной. Чего тутъ нѣтъ? Въ длинномъ заглавіи встрѣчаете вы и семь именъ, и 130 политипажей, и Парижскихъ художниковъ, и великолѣпный фронтиспись, и планы, и портретъ, и fac-simile, и выпуски, словомъ: всѣ приманки, которыми литературная промышленность ловитъ въ сѣти неопытныхъ покупателей. Какая комедія изъ исторіи Суворова! Къ подвигамъ величайшаго изъ нашихъ героевъ прилѣпляютъ текстъ, какъ къ безсмертному творенію музыки безсмысленное либретто! Зачѣмъ же называть это исторіею? Скажите просто: «вотъ картинки къ анекдотамъ изъ жизни Суворова, поясненныя словами такаго-то». А исторія есть творческое возсозданіе жизни въ томъ образѣ, въ тѣхъ краскахъ, въ той дѣйствительности, которыми выразилась вся великая душа историческаго лица. Для составленія исторіи нужны не картинки, на щепкахъ нацарапанныя, не текстъ нанизанный на гнилую нитку изъ вырванныхъ коё-гдѣ страничекъ заброшенныхъ словарей, нѣтъ: нужно глубокомысліе, вдохновеніе таланта, равновѣсіе духа писателя съ духомъ героя, сокровенные, вѣрные, свѣжіе матеріалы и великое искуство изложенія, извѣстное только просвѣщенному историку, искуство изящное, къ возвышенію котораго единственно и должна стремиться литература, а не къ униженію его.

3. *О переводѣ* Манассіиной лѣтописи *на Словянскій языкъ по двумъ спискамъ: Ватиканскому*

и Патріаршей библіотеки, съ очеркомъ исторіи Болгаръ. Изслѣдованіе А. Черткова, *Вице-Президента Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ и члена обществъ Русскихъ Императорскихъ: Испытателей природы и сельскаго хозяйства; Одесскаго Любителей исторіи и древностей; Московскаго Любителей Россійской словесности; иностранныхъ: Королевскаго Копенгагенскаго сѣверныхъ антикваріевъ и Римскаго Dell' Instituto Archeologico. Въ 4; IV и 183 стран.*

Хронографъ Византіи Манассіи содержитъ въ себѣ, подобно прочимъ этаго рода сочиненіямъ, краткую всемірную исторію, которая начинается сотвореніемъ міра, а оканчивается царствованіемъ императора Вотоніата (1078 — 1080). Въ первый разъ сочиненіе Манассіи напечатано было на Греческомъ языкѣ съ Латинскимъ переводомъ въ Парижѣ въ 1688 году; второе же изданіе его вышло въ Венеціи въ 1729—33 год. Неизвѣстно, кто и когда перевелъ эту книгу на одно изъ Славянскихъ нарѣчій. Между-тѣмъ, по разнымъ соображеніямъ, становится ясно, что изъ двухъ рукописей этаго перевода, до насъ дошедшихъ, одна (хранящаяся въ Патріаршей библіотекѣ) относится къ 1345 году, а другая (давно извѣстная, въ Ватиканской библіотекѣ) къ 1350 г. Изслѣдованіе первой изъ сихъ рукописей составляетъ предметъ разсматриваемой нами книги. Не въ отношеніи къ

политической исторіи важенъ трудъ г. Черткова, потому-что Манассія, какъ и всѣ Византійскіе лѣтописцы, только выписываетъ свои расказы изъ другихъ, сокращая или распространяя ихъ по своему усмотрѣнію; но онъ чрезвычайно важенъ въ отношеніи къ исторіи Славянской литературы, какъ древнѣйшій послѣ Остромирова Евангелія памятникъ языка, слога, старинныхъ оборотовъ и грамматическихъ формъ, тѣмъ болѣе, что филологъ можетъ ихъ въ изслѣдованіяхъ своихъ сравнивать съ Греческимъ подлинникомъ.

4. *Нѣчто о* Этимологіи *и* Эстетикѣ *по отношенію къ исторіи и къ наукѣ древностей.* *Въ* 8; 30 *стран.*

Авторъ брошюры коротко упомянулъ о важности такихъ предметовъ, которые достойны изслѣдованій самыхъ подробныхъ и глубокихъ, особенно въ наше время при распространяющейся страсти къ историческимъ выводамъ изъ этимологическихъ догадокъ. Изъ новѣйшей литературы Европейцевъ можно выбрать цѣлые томы въ подтвержденіе того, какъ ошибочны бываютъ заключенія историковъ, когда они основываютъ ихъ на произвольныхъ этимологическихъ толкахъ.

5. Михайло Чарнышенко, *или Малороссія за восемдесятъ лѣтъ назадъ. Сочиненіе* П. Кулѣша. *Въ трехъ частяхъ. Въ* 8; 206, 190 *и* 221 *стран.*

Это историческои романъ, котораго основаніе заимствовано изъ преданій, въ такомъ множествѣ разсѣянныхъ по Малороссіи. Авторъ написалъ его по-Русски, слегка придавая краски сочиненію мѣстными фразами и цитатами изъ Малороссійскихъ пѣсень. Историческая основа всегда придаетъ сочиненію особенную прелесть и интересъ. Но авторъ владѣетъ и искуствомъ писателя, живо рисующаго мѣстность, нравы и движеніе страстей. Все это сообщило его книгѣ достоинства положительныя. Даже, въ отношеніи къ исторіи, изъ этаго романа можно заимствовать многое. Онъ содержитъ при каждой части значительное число *примѣчаній* и *приложеній чисто-историческихъ.* Столь полезный и добросовѣстный трудъ, исполненный съ видимымъ талантомъ, даетъ право ожидать, что авторъ не напрасно обращается къ своимъ землякамъ о доставленіи ему всѣхъ фамильныхъ актовъ, изъ которыхъ онъ намѣренъ составлять отдѣльные историческіе расказы о Малороссійскихъ фамиліяхъ.

6. Голосъ за родное. *Повѣсть. Соч.* Фанъ-Дима. *Въ* 8; 332 *стран.*

Эту повѣсть можно назвать капризомъ воображенія; потому-что въ ней истины ни сколько нѣтъ —

ни въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, ни въ сужденіяхъ автора, ни въ описаніи нравовъ.

7. Были и Небылицы. *Статейки, вырванныя изъ большой книги, называемой Свѣтъ и Люди. Философическо-филантропическо-гуморическо-сатирическо-живописные очерки, составленные подъ редакціею* Ивана Балакирева. *Рисунки* Александра Коцебу, *гравированные* Г. В. Дерикеромъ, барономъ Клотомъ и А. Е. Масловымъ. Книжка I. *Деньги. Въ* 12; 116 *стран.*

Г. Балакиревъ, придумавшій столь затѣйливое названіе для статеекъ, которыя подъ его редакціею кѣмъ-то пишутся, былъ очень несчастливъ въ выборѣ сотрудниковъ. Ихъ покушенія на остроту и веселость такъ неудачны, что книжка изъ рукъ валится. Удивляемся, зачѣмъ художники наши, столь мастерски знающіе свое дѣло, сами не пишутъ текста для работъ своихъ. Каждый изъ нихъ конечно и замысловатѣе и натуральнѣе изобрѣлъ бы расказы въ этомъ родѣ, нежели редакція г. Балакирева.

8. Стихотворенія Николая Молчанова. Томъ первый. *Въ* 8; 270 *стран.*

Надобно полагать, что это первые опыты молодаго человѣка: въ нихъ все отзывается подражаніемъ;

много недосмотровъ касательно грамматики и стихосложенія; а всего менѣе чистой поэзіи.

9. Клятва при гробѣ матери, *или мститель за убійство. Драма въ 5 актахъ. Передѣлана изъ романа: Урна въ уединенной долинѣ,* А. Голощановымъ. *Въ* 8; 103 *стран.*

Каковъ романъ, изъ котораго взято содержаніе, такова вышла и драма. Много ужасу, а правды и вкусу ни сколько.

10. Утро провинціала въ столицѣ, *или какъ скоро время проходитъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе* Г... *Въ* 12; 57 *стран.*

Удивительно, что есть еще люди, принимающіеся за сочиненіе комедій и приправляющіе ихъ стихами, не получивъ понятія ни о правилахъ стихотворства вообще, ни о принадлежностяхъ сценическаго искуства.

11. Записки покойнаго Колечкина. *Въ* 16; 236 *стран.*

Это собраніе расказовъ и описаній, изложенныхъ въ сатирическомъ духѣ. Авторъ, выводя на сцену вымышленныя лица, рисуетъ современныя странности, пороки и заблужденія. Въ его очеркахъ много

вѣрнаго и слѣдовательно наставительнаго. Но касаясь предметовъ слишкомъ слегка, или выбирая ихъ изъ сферы тѣсной, куда рѣдко заглядываетъ большая часть читателей, сочинитель не производитъ впечатлѣнія рѣзкаго и сохраняющагося въ воображеніи, чего преимущественно требуется отъ художественныхъ созданій. Впрочемъ онъ подчиняется общему стремленію: теперь и вся наша литература (за немногими исключеніями) состоитъ изъ безцвѣтныхъ типовъ.

12. Библіотека для воспитанія. *Часть I. Отдѣленіе второе. Въ 12; 101 стран.*

Разсматривая это заглавіе, мы долго не понимали, какаго рода изданіе печатается подъ именемъ Библіотеки для воспитанія: журналъ это, или книга въ собственномъ смыслѣ? Наконецъ, обернувъ книжку, увидѣли слѣдующее объясненіе: «Библіотека для «воспитанія въ 1843 году будетъ выходить въ 6-ти «томахъ.» Эго ужъ верхъ загадочности. Если она дѣйствительно въ каждый разъ появленія своего должна по смыслу публикаціи выходить въ шести томахъ, отъ чего же съ перваго разу вышла только въ одномъ томикѣ? Если же во весь годъ напечатаютъ ея только шесть томовъ, зачѣмъ такъ и не сказать? Оставивъ разысканія наши касательно выхода книжекъ, мы занялись разборомъ пьесъ, помѣщенныхъ въ той, которая была передъ нами. Тутъ мы убѣдились, что

вся безсмыслица публикаціи произошла отъ простой причины и очень обыкновенной теперь у насъ въ литературѣ: это книгопродавческая спекуляція—слѣдственно изданіе не литературное. Въ видѣ *казоваго* конца помѣщена здѣсь на 13-ти страничкахъ пьеса Г-жи Зонтагъ: *Сказка въ видѣ Альманаха,* пьеса аллегорическая, изъ которой дѣтямъ ничего не понять; да если бы и растолковать имъ, то для ихъ возраста нѣтъ тутъ никакаго пріобрѣтенія. Далѣе идутъ школьническіе переводы самыхъ пустыхъ давно-забытыхъ сказокъ: *Караванъ, повѣсть о калифѣ Аметѣ, о мертвецахъ мореплавателяхъ, объ отрубленной рукѣ, о спасеніи Фатьмы, похожденіе маленькаго Мука, о ложномъ принцѣ, расказъ Орбасана.* Въ заключеніе помѣщенъ (вѣрно въ образецъ негодныхъ переводовъ) переводъ изъ Нибура о Греческихъ герояхъ, гдѣ даже въ заглавіе вкралась безсмыслица: *Исторія* Греческихъ героевъ, расказанная Нибуромъ *своему* сыну. Въ этихъ расказахъ, вотъ на примѣръ, какія любопытныя и припаровленныя къ дѣтскимъ понятіямъ изображенія представляются: «Инона, вторая жена Атамаса, была очень злая мачиха. Ей вздумалось принести въ жертву маленькаго Фрикса, ея пасынка. Когда его поднесли къ олтарю, то вдругъ явился прекрасный, большой овенъ; на немъ была золотая волна, и онъ умѣлъ бѣгать по облакамъ. Богъ Гермесъ, который прислалъ этаго овна, посадилъ на него Фрикса и сестру его Геллу, и велѣлъ имъ итти по воздуху въ страну, называемую Кол-

хидою. Овенъ зналъ дорогу. Дѣти держались одною рукою крѣпко за рога его, а другою обнявшись другъ за друга (*вѣрно у нихъ обоихъ только и было двѣ руки*). Но Гелла отняла руку и упала въ море. Фриксъ горько плакалъ о смерти бѣдной сестры своей, однако держался крѣпко, ѣхалъ далѣе и пріѣхалъ въ Колхиду. Тамъ принесъ онъ въ жертву овна (*изъ мщенія за сестру, или въ благодарность за услугу, ему оказанную?*), а золотое руно его прибилъ къ большому дубу.» И это взято изъ самаго перваго расказа. Нѣтъ ни объясненій, ни введенія. Назначивъ такія сказки *для чтенія самимъ дѣтямъ*, думалъ ли о чемъ-нибудь издатель? Если бы злоупотребленіе печати не касалось области воспитанія, мы не стали бы и говорить объ этой книгѣ. Много подобныхъ ей ежедневно выходитъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ для забавы праздности и невѣжества. Но *книги для дѣтей* не должны быть выдаваемы единственно для видовъ коммерческихъ. Все доброе и похвальное по этой части заслуживаетъ общественную признательность; а все недостойное вниманія — общественное отверженіе.

13. Дитя натуралистъ. *Въ 64; 156 стран.*

14. Книга для юныхъ читателей. *Сочиненіе* Григорья Пѣхотинскаго. *Въ 8; 342 стран.*

15. *Разговоры съ Сашею и Левенькою*, для первоначальнаго чтенія. *Въ* 12; 24 *стран. Съ картинками.*

Эти три книжки, назначенныя для чтенія дѣтямъ, конечно не изъ замѣчательныхъ сочиненій; но онѣ положительно не вредятъ успѣхамъ дѣтей въ знаніяхъ и языкѣ. Ихъ можно дать дѣтямъ, не опасаясь, что расказы растроятъ ихъ воображеніе и отуманятъ умъ, какъ расказы изъ *Библіотеки для воспитанія.* Конечно, лучше бы видѣть подобныя изданія, оживленныя талантомъ и умомъ опытнымъ; но, можетъ быть, еще долго пришлось бы ждать такихъ явленій. Повторяемъ, что литература воспитанія и образованія дѣтей у насъ пока считается дѣломъ случайнымъ (Совр. т. XXIX, стран. 387).

16. Дѣтскія забавы. *Въ* 32; 63 *стран.*

Вотъ и еще спекуляція на карманы добродушныхъ родителей. Вмѣсто *дѣтскихъ забавъ* тутъ перепечатаны разныя стихотворенія: Хемницера, Крылова, Дмитріева, даже Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Давыдова и Пушкина. Спрашивается, не *забавы* ли это духа предпріимчивости, когда въ литературѣ *промышленность* заступила мѣсто дарованій и вкуса?

17. Исторія древнихъ Азіатскихъ и Африканскихъ государствъ. И. Шульги-

нымъ, *главнымъ наблюдателемъ преподаванія историческихъ наукъ въ военноучебныхъ заведеніяхъ. Въ 8; 144 стран.*

Попечительностію Его Императорскаго Высочества, Главноначальствующаго надъ военноучебными заведеніями, преподаваніе наукъ доведено тамъ до совершеннаго единообразія въ планѣ и духѣ ихъ. Это каждый можетъ видѣть по книгамъ, издаваемымъ для военноучебныхъ заведеній. Сочиненія сіи являются въ трехъ видахъ: одни не что иное суть, какъ полныя *программы*; другія уже представляютъ *матеріалы* для руководствъ, и наконецъ третьи — оконченныя *руководства*. Разсматриваемая нами книга принадлежитъ ко второму разряду, и отъ того передъ выписаннымъ нами собственнымъ его названіемъ находится слѣдующее родовое заглавіе: «*Матеріалы къ составленію учебныхъ руководствъ для военноучебныхъ заведеній. Всеобщая и Русская исторія. Книга первая.*» Мы уже имѣли случай изложить наше мнѣніе о достоинствѣ историческихъ сочиненій г. Шульгина, представивъ читателямъ и образцы его таланта (Соврем. т. X, стран. 27, *третьей нумераціи*). Изданное нынѣ новое сочиненіе его, обладая совершенствами, общими всѣмъ его произведеніямъ касательно сильнаго языка, благородноровнаго тона, вѣрнаго взгляда и оригинально-живаго слога, прекрасно принаровлено къ тому назначенію, для котораго оно написано. Здѣсь съ большимъ ис-

куствомъ собраны именно тѣ черты и подробности жизни народовъ, какія надобно представить послѣ въ руководствѣ для исторіи, составляемой по мысли Высокаго Попечителя питомцевъ военноучебныхъ заведеній. Книга г. Шульгина обнимаетъ 25 столѣтій передъ Р. Х. и касается народовъ, жившихъ только въ Азіи и Африкѣ. Это часть исторіи, предназначенная *для перваго года общаго курса* въ военноучебныхъ заведеніяхъ. Мы увѣрены, что авторъ, столь ревностно трудящійся для блага сихъ заведеній, не замедлитъ изданіемъ и прочихъ *матеріаловъ*, изъ которыхъ должны быть составлены руководства и для прочихъ годовъ, какъ общаго, такъ и спеціальнаго курса. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ мы ожидаемъ *самаго руководства*, какъ труда окончательнаго, которымъ воспользуются конечно не одни военноучебныя заведенія, но и всѣ въ Россіи *среднія* училища. Въ изданіи нынѣшней книжки соединены всѣ пособія, чтобы ученики вполнѣ могли сами пользоваться ею, даже безъ руководства преподавателей: тутъ есть алфавитная роспись историческихъ именъ и синхронистическая таблица годовъ.

18. *Руководство къ* всеобщей Географіи, *для второкласныхъ учебныхъ заведеній, изданное* И. Шульгинымъ. *Двѣ части. Въ* 8; 360 *и* 312 *стран.*

За девятнадцать лѣтъ передъ симъ авторъ разсматриваемой нами книги издалъ тоже *Всеобщую Географію*, которая и принята была какъ руководство удовлетворительное. Любя науку и по этому чувствуя потребность совершенствовать ея преподаваніе, г. Шульгинъ не захотѣлъ повторить прежняго своего изданія, убѣдившись, что надобно въ Географіи основныя ея части рѣшительнѣе отдѣлить отъ предметовъ временныхъ, столь часто измѣняющихся. И такъ онъ написалъ совершенно новое сочиненіе, въ которомъ не только изложена политическая часть соотвѣтственно современному состоянію государствъ, но и обработано воззрѣніе на физическую по особенному плану. «Неизмѣнная физіономія земнаго шара (говоритъ сочинитель) у меня теперь изображена возможно явственными и связными чертами; предметы физической Географіи составляютъ главную часть, а политической подчиненную. Я полагаю, что *можно* знать болѣе или менѣе городовъ въ такой-то странѣ; но *должно* знать ея образъ, ея возвышенности и покатости и связь ихъ между собою.» Во всѣхъ отношеніяхъ раздѣляя его мнѣніе, мы полагаемъ, что для основанія ученію Географіи книга его представляетъ руководство самое надежное и удовлетворительное. Кто введенъ такимъ образомъ въ науку, тотъ совершенно въ состояніи будетъ пользоваться ея дальнѣйшимъ развитіемъ, гдѣ на эту основу краснорѣчивое изображеніе каждой части науки положитъ прекрасные цвѣты подробныхъ своихъ свѣдѣній.

19. **Географія Россіи для дѣтей**, *съ 4 политипажами и 4 раскрашенными картинками*, Ѳ. Студицкаго. *Въ* 12; 120 *стран.*

«Благосклонное вниманіе публики къ 1-ой тетради Географіи для дѣтей побудило меня (говоритъ сочинитель) продолжать путешествіе. Издавая 1-ю тетрадь, я хотѣлъ обратить вниманіе преподавателей и отцевъ семейства на то, что *необходимо начинать изученіе каждой науки съ предметовъ, окружающихъ дѣтей*, и въ отношеніи къ Географіи съ того мѣста, гдѣ живутъ дѣти: тогда только имъ все будетъ понятно. — По предлагаемой Географіи Россіи (продолжаетъ онъ), при незначительномъ руководствѣ учителя или отца семейства, дитя можетъ выучить главныя мѣста въ Россіи; только надобно часто напоминать ему, чтобы оно ничего не изучало безъ карты.» Слѣдуя предположенной методѣ, сочинитель начинаетъ свое путешествіе изъ Пскова въ С. Петербургъ, откуда отправляется въ Финляндію и т. д. Переѣзжая изъ одной области въ другую, онъ останавливаетъ вниманіе своихъ сопутниковъ на всемъ замѣчательномъ, выписываетъ для нихъ прекрасные стихи изъ лучшихъ Русскихъ поэтовъ, относящіеся къ разсматриваемымъ предметамъ, и забавляя ихъ знакомитъ съ отечествомъ.

20. **Новый карманный словарь** *Русскаго, Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго языковъ, въ*

пользу Россійскаго юношества, составленный по словарямъ Академіи Россійской , Академіи Французской, Аделунга, Гейнсіуса, Джонсона, Вебстера и по другимъ лексиконамъ, Филипомъ Рейфомъ. *Въ 12; XLVIII и 792 стран.*

Всѣмъ въ Россіи извѣстенъ *Этимологическій лексиконъ Русскаго языка*, составленный и изданный въ 1835—1836 годахъ г. Рейфомъ. Тотъ же авторъ составилъ нынѣ лексиконъ для четырехъ языковъ. Онъ началъ съ Французскихъ словъ, кои объяснены на прочихъ трехъ языкахъ. Остальныя три части выйдутъ въ непродолжительномъ времени. Кромѣ словаря, въ каждой части будетъ коротенькая грамматика языка, географическій, историческій, миѳологическій , технологическій лексиконъ и метрологія. Для изученія языковъ, которыхъ познаніе у насъ сдѣлалось необходимою частію воспитанія, не было еще пособія, столь добросовѣстно и съ такимъ тщаніемъ изданнаго, какъ лексиконъ г. Рейфа. Появленіе остальныхъ частей этаго предпріятія будетъ прекраснымъ довершеніемъ заслугъ, оказанныхъ иностранцемъ Россіи за ея гостепріимство.

21. Рѣчь Д. С. С. Барона А. К. Мейендорфа, *произнесенная при вступленіи имъ въ званіе предсѣдателя Московскаго отдѣленія Россійскихъ мануфактурныхъ и коммерческихъ Совѣтовъ. Въ 4; 6 стран.*

Мануфактурная и коммерческая въ государствѣ дѣятельность составляетъ одинъ изъ тѣхъ предметовъ, на которые обращена особенная попечительность Правительства. Отношенія производителей къ высшей власти находятъ благотворное посредничество въ председателяхъ Совѣтовъ, учрежденныхъ для сужденій о всѣхъ дѣлахъ, касающихся мануфактуръ и коммерціи. Г. Мейендорфъ изложилъ о семъ свои идеи въ напечатанной нынѣ его рѣчи.

22. О Россійскомъ обществѣ страхованія капиталовъ и доходовъ, *и о цѣли такаго рода страхованія. Въ* 8; 8 *стран.*

Общество страхованія капиталовъ учреждено въ Россіи съ 1835 года. Всѣмъ извѣстно, какія вѣрныя средства для будущаго своего обезпеченія можно пріобрѣсти небогатому семейству, если оно вступаетъ въ это общество. Но какъ у насъ гласность объ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ самыхъ благотворныхъ часто не переходитъ за черту столицъ, то Общество и рѣшилось издать упоминаемую здѣсь брошюру, надѣясь, что ея появленіе привлечетъ къ нему вниманіе жителей провинцій.

23. Сельскія бесѣды для народнаго чтенія. *Изданіе* Е. Фишера. *Десять тетрадокъ. Въ* 12; 16, *XVIII*, 19, 14, 16, 18, 24, 25, 24, *и* 16 *стран.*

Планъ этаго похвальнаго и у насъ столь необходимаго предпріятія есть слѣдующій. Въ *Сельскія бесѣды* входитъ три отдѣла: I. Ученіе основное; II. Хозяйство; III. Чтеніе. *Первый* отдѣлъ подраздѣляется на три предмета, которые суть: Русская грамота, счисленіе и нравственность; во *второмъ* семь предметовъ: полеводство, огородничество, садоводство, лѣсоводство, домостроительство, уходъ за домашними животными и промыслы; въ *третьемъ* два предмета: природа съ ея произведеніями и были и небылицы въ расказахъ легкихъ, занимательныхъ и поучительныхъ. Еще недавно, по случаю появленія другой книжки, составленной для простаго класса читателей обществомъ отличныхъ авторовъ Русскихъ, подъ названіемъ Сельское чтеніе (Т. XXIX Совр., стран: 386), мы указали на причины, которыя препятствуютъ дѣйствительному успѣху подобныхъ въ Россіи предпріятій и изъявили желаніе, чтобы эта отрасль Литературы получила у насъ движеніе болѣе серьёзное и рѣшительное. Изданіе г. Фишера подаетъ намъ надежду, что мысль наша можетъ осуществиться. Насъ пугаетъ только выдача книжекъ неопредѣленными выпусками. Это самая фальшивая система въ отношеніи къ пользѣ читателей. Надобно или выдать цѣлую книгу по какому-нибудь предмету, или установить неизмѣнные сроки для сообщенія предназначаемыхъ статей. А выпуски, придуманные отчаяніемъ отъ безденежья и недостатка матеріаловъ, называемыхъ въ типографіи оригиналомъ, ни для кого, ни-

когда, нигдѣ не превращаются въ полезное пріобрѣтеніе и подобно осеннимъ листьямъ разлетаются, Богъ вѣсть куда, при своемъ отторженіи отъ стебля.

II.

Исчисляемъ новыя части сочиненій, которыхъ первые томы явились за нѣсколько времени передъ симъ.

24. Памятники Московской древности. *Тетради* третья и четвертая. *Въ-листъ*; 180 *стран.*

25. Записки Ученаго Комитета Морскаго Министерства. Часть XVI. *Въ* 8; 455 *стран.*

26. Чертежи и разныя изображенія *къ XVI части Записокъ Ученаго Комитета Морскаго Министерства. Въ* 4; 27 *листовъ.*

27. Сказка за сказкой. *Томъ* вторый. *Въ* 8; 379 *стран.*

28. Наши, *списанные съ натуры Русскими. Выпускъ* четырнадцатый. *Уральскій казакъ, соч.* В. И. *Даля. Въ б.* 8; *съ* 155 *стран.*

29. Первое дополненіе къ первому выпуску *«Курса опытнаго Русскаго сельскаго хозяйства», подъ заглавіемъ:* Путешествіе по Русскимъ проселочнымъ дорогамъ. *Сочиненіе* Д. Шелехова, *помѣщика Тверской губерніи. Въ* 8; 71 *стран.*

30. Курсъ опытнаго Русскаго сельскаго хозяйства, Д. Шелехова. *Выпускъ* вторый: о земледѣліи, *книжка первая. Въ* 8; 97 *стран.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

1. Супружеская истина, *въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Въ* 12; 92 *стран.*

Заглавіе этой книги отъ того потеряло смыслъ, что переводчику или заимствователю не заблагоразсудилось удержать при своемъ твореніи подлинное названіе книги, которою онъ скромно воспользовался. Книга эта называется: *Tableau de l'amour conjugal.* Но что значитъ *Супружеская истина?* Ежели издатель называетъ многозначительнымъ словомъ «истина» сборъ ничтожныхъ и устарѣлыхъ разсужденій о нѣкоторыхъ случаяхъ, относящихся до брачнаго состоянія; то злоупотребленіе слова здѣсь доведено до крайности. Не говоримъ уже о приложеніи истины къ физическому отношенію супруговъ: тутъ ровно ничего не выходитъ. И такъ, чтобы возстановить достоинство его труда, мы совѣтуемъ автору приступить къ новому изданію, въ которомъ бы онъ удержалъ весь текстъ и смыслъ подлинника, такъ затемненнаго нынѣ.

2. Лейла или осада Гренады. *Сочиненіе* Э. Л. Больвера. *Переводъ съ Англійскаго.* Н. М. *Двѣ части. Въ* 12; 272 *и* 239 *стран.*

Искуство, въ своемъ истинномъ значеніи, не у однихъ насъ рѣдко является вполнѣ постигнутымъ и достойно исполненнымъ: прочіе Европейцы, особенно при нынѣшней неугомонной фабрикаціи книгъ, тоже унижаютъ его. Надобно получить отъ природы не одну силу таланта, но и достоинство характера и высокую любовь къ изящному, чтобы не увлечься потокомъ моды, суетности и корыстолюбія. Больверъ одаренъ многими качествами, изъ слiянія которыхъ образуется поэтической талантъ. Но и онъ не защищенъ отъ искушенія, которымъ преслѣдуетъ всѣхъ духъ времени. Вотъ передъ нами его романъ, нисколько не соотвѣтствующій идеѣ, какую долженъ былъ составить геніальный писатель о лицахъ, характерѣ и краскахъ времени, имъ избраннаго для творенія. Ложныя представленія и жизнь, противорѣчащая исторіи, разрушаютъ всякое очарованіе. Мы не удивляемся, что этотъ романъ переведенъ на Русской языкъ. Если бы еще не далѣе простиралось наше суевѣрное поклоненіе именамъ, а не сущности искуства, мы не упали бы такъ глубоко въ смѣшное своими литературными заимствованіями.

3. **Германъ и Доротея.** *Поэма въ IX пѣсняхъ великаго Германскаго писателя* Гёте. *Перевелъ* Ѳ. Арефьевъ, *Въ* 12; 155 *стран.*

Поэма *Германъ и Доротея* важное мѣсто занимаетъ въ словесности, какъ историческій фактъ Нѣмецкой литературы и развитія таланта самаго Гёте. Это тоже, что у насъ *Бѣдная Лиза*, Карамзина, и *Усладъ*, Жуковскаго. Такимъ образомъ переводъ Германа и Доротеи былъ бы необходимъ въ полномъ изданіи Гёте на Русскомъ языкѣ, или въ общей исторіи новѣйшей словесности. Мы чувствовали бы, читая это произведеніе, по какимъ ступенямъ восходило искуство до той высоты, на которой его оставилъ творецъ Эгмона и Фауста. Но что бы сказали мы, что бы подумали объ иностранцѣ, который бы теперь публиковалъ отдѣльный переводъ Бѣдной Лизы или Услада? Какой ложный свѣтъ бросилъ бы онъ на величайшихъ изъ нашихъ писателей безвременною, неумѣстною и необдуманною услугой! Уже ли переводчику этой поэмы Гете неизвѣстно, что всѣ его творенія теперь издаются по-Русски? Зачѣмъ онъ не пріобщился къ числу совокупно трудящихся на этомъ поприщѣ?

4. **Приложеніе Алгебры къ Геометріи.** *Сочиненіе* Бурдона. *Перевелъ съ Французскаго (5-го изданія)* Петръ Гурьевъ. 209 *стран. съ чертежами.*

Application de l'Algèbre à la Géometrie Бурдона состоитъ не изъ одной Тригонометріи, переведенной г. Гурьевымъ и изданной подъ выписаннымъ здѣсь заглавіемъ. Видимо, что переводчикъ руководствовался въ трудѣ своемъ спеціальнымъ назначеніемъ книги, которую Санктпетербургскій Воспитательный Домъ напечаталъ на своемъ иждивеніи для употребленія въ классахъ. Ею могутъ воспользоваться тѣ только преподаватели, которые должны, подобно г. Гурьеву, проходить науку въ представленномъ здѣсь видѣ.

II.

5. Божественная комедія Данте Алигіери. *Выпускъ* вторый. *Въ* 8; *съ* 63 *до* 129 *и съ* 7 *до* 10 *стран.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

1. Объ обязанностяхъ Христіанина. *Изданіе* второе. *Въ* 8; 169 *и III стран.*

2. Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ. *Изданіе конторы привилегированной типографіи Е. Фишера,* исправленное и дополненное. *Въ* 8; *XX и* 336 *стран.*

3. Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной рощѣ, или *повалигай! наши гуляютъ! Истинно-сатирическая повѣсть* 1835 *года, съ Цыганскими пѣснями. Изданіе* пятое. *Въ* 12; 24 *стран.*

4. Камчадалка. *Сочиненіе* И. Калашникова. Второе *изданіе. Четыре части. Въ* 12; 114, 115, 127 *и* 96 *стран.*

5. Стихотворенія М. Лермонтова. *Три части. Изданіе* второе. *Въ* 12; 209, 229 *и* 188 *стран.*

6. Сочиненія Державина. *Четыре части. Изданіе* третіе. *Въ* 8; 288, 300, 175 *и* 325 *и XI стр.*

7. Пріѣздъ жениха, *или святочный вечеръ въ купеческомъ домѣ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Изданіе* второе. *Въ* 12; 72 *стран.*

8. Дочь разбойника, или любовникъ въ бочкѣ. *Народное преданіе временъ Бориса Годунова. Сочиненіе* Ѳ. Кузмичева, *изданіе* четвертое. *Въ* 12; 88 *стран.*

МАДОНА*.

Но сбросимъ прахъ... но вмѣстѣ отряхнемъ
Съ земной мечтой земныя созерцанья!..
Но вотъ Она — души моей смиренной
Святая страсть, покровъ, благоговѣнье —
Мадона!.. Въ двухъ явленьяхъ, въ двухъ символахъ
Она предметъ восторга моего:
Въ кіотѣ и окладѣ золотомъ,
Озарена таинственной лампадой,
Подъ мѣстными названьями своими,
Названьями, богатыми значеньемъ,
Ей данными народомъ благодарнымъ
За чудеса, за дивное спасенье,

* Взято изъ новаго стихотворенія Графини Е. П. Ростопчиной, названнаго ею: *My home*. Въ немъ она прекрасно описала всѣ картины, украшающія поэтическій кабинетъ ея. Намъ позволено помѣстить въ разныхъ №№ Современника нѣсколько описаній. Начинаемъ съ Мадоны *Стеллы*, надъ которою въ стихотвореніи поставленъ № XIV. Редак.

Названьями — знакомыми съ купѣли
Мнѣ въ дѣтствѣ набожномъ — какъ Богоматерь,
Какъ знаменье старинной нашей вѣры,
Она мольбы моей и поклоненій
Была всегда прибѣжищемъ любимымъ.
Ребенкомъ я привыкла знать и помнить
Всѣ праздники Ея, и всѣ сказанья
О чудесахъ Ея; привыкла Ей
Сплетать цвѣты и затеплять свѣчу
Въ знакъ сердца къ Ней горящаго любовью.
И часто я Пречистой довѣряла
Слезу... печаль... надежду иль обѣтъ...
Потомъ, когда я въ западныхъ легендахъ,
Въ величіи обрядовъ пышныхъ Юга,
Опять Ее нашла Святой Мадоной;
Когда въ Ней идеалъ узрѣла я
Поэзіи, искуствъ и вдохновенья;
Когда красой невиданной, нездѣшней
Ее повилъ безсмертный Рафаэль,
Я пламеннымъ, живымъ воображеньемъ
Поникла передъ Ней!.. И мнѣ Мадона
Всѣхъ совершенствъ, всѣхъ прелестей земныхъ
Есть свыше лучезарное явленье.
Я Богоматерь чту молитвой теплой,
Мадоною божественной любуюсь!
Въ старинной простотѣ, подъ тѣнью строгой
Безцвѣтнаго Царьградскаго письма,
Икона мнѣ Она—и передъ Ней
Какъ въ дѣтствѣ трепещу, творя поклоны.
Но вижу ли Ее на полотнѣ,
На мраморѣ, изящною картиной,

Я на Нее свободнѣе смотрю,
И сладко мнѣ житье Ея земное
Припоминать, и на чертахъ прелестныхъ
Искать съ земнымъ небеснаго сліянье.
И вотъ Она, творенье кисти Стеллы,
А болѣе души его и мысли,
Проникнутой мистическимъ восторгомъ!
И вотъ Она, какъ всѣ Ее мы любимъ,
Какъ грезится, Пресвѣтлая, Она
Художникамъ, поэтамъ, матерямъ!...
Гляжу—и мрутъ слова, и думы молкнутъ,
И руки вдругъ подъемлются невольно,
И мнѣ свѣтло!...

МОЛИТВА

РУБИНИ.

Regina del cielo!
Ti chiedo pietà.

Какое пѣнье неземное
Онъ къ Богородицѣ излилъ!
Все сокровенное, святое
Души онъ имъ изобразилъ.

Какая вѣра въ Провидѣнье,
Сознанье немощи своей,
Любовь, надежда, сокрушенье!...
Мать Искупителя людей

Всѣ скорби жизни испытала,
Ихъ всѣ извѣдала душой;
Она, казалось мнѣ, внушала
Сама глаголъ ему родной —

И весь я въ небо устремился,
Я Благодати достигалъ,
Какъ вдругъ пѣвецъ остановился,
И голосъ дивный замолчалъ.

Зачѣмъ, подумалъ я, такъ мало
Намъ было суждено внимать?
Намигъ намъ небо просіяло
И отуманилось опять!

Затѣмъ, чтобъ мы не забывали,
Что все намигъ намъ здѣсь цвѣтетъ,
И чтобъ сильнѣй туда желали,
Куда насъ пѣснь его зоветъ.

И. Мятлевъ.

18 Февраля 1843 г.
С. Петербургъ.

НЕБЕСНЫЙ ГОСТЬ.

Въ синевѣ эѳира яснаго
Свѣтлый геній пролеталъ,
Звучно крыліями бѣлыми
Въ высотѣ онъ ударялъ.
Утопая въ наслажденіи
Вдругъ онъ обмеръ, изнемогъ,
Закружился и объ солнышко
Крылья бѣлыя обжёгъ.

Сталъ онъ падать: ниже, ниже все;
Ужъ нашъ міръ ему виднѣй...
Вздрогнулъ бѣдный геній въ ужасѣ,
Испугавшись злыхъ людей.
Рвется онъ—усилье тщетное
. . . .
Съ высоты эѳира яснаго
Къ мрачной онъ землѣ припалъ.

И долина наша темная,
Гостя горняго принявъ,
Озарилась мигомъ радости,
И, смягчивъ жестокій нравъ,
Красотой небесной тронутый,
Передъ думою святой,
Передъ кроткой грустью генія
Умилился родъ людской.

Кто плоды ему несъ лучшіе,
Кто цвѣтами осыпалъ,
Кто въ безмолвномъ восхищеніи
Въ очи генія взиралъ.
Кроткій геній съ благодарностью
Улыбался грустно всѣмъ;
И, людями обожаемый,
Сталъ онъ жить, какъ мы живемъ.

Но людей пороки низкіе,
Мелочь думъ ихъ и страстей,
Ихъ понятія тяжелыя,
Празднословье ихъ рѣчей,
И сама любовь ихъ грубая
Уязвляли чистый духъ,
Вдохновенія высокія
И небесный взоръ и слухъ.

И земля чужбиной хладною
Оставалась для него;
У Творца мольбой смиренною
Онъ просилъ все одного:
Синеву небесъ прозрачную
Чтобъ ему Онъ отдалъ вновь,
И духовъ небесныхъ чистую,
Безмятежную любовь.

Вянулъ онъ въ нѣмомъ страданіи,
Непонятномъ для людей.
Нечестиваго онъ племени
Не винилъ въ тоскѣ своей,

Не рекли ни разу жалобы
Непорочныя уста;
Но онъ вянулъ — горней родины
Духа манла мечта.

Закатилось солнце майское
За синѣющей горой;
Западъ, вспыхнувъ, опоясался
Пурпуровой полосой;
Птички Божіи попрятались;
Въ лонѣ поздней тишины
Разлились благоуханія
Разцвѣтающей весны.

Сквозь дубровы съ тихимъ ропотомъ
Пробирается ручей,
Разлился въ ночномъ безмолвіи
Звонкой трелью соловей.
Восхитительна, Всевышняго
Ты возлюбленная дочь,
Неба сѣвера весенняя
Нетемнѣющая ночь!

Распустивъ по плечамъ локоны,
Геній при ручьѣ стоялъ;
На картину тихой полночи
Онъ задумчиво взиралъ:
Никогда ему такъ сладостенъ
Не казался міръ земной,
Никогда въ груди не чувствовалъ
Онъ той радости святой.

Благодарности исполненный,
Геній поднялъ очеса:
Долго онъ глядѣлъ въ молчаніи
На родныя небеса...
Вдругъ восторгъ очаровательный
Мощно къ нимъ его рванулъ —
Звучно крыльями онъ бѣлыми
Въ спящемъ воздухѣ взмахнулъ.

Вѣтры ночи благовонные
Тихо жителя небесъ
Понесли; и подымался онъ
Выше, выше — и исчезъ.
Въ синевѣ эѳира яснаго
Духомъ свѣтлымъ онъ опять,
И ему въ священной радости
На Творца дано взирать.

Но очищенный терпѣніемъ
Въ испытаніяхъ земныхъ,
Онъ еще, еще прекраснѣе
Сталъ средь братіевъ своихъ.
А долина наша темная
Съ той поры еще темнѣй,
И еще сталъ безотраднѣе
Грустный путь ея дѣтей.

Александръ Карамзинъ.

Ноябрь. 1842.
С. Макателемы.

ПРЕДМЕТЪ.

(Продолженіе «Семейства».)

Теперь посмотримъ, какъ семейство расположилось въ новомъ своемъ жилищѣ. Присутствіе Генриха и Якоби чрезвычайно оживляло весь домъ. Генрихъ, согласно съ своимъ намѣреніемъ, усердно старался доставлять сестрамъ разсѣяніе и движеніе, а Якоби отъ всей души помогалъ ему въ томъ. Они безпрестанно устроивали большія прогулки, но къ великой досадѣ Генриха ему рѣдко удавалось заставить и Луизу участвовать въ такомъ дальнемъ походѣ (что, по его мнѣнію, было для нея необходимо). У Луизы вѣчно было «такъ много дѣла». Сара жила только для арфы и пѣнія. Леонора была нездорова, а для Габріэли было то слишкомъ холодно, то слишкомъ грязно, то слишкомъ вѣтрено, то она не была расположена къ гулянью. И такъ оставались только Фанни и Петрея. Первая была всегда ко всему расположена, а послѣдней нравились всякія странствованія. Генрихъ очень любилъ брать подъ руку то одну, то другую сестру, особенно когда онѣ были нарядно одѣты. Вечеромъ въ семь часовъ всѣ члены семейства собирались въ библіотекѣ за чайнымъ столомъ, которымъ завѣдывала Луиза. Это было самое веселое

время дня, особливо когда не было гостей. Въ промежутокъ времени отъ чая до ужина занимались музыкой, болтали, читали вслухъ. Послѣ ужина принимались обыкновенно за танцы; въ нихъ и Луиза принимала участіе съ необыкновенною граціею. Иногда играли въ шарады или въ разныя игры. Генрихъ и Петрея всегда выдумывали какія-нибудь забавныя проказы. Для Лагмана величайшимъ удовольствіемъ было особенно по вечерамъ видѣть вокругъ себя всѣхъ своихъ дѣтей веселыхъ и счастливыхъ. Двери въ его кабинетъ — находившійся возлѣ библіотеки — по вечерамъ были всегда отперты, и онъ, занимаясь письмомъ или чтеніемъ, въ то же время слышалъ все, что происходило въ библіотекѣ. Иногда онъ и самъ входилъ туда, вмѣшивался въ разговоры или въ игры, или садился на зеленую софу возлѣ Элизы и любовался своими дочерьми; случалось, что онъ и самъ танцовалъ съ ними, когда онѣ неотступно просили его о томъ.

Что касается до Якоби, то молодежи казалось, что онъ былъ какъ будто разсѣянъ и иногда немного страненъ; онъ часто вздыхалъ и, казалось, предпочиталъ серьезные разговоры съ дамами шарадамъ и другимъ веселымъ затѣямъ. Генрихъ и Петрея рѣшили, что эти вздохи и разсѣянность были не безъ предмета; но долго, т. е. цѣлые три или четыре дня, они не могли добиться, кто именно былъ этотъ предметъ.

«Ужъ вѣрно это не маменька», сказала Петрея, «потому-что во-первыхъ она замужняя женщина, а во-вторыхъ старше его, хотя впрочемъ она лучше всѣхъ насъ вмѣстѣ и Магистръ Якоби очень любитъ съ нею разговаривать и уважаетъ ее какъ мать свою. Знаешь, Генрихъ, я думаю, что настоящій предметъ — Сара. Онъ что-то очень много на нее смотритъ. Или ужъ не Фанни ли? Онъ всегда съ нею такъ много смѣется, и вчера я слышала, какъ онъ сказалъ дядѣ Мунтеру, что она чрезвычайно мила. Но съ его стороны было бы очень неучтиво обойти «нашу старшую.»

Генриха очень забавляли догадки и безпокойство Петреи. У него были свои предположенія на счетъ предмета, а наконецъ и Петрея мало-по-малу начала догадываться, что настоящій предметъ не кто другой, какъ «наша старшая сестра.» Послѣ этаго открытія, которое скоро сдѣлалось извѣстнымъ всей молодежи, Луизу стали называть въ шутку «предметомъ.» Самъ «предметъ», казалось, обращалъ очень мало вниманія на толки, которыхъ онъ былъ предметомъ. Въ то время она сбиралась ткать что-то и, къ отчаянію Генриха, рѣшилась по этому случаю надѣть «габеръ-супъ». Надобно сказать, что у Луизы была настоящая страсть донашивать старыя платья, и такъ-какъ тканье было довольно пестро и сбивчиво, то и серьезныя мины не преминули явиться, и по всему этому Луиза въ ту минуту была вовсе не вос-

хитительна. Между-тѣмъ все шло по-старому, Якоби много смотрѣлъ на Сару, шутилъ съ Фанни, но вѣчно сидѣлъ возлѣ Луизы, какъ будто бы онъ возлѣ нея одной находилъ настоящее благополучіе. Напрасно Петрея закидывала его спорными вопросами, чтобы отвлечь его нѣсколько отъ «предмета». Онъ ими не развлекался и вообще замѣтили, что Магистръ былъ гораздо менѣе расположенъ къ спорамъ, нежели, бывало, Кандидатъ: теперь онъ только смѣялся, когда Гофмаршальша заводила рѣчь о «монадахъ и номадахъ». У Якоби былъ съ нѣкотораго времени любимый конекъ, на которомъ онъ безпрестанно выѣзжалъ, а именно: «Генералъ О***». Якоби не могъ наговориться о немъ, не могъ нахвалиться рѣдкимъ достоинствомъ, добротою, благородствомъ, остроуміемъ, обращеніемъ и прекрасною наружностью его превосходительства; онъ не уставалъ описывать его высокій лобъ, орлиный взоръ, прекрасныя аристократическія руки. Якоби уже около двухъ лѣтъ состоялъ при особѣ Генерала О*** въ должности секретаря, и надѣялся, что при его покровительствѣ выйдетъ въ люди. Между-тѣмъ его превосходительство былъ до него чрезвычайно милостивъ, доставлялъ ему случай распространять познанія, предлагалъ ѣхать съ нимъ въ чужіе краи, самъ упражнялъ его во Французскомъ; однимъ словомъ, былъ превосходнѣйшимъ Превосходительнымъ въ свѣтѣ—настоящій генералиссимусъ. Якоби былъ ему преданъ всею душею и

имѣлъ неистощимый запасъ анекдотовъ о немъ и анекдотовъ слышанныхъ отъ него.

Въ цѣломъ семействѣ Луиза всѣхъ болѣе обладала умѣньемъ слушать, и потому къ ней преимущественно Якоби обращался съ расказами о Генералѣ О***. Впрочемъ не онъ одинъ былъ предметомъ ихъ разговоровъ; Якоби вѣчно имѣлъ до нея какое-нибудь дѣло и находилъ о чемъ съ нею посовѣтоваться. Когда Луиза не слишкомъ была занята своимъ тканьемъ, то Якоби всегда могъ быть увѣренъ найти въ ней искреннѣйшее участіе. Никто лучше ея не давалъ ему совѣтовъ, какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и на счетъ экономическихъ распоряженій, бѣлья, платковъ для будущности и пр. Самъ онъ также давалъ ей совѣты при раскладываніи ею пасьянса postillon, и сверхъ того рисовалъ ей узоры для шитья по канвѣ, и любилъ читать вслухъ — не романы, а не проповѣди.

Однако не долго онъ могъ спокойно сидѣть возлѣ своего «предмета». Скоро подлѣ нея, съ другой стороны, явилось лице, которое мы въ силу того, что замѣчательнѣйшая принадлежность его особы состояла въ большемъ помѣстьѣ, находившемся по близости города, будемъ называть просто *Помѣщикомъ*.

Помѣщикъ, по-видимому, желалъ присвоить себѣ мѣсто, которое Кандидатъ — мы будемъ по-преж-

нему называть его такъ, потому-что всякій человѣкъ ужъ непремѣнно Кандидатъ на что-нибудь въ здѣшнемъ мірѣ—по-видимому, желалъ занять. Помѣщикъ обладалъ, кромѣ своего большаго помѣстья, тучнымъ тѣломъ, пухлыми, румяными щеками, большими сѣрыми глазами, замѣчательными по своей безжизненности, маленькимъ алымъ ртомъ, который приходилъ охотно въ движеніе, чтобы говорить, но еще охотнѣе, чтобы зѣвать. Онъ безпрестанно смѣялся безъ причины, и теперь сталъ обращаться къ «сестрицѣ Луизѣ» — онъ былъ въ дальнемъ родствѣ съ Лагманомъ — съ распросами и рѣчами, которые мы передадимъ читателю подъ заглавіемъ:

СТРАННЫЕ ВОПРОСЫ.

«Любите ли вы рыбу, сестрица? на пр. лещей?» спросилъ Помѣщикъ однажды вечеромъ Луизу, садясь возлѣ нея въ то время, когда она прилежно вышивала ландшафтъ по канвѣ; она, не подымая глазъ, отвѣчала съ величайшею флегмою:

«Люблю! Лещь — прекрасная рыба!»

— Особенно съ соусомъ изъ краснаго вина—это объяденье! Въ моемъ помѣстьѣ Останвикъ рыбная ловля идетъ безподобно—и исполинскіе лещи! Я самъ ловлю ихъ.—

«Кто эта огромная рыба?» спросилъ Якоби Генриха, сморщившись.» И какое ему дѣло, любитъ ли Луиза лещей, или нѣтъ?»

— Онъ думаетъ, что лещи заставятъ ее полюбить его самаго; понимаешь ли, братецъ? Да будетъ тебѣ извѣстно, что это мой двоюродный братъ Туре изъ Останвика, препочтенный и пресолидный человѣкъ. Совѣтую тебѣ познакомиться съ нимъ. Какъ ты сказала, душа моя, Габріэль — ахъ бишь, ваше высоко-

родіе, «что за вещь?»... Что бы то значило? Ну. ужъ этой загадки мнѣ вѣкъ не отгадать; мамочка, приди-ка на помощь къ твоему глупому дѣтищу! —

«Ахъ, нѣтъ! мамà ужъ знаетъ, что это такое и не скажетъ тебѣ!» воскликнула Габріэль въ испугѣ.

«Какой король ставитъ магистра выше всѣхъ королей»? спросила во второй разъ Петрея, у которой въ тотъ вечеръ была настоящая страсть къ вопросамъ.

«Карлъ тринадцатый!» отвѣчалъ Кандидатъ, прислушиваясь къ отвѣту Луизы на вопросъ Помѣщика.

«Любите ли вы дичь? спросилъ Помѣщикъ.

«Люблю! особенно дроздовъ, отвѣчала Луиза. «Ахъ, какъ я радъ!» сказалъ Помѣщикъ. «Въ моемъ имѣньи Останвикѣ бездна дроздовъ. Я часто самъ хожу въ лѣсъ съ ружьемъ и стрѣляю ихъ себѣ на обѣдъ. Пифъ, пафъ, выстрѣлю разъ другой, они у меня такъ и валятся!»

Петрея, которую никто не спрашивалъ: «любите ли вы дичь?» и которой хотѣлось занять собой Кандидата, опять, не смотря на видимую его разсѣянность, неустрашимо продолжала свои вопросы: «Какъ

вы думаете, Магистръ», сказала она, «люди до потопа были ли въ самомъ дѣлѣ гораздо порочнѣе, нежели въ наше время?»

«Напротивъ того, я думаю, что они были гораздо добродѣтельнѣе!» отвѣчалъ Кандидатъ.

«Любите ли вы заячье жаркое, сестрица»? спросилъ Помѣщикъ.

«Любите ли вы заячье жаркое, Магистръ? шепнула насмѣшливо Петрея на ухо Якоби.

«Ай да вostруха! шепнулъ Генрихъ на ухо Петреѣ.

«Любите ли вы холодное, сестрица?» спросилъ Помѣщикъ Луизу, ведя ея къ ужину.

«Любишь ли ты помѣщиковъ?» шепнулъ ей на ухо Генрихъ, когда встали изъ-за стола.

Луиза приняла очень серьезный видъ и молчала.

Петрея послѣ ужина дала полную волю своей страсти предлагать вопросы и никого не оставляла въ покоѣ, кто, по ея мнѣнію, сколько-нибудь могъ удовлетворить ее. «Можетъ ли человѣкъ довольствоваться однимъ разумомъ? На чемъ основана прав-

ственность? Въ чемъ состоитъ настоящій смыслъ откровенія? Зачѣмъ въ государствѣ все такъ дурно устроено? Зачѣмъ одна часть людей богата, а другая бѣдна?» и т. п.

«Петрея, мой другъ!» сказала Луиза, «къ какой стати задаешь ты всѣ эти вопросы?»

Но это былъ день вопросовъ. Имъ не было конца даже тогда, когда всѣ разошлись ко сну.

«Не находишь ли ты, Элиза», сказалъ Лагманъ своей женѣ, когда они остались одни, «что Петрея становится несносна своими вѣчными вопросами и спорами? Она никому не даетъ покоя, и сама иногда какъ въ горячкѣ. Если это такъ останется, то она со временемъ сдѣлается смѣшна.»

«Конечно, *если* это такъ останется. Но я надѣюсь, что она перемѣнится. Я съ нѣкоторыхъ поръ стала наблюдать за нею, и знаешь ли, мнѣ кажется, что въ ней есть что-то необыкновенное?»

«Это правда. Ея живость и потомъ всѣ эти игры и забавныя проказы, которыя она выдумываетъ...»

«Несомнѣнно обнаруживаютъ способность къ изящнымъ искуствамъ, не такъ ли? И опять эта неу-

толимая жажда знаній? Она каждое утро встаетъ въ четвертомъ часу для того, чтобы читать, писать или заниматься своими произведеніями. Все это такъ необыкновенно въ молодой дѣвушкѣ! А это безпокойство, эта страсть обо всемъ спрашивать и спорить—не происходятъ ли онѣ отъ недостатка умственной пищи? Ахъ, сколько есть женщинъ, которыя всю свою жизнь страждутъ отъ этаго недостатка. Пустота души раждаетъ безпокойство, скуку и даже портитъ нравъ!»

«Твоя правда, Элиза,» сказалъ Лагманъ; «нѣтъ въ свѣтѣ положенія тягостнѣе этаго, особенно когда пройдетъ первая молодость. Но ,такова не будетъ участь нашей Петреи. Мы будемъ стараться предохранить ее отъ такаго несчастія. Какъ ты думаешь, какія бы намъ средства употребить къ тому?»

«Я думаю, что какое-нибудь серьезное и послѣдовательное занятіе дало бы нѣкоторую осѣдлость ея душѣ. Она слишкомъ предоставлена себѣ самой съ ея безпокойными склонностями, ея пылкостью и любознательностью. Сама я не чувствую себя способною руководить и наставлять ее; а ты слишкомъ занятъ! У нея нѣтъ никого, кто бы могъ сочувствовать ея страстной, тревожной душѣ. Мнѣ иногда ужасно какъ жаль ея; сестры ея не понимаютъ ея неугомоннаго духа, и признаюсь, онъ иногда и на меня наводитъ тоску. Ахъ, зачѣмъ я не могу быть ея руково-

дительницею? Петреѣ недостаетъ твердаго основанія, на которомъ она могла бы остановить свои блуждающія мысли; отъ того происходитъ ея безпокойство: она какъ цвѣтокъ безъ корня — игралище вѣтра и волнъ.»

«Придетъ время, она остепенится и твердыми шагами пойдетъ по пути жизни. Это вѣрно,« сказалъ Легманъ съ важнымъ видомъ и сверкающими глазами, и такъ сильно ударилъ по толстой книгѣ, что она упала на полъ. «Мы хорошенько подумаемъ объ этомъ, Элиза,» продолжалъ онъ. «Петрея еще такъ молода, что теперь не возможно судить положительно о ея склонностяхъ; но если онѣ не перемѣнятся, то она не будетъ чувствовать недостатка въ духовной пищѣ, пока я живъ и могу кормить свою семью. Ты знаешь почтеннаго Епископа Б., моего несравненнаго друга? Не повѣрить ли намъ Петреи, на первой случай, его попеченіямъ? Впрочемъ мы увидимъ это черезъ годъ или два; теперь она еще почти ребенокъ. Но не поговорить ли намъ покамѣстъ о томъ съ Якоби? Кабы онъ согласился занимать ее науками и поучительными разговорами? Кстати о Якоби: онъ что-то очень начинаетъ любезничать съ Луизой!»

«Да, да: есть грѣшокъ! А почтенный родственникъ нашъ, Останвикскій владѣлецъ, ты замѣтилъ?»

«Да, сегодня вечеромъ меня поразили глупые вопросы, съ которыми онъ безпрестанно обращался къ Луизѣ.« Любите ли вы то, да любите ли вы другое?» Признаюсь, это мнѣ совсѣмъ не нравится. Луиза еще дитя и сама не знаетъ, что она любитъ и чего не любитъ, и потому я надѣюсь, что эти вопросы ни къ чему не поведутъ. По крайней мѣрѣ, я бы желалъ этаго. Впрочемъ если бъ онъ былъ другой человѣкъ, то я бы не прочь: помѣстье его совсѣмъ не дурно и къ тому же оно такъ близко отъ насъ!»

Да, *если бы!* Но я почти увѣрена, что его, каковъ онъ есть, Луиза любить не можетъ.»

«Ну, а какъ ты думаешь о Якоби? нравится ли онъ ей?»

«Правду сказать, я думаю, что она къ нему не равнодушна.»

«Вотъ ужъ это досадно и безразсудно. Я люблю Якоби, но вѣдь у него ничего нѣтъ, и самъ онъ ничего не значитъ.

«Но вѣдь, мой другъ, онъ можетъ со временемъ пріобрѣсти и достатокъ и значеніе. Признаюсь, изъ молодыхъ людей, которыхъ мы знаемъ, онъ по моему мнѣнію всѣхъ болѣе подъ-стать Луизѣ, и я бы желала назвать его моимъ зятемъ.»

«Въ самомъ дѣлѣ, Элиза? Если такъ, то и я не прочь. Воспитаніе дѣтей стоило тебѣ больше заботъ и труда, нежели мнѣ, и потому ты имѣешь и болѣе правъ располагать ими.»

«Ахъ, какъ ты добръ, Эрнстъ!»

«Скажи справедливъ, Элиза; я не болѣе; какъ справедливъ. Къ тому же мы до сихъ поръ всегда сходились въ нашихъ мысляхъ и желаніяхъ; мы сойдемся и въ этомъ. Признаюсь, я вижу въ Луизѣ драгоцѣнное сокровище и не знаю никого, кто бы мнѣ казался вполнѣ достоинъ ея. Но если она искренно полюбитъ Якоби, то я чувствую, что не въ силахъ буду противиться ихъ союзу, хотя и не желалъ бы этаго при его невѣрной будущности. Я отъ души люблю и уважаю Якоби, и мы много обязаны ему за Генриха. Его прекрасное сердце, честность и превосходныя качества ручаются, что онъ будетъ такимъ же хорошимъ гражданиномъ, какъ и добрымъ мужемъ и семьяниномъ, и по моему мнѣнію мало есть людей, съ которыми такъ легко можно ужиться, какъ съ нимъ. Но я замѣчаю, что стою за него, какъ будто бы желалъ, чтобы эта партія состоялась, а между-тѣмъ выходитъ напротивъ. Мнѣ бы не хотѣлось разставаться съ моими дочерьми, покуда онѣ счастливы въ моемъ домѣ. Но взрослыя дѣвушки бѣда для родителей. Я бы всѣхъ жениховъ и сватовъ послалъ къ чорту! Теперь у насъ все такъ славно устроено, и

мы бы могли жить всѣ вмѣстѣ, какъ въ раю. Правда, можно бы сдѣлать еще кой-какія улучшенія: они и будутъ сдѣланы, лишь бы насъ оставили въ покоѣ. Мнѣ пришло въ голову, что здѣсь очень легко было бы устроить еще гардеробную. Смотри, вотъ по этой сторонѣ стѣны. Какъ ты думаешь, если бы мы здѣсь открыли... Ахъ, да ты ужъ, кажется, спишь, мой другъ?»

ПРИГЛАШЕНІЕ.

Около того времени дочерямъ Франковъ часто снилось о пожарахъ, и это давало поводъ къ безконечнымъ толкамъ, намекамъ, шуткамъ и сердечнымъ изліяніямъ между сестрами. Ни одной изъ нихъ не грезилось такъ живо, какъ Петреѣ, и ни одна не умѣла такъ ясно толковать сновъ, какъ она. Простодушной Габріэли ничего не снилось, и она не понимала, что значили всѣ эти странные толки о пожарахъ; впрочемъ ей и не удалось много узнать о томъ, потому-что какъ скоро о нихъ заходила рѣчь между сестрами, ей тотчасъ говорили: «Габріэль, поди на минутку вонъ, душечка!»

Разъ вечеромъ Сара, Луиза, Фанни и Петрея сидѣли всѣ вмѣстѣ за маленькимъ столикомъ и, казалось, были заняты необыкновенно живымъ разговоромъ. Къ нимъ подошла Габріэль и хотѣла сѣсть тутъ же съ своей книгой, но ей сказали, что ужъ и безъ того тѣсно и что для нея совсѣмъ нѣтъ мѣста. Черезъ минуту вошелъ Якоби съ Генрихомъ. Они изъявили желаніе присоединиться къ дѣвицамъ — и что жъ? для нихъ какъ разъ нашлось мѣсто. Тогда Габріэль просунула головку между Луизой и Петреей и предложила сестрамъ слѣдующую загадку:

«Гдѣ могутъ усѣсться шестеро, а пятерымъ нѣтъ мѣста?»

Всѣ засмѣялись, Луиза поцѣловала маленькую остроумную моралистку, а Петрея оставила свое мѣсто, компанію и политическое преніе, завязавшееся у нея съ Генрихомъ, и сѣвши съ Габріэлью въ уголокъ, стала расказывать ей про «Странствованія Тіодольфа» —что было величайшимъ наслажденіемъ «маленькой госпожи.»

«A propos! воскликнулъ Генрихъ,» если я не ошибаюсь, то послѣ завтра свадьба Лауры, на которую намъ надобно получить приглашеніе, NB, по собственному нашему расчету. Тетя Эвелина вовсе не такъ догадлива, какъ я полагалъ; не то бы...»

«Тетя Эвелина нарочно пришла, чтобы показать вамъ свою догадливость,» сказалъ вдругъ кто-то ласковымъ голосомъ. И что же? сама тетя Эвелина стояла передъ обрадованной и удивленной молодежью.

По окончаніи обыкновенныхъ привѣтствій и распросовъ, Эвелина съ видимымъ радушіемъ и свойственною ей любезностію приступила къ приглашенію — не на свадьбу, какъ ожидалъ Генрихъ, а на пирушку у молодыхъ. Самую свадьбу предполагалось сыграть очень тихо у воспитательницы Лауры, въ присутствіи только нѣсколькихъ родственниковъ. Но

мать жениха, одно изъ тѣхъ веселыхъ, добрыхъ существъ, которыя какъ будто созданы на радость людей, а люди такъ мало умѣютъ цѣнить ихъ, и которыя хотѣли бы потчевать и забавлять весь свѣтъ (а свѣтъ за то отплачиваетъ имъ злословіемъ), толстая, привѣтливая Совѣтница, непремѣнно хотѣла отпраздновать женитьбу своего единственнаго, возлюбленнаго сына, какъ можно торжественнѣе и веселѣе, и подѣлиться своею радостію со всѣми сосѣдами. Празднества должны были продолжаться цѣлую недѣлю, и просторныя строенія Аксельгольмской мызы уже съ распростертыми объятіями готовились принимать всѣ знаменитости сосѣдства. Женихъ и невѣста должны были, каждый съ своей стороны, пригласить своихъ друзей и близкихъ знакомыхъ, почему Эвелина теперь и явилась къ Франкамъ съ просьбою отъ имени невѣсты и ея будущей свекрови — отъ которой Эвелина тутъ же принесла и писменное приглашеніе—сдѣлать честь и пожаловать на праздникъ непремѣнно со всѣмъ семействомъ, не исключая и Якоби. Эвелина неотступно просила, чтобы *всѣ дѣвицы* пріѣхали, потому-что на каждую изъ нихъ имѣли особенные виды. Петрея, у которой были большія способности къ драматическому искуству, должна была играть роль въ одной изъ пьесъ, назначенныхъ къ представленію; на другихъ надѣялись частію для танцевъ, частію для живыхъ картинъ; Габріэль вербовали въ ангелы, и само собою разумѣется, что всѣми этими затѣями хотѣли доставить удовольствіе самимъ приглашеннымъ.

желали и просили, чтобы семейство расположилось въ Аксельгольмѣ — гдѣ все было приготовлено для принятія гостей—на все время празднествъ, и если возможно, осталось еще долѣе; увѣряли, что это бы много способствовало къ удовольствію всего общества, и надѣялись, что всѣ члены семейства будутъ довольны своимъ препровожденіемъ времени.

Ни Фоксъ, ни Питтъ, ни Тьеръ, ни Лафитъ, ни Платенъ, ни Анкарсвердъ, однимъ словомъ — можно утвердительно сказать — никакой ораторъ въ мірѣ не произносилъ никогда рѣчи, которая казалось бы слушателямъ краснорѣчивѣе и была бы принята съ такимъ живымъ и общимъ восторгомъ, какъ эта маленькая рѣчь Эвелины.

Генрихъ бросился на колѣна передъ доброй, краснорѣчивой тетушкой. Фанни хлопала въ ладоши и обнимала ее. Петрея вскрикивала въ порывѣ восхищенія и, вспрыгнувъ отъ радости, опрокинула на Луизу столъ. Якоби сдѣлалъ антраша, освободилъ Луизу изъ-подъ стола и ангажировалъ ее на первый англезъ перваго бала.

Лагманъ, отъ всей души радовавшійся, что дѣтямъ его представился случай повеселиться, не могъ однако самъ участвовать въ предполагаемыхъ празднествахъ. «Дѣла!» Лагману Франку рѣдко было время для чего-нибудь инаго, кромѣ дѣлъ. При всемъ

томъ онъ хотѣлъ такъ ихъ устроить, чтобы ему можно было проводить семейство въ Аксельгольмъ, и на другой день воротиться. Элиза сперва церемонилась и не хотѣла взять съ собой болѣе двухъ, много трехъ дочерей, однако дала себя уговорить Эвелинѣ и мужу, который желалъ, чтобы *всѣ* ѣхали. «Можетъ быть,» говорилъ онъ, «имъ никогда болѣе не представится такаго случая повеселиться!» По крайней мѣрѣ довольно рѣдко случается, чтобы напрасно упрашивали и умоляли мать семейства взять съ собой всѣхъ своихъ шестерыхъ дочерей. Да здравствуютъ такія совѣтницы! Надобно сказать и то, что дѣвицъ Франкъ вездѣ очень любили за ихъ ласковое, милое обращеніе, и вообще за всѣ ихъ добрыя качества. Элиза должна была обѣщать, что возметъ ихъ съ собой всѣхъ, всѣхъ... кромѣ Леоноры, которая не могла ѣхать съ другими. Бѣдная Леонора по нездоровью должна была сидѣть дома—и вотъ уже Фанни и Петрея оспариваютъ другъ у друга преимущество остаться съ нею. Леонора объявила холодно и сухо, что никому не нужно оставаться для нея, что она можетъ обойтись и безъ компаніи, и что ей еще веселѣе одной. «Поѣзжайте себѣ всѣ,» сказала она, «я и безъ васъ не умру!» Бѣдная Леонора! Болѣзнь и затворничество способствовали къ развитію въ ней недоброжелательства; лучшую сторону ея души заслоняла туча досады и угрюмости, и эта туча охлаждала участіе и пріязнь, которыя всѣ такъ искренно желали выразить ей.

Между-тѣмъ вся молодежь сильно заволновалась. Надобно было закупать, шить, хлопотать, чтобы дочерямъ можно было явиться съ честью на празднествахъ по случаю свадьбы. Безъ конца выбирали матеріи, цвѣты, ленты, бусы, перчатки и т. п. Пошли совѣщанія и толки о закупкахъ и о томъ, какъ бы выгадать, чтобы денегъ, подаренныхъ каждой изъ дочерей добрымъ отцемъ, стало на все. Луиза была неоцѣненна по этой части. Она на все умѣла дать добрый совѣтъ и всему пособить. Луиза вообще была неутомима въ ходьбѣ по лавкамъ и торговалась неустрашимо. Она въ состояніи была поворотить верхъ дномъ всю лавку изъ-за однаго локтя матеріи и не лѣнилась бѣгать изъ лавки въ лавку, чтобы купить кончикъ лентъ подешевле и подобротнѣе, потому-что Луиза очень смотрѣла на «добротность.» И потому она славилась въ семействѣ, и сама гордилась своими удачными покупками, т. е. тѣмъ, что умѣла заставлять купцовъ уступать ей хорошій товаръ неслыханно дешево. Со всѣмъ тѣмъ наша Луиза пользовалась большимъ уваженіемъ во всѣхъ лавкахъ и вездѣ ей служили чрезвычайно усердно и вѣжливо, тогда какъ напротивъ Петрея, которая никогда не торговалась и всегда брала что ни попало — NB когда она ходила въ лавки одна—не умѣла внушить къ себѣ ни малѣйшаго уваженія и всегда платила очень дорого за дурной товаръ. По этому самому Петрея, какъ можно рѣже, показывалась въ лавкахъ, Луиза же, на которую была возло-

жена почетная должность коммисіонера всѣхъ ея друзей и знакомыхъ, распоряжалась тамъ почти такъ же свободно, какъ въ своихъ собственныхъ шкапахъ.

На большомъ балѣ, назначенномъ въ день пріѣзда семейства Франкъ въ Аксельгольмъ, Сара, Луиза и Фанни сговорились явиться въ одинаковомъ нарядѣ, который долженъ былъ состоять изъ бѣлаго кисейнаго платья, розоваго кушака и шиповника на головѣ. Петрея была въ восторгѣ отъ этаго плана и впредь была увѣрена, что собраніе единодушно провозгласитъ ея сестеръ «тремя Граціями;» что до нея самой касалось, то она бы желала заслужить названіе Венеры, но объ этомъ, увы! и думать было нечего. Она разглядывала свое лице во всѣхъ зеркалахъ: оно было, по ея мнѣнію, не безъ пріятности, «кабы только носъ былъ немного иначе». Петрея выбрала для своего бальнаго костюма небесно-голубой цвѣтъ, а «маленькая госпожа» была въ восхищеніи отъ розоваго газоваго платья, которое маменька собственноручно ей шила. Всѣ только и думали о нарядахъ.

ЗАПУТЫВАЕТСЯ.

Шелъ мелкій дождь, и Якоби съ тайнымъ ужасомъ увидѣлъ, что Луиза облачилась въ «гофпредикантъ»—который былъ ей страхъ какъ не къ лицу— чтобы итти съ Фанни подъ защитою «фамильной крыши» за «удачными покупками». Сара между-тѣмъ была занята урокомъ на арфѣ у Шварца, однако обѣщала Петреѣ отправиться съ нею послѣ обѣда также за «удачными покупками.»

«Какъ ты думаешь, Генрихъ! не отправиться ли и намъ также за «удачными покупками,» сказалъ Якоби молодому своему другу. «Мнѣ нужны новыя перчатки и...»

«И мы бы могли пошататься съ сестрами по лавкамъ,» прервалъ его Генрихъ съ насмѣшливою улыбкою.

«Именно,» отвѣчалъ Якоби смѣясь. «Что бы тебѣ Генрихъ уговорить Луизу бросить этотъ гадкій черный салопъ! Признаться сказать, она въ немъ совсѣмъ не похожа на... Онъ ей совсѣмъ не присталъ.»

«Ты думаешь, я ей не говорилъ этаго? Я столько ей проповѣдывалъ противъ «гофпредиканта,» что она бы давно должна была оставить его. Я ей даже объявилъ, что гофпредикантъ никогда болѣе не увидитъ моей особы подлѣ себя; но все напрасно. Онъ такъ попалъ въ милость къ нашей всемилостивѣйшей старшей, что—увидишь — намъ придется глядѣть на него всю жизнь. И повѣришь ли? Если я не ошибаюсь, онъ нравится нашему почтенному Останвикскому родственнику.»

«Ну, ужъ про этаго болвана нечего говорить. У него во всемъ самый варварскій вкусъ!»

«Какъ, уже ли и въ пристрастіи его къ Луизѣ?»

«Гмъ!»

Около обѣденнаго часа воротились изъ лавокъ наши дамы, а съ ними и кавалеры, которые преспокойно шли подлѣ гофпредиканта. Луиза торжествовала. Никогда еще ей не удавалось дѣлать такихъ удачныхъ покупокъ.

«Что скажете объ этой кисеѣ, сестрицы — по риксдалеру локоть? Не правда ли, какой прелестный цвѣтъ? Я выторговала двенадцать шиллинговъ. А вотъ ленты; за нихъ просили 30 шиллинговъ, а мнѣ уступили за 24 — каковы? эффектъ будетъ велико-

лѣпный! Сознайтесь, что это почти за-даромъ, и что вамъ никогда не случалось покупать такъ удачно! Если ты, Сара, пойдешь въ тѣ же лавки, гдѣ я была, то тебѣ уступятъ по той же цѣнѣ, по какой я купила. Я условилась о томъ въ трехъ мѣстахъ: у Бергвальса и Остремса, а для цвѣтовъ у фру Флореа.»

Сара поблагодарила, но сказала, что она передумала — и теперь не хочетъ быть одѣтой одинаково съ Луизой и Фанни. У нея будетъ особенный нарядъ, который—который ей болѣе нравится.

Это удивило и немного раздосадовало сестеръ, а Луиза даже какъ будто обидѣлась. «Вѣдь это уже было совершенно рѣшеное дѣло? И какъ теперь быть съ тремя Граціями?»

Сара отвѣчала, что роль третьей Граціи можетъ взять на себя, кто хочетъ; но что до нея, то она отказывается отъ этой чести.

Сестры нашли, что Сара была очень не любезна.

Фанни побѣжала показать свои покупки Леонорѣ.

«Посмотри на эти розанчики, Леонора! не правда ли, что они премиленькіе? Точно натуральные! А вотъ посмотри ленты!..»

«Ахъ, да... въ самомъ дѣлѣ,» сказала Леонора печальнымъ голосомъ и разсматривая всѣ эти прелестныя украшенія съ мрачнымъ видомъ; но вдругъ она оттолкнула ихъ отъ себя съ такой силой, что они упали на полъ, а сама залилась слезами. Фанни не могла опомниться отъ испуга: на ея прелестную розу упала книга — и цвѣтокъ былъ раздавленъ. Фанни поплакала надъ нимъ, но минуту спустя слезы ея лились уже на грудь сестры.

«Зачѣмъ ты это сдѣлала, Леонора? Ахъ, ты вѣрно очень нездорова! Или, можетъ быть, ты сердишься за что-нибудь на меня?»

«Нѣтъ, Фанни! Прости меня и уйди прочь!»

«Зачѣмъ же? Ахъ, не плачь, не сердись на меня, Леонора! Глупо было съ моей стороны, что я пришла и .. но Богъ съ ними, съ празднествами, я не поѣду для нихъ, я останусь съ тобой дома, скажи только, что ты любишь меня, и что ты желаешь этаго. Ахъ, скажи же скорѣе!»

«Нѣтъ, нѣтъ!» сказала Леонора съ сердцемъ и отворачиваясь отъ доброй утѣшительницы. «Я не хочу этаго! Вы меня только мучите вашимъ предложеніемъ остаться для меня дома. Я знаю, что я такъ не любезна; вы не можете принести эту жертву охотно; я такая недобрая и невеселая. Воротись къ

тѣмъ, кто веселѣе, Фанни, и поѣзжай съ ними, а меня оставь въ покоѣ; вотъ все, о чемъ я прошу тебя.»

И Фанни въ слезахъ ушла съ своей раздавленной розой.

Когда Сарѣ послѣ обѣда надобно было, по данному Петреѣ обѣщанію, итти съ нею въ походъ, она была ужасно не въ-духѣ. Она говорила, что пойдетъ только въ угодность Петреѣ, иначе она бы совсѣмъ не пошла, потому-что для себя она не намѣрена ничего покупать, да ей и не для чего. На празднества она не поѣдетъ, она знаетъ напередъ, что ей не будетъ тамъ весело. Да ей и нигдѣ и никогда не можетъ быть весело, потому-что ей ни въ чемъ нельзя поступать по своей волѣ.

Петрея не вѣрила своимъ ушамъ и непремѣнно хотѣла знать причину этой внезапной перемѣны. «Почему ты вдругъ передумала,» спросила она со слезами на глазахъ, «почему ты не хочешь ѣхать съ нами?»

«Потому-что я не могу быть одѣта прилично и по своему вкусу. Я не хочу теряться въ толпѣ обыкновенности и посредственностей... я не люблю походить на другихъ и поступать какъ другіе. Таковъ ужъ мой нравъ. Считать каждую копейку я не хочу и не умѣю. Это убійственно.

«Ахъ!» воскликнула Петрея, которая теперь поняла, въ чемъ дѣло, и глаза ея заблистали отъ радости; «если вся бѣда только въ этомъ, то ей легко помочь. Вотъ все мое богатство къ твоимъ услугамъ, милая Сара, и я прошу тебя, возьми его. Повѣрь, что видѣть тебя довольною и нарядною доставляетъ мнѣ несравненно болѣе удовольствія, нежели наряжаться самой. Возьми пожалуста, мой ангелъ, не то я стану передъ тобой на колѣна. Съ моей долей у тебя будетъ довольно денегъ, чтобы купить себѣ, что ты хочешь, и тогда ты будешь опять весела и поѣдешь съ нами, не правда ли? иначе и радость не будетъ намъ въ радость.»

«А какъ же ты, Петрея?»

«О! я надѣну свое старое газовое платье и уберу его какъ-нибудь лентами, на которыя я оставлю себѣ немного денегъ, и будетъ прекрасно. Впрочемъ обо мнѣ не заботься. Будь ты только довольна, милая Сара, и согласись на мою просьбу.»

«Не знаю, могу ли я, смѣю ли я согласиться, Петрея? Ахъ, нѣтъ! мнѣ совѣстно лишить тебя всего твоего маленькаго богатства!.. И его все-таки не станетъ.» «О, мы ужъ устроимъ такъ, чтобъ стало! Вѣдь мы можемъ итти въ Луизины лавки, гдѣ все можно достать такъ дешево. Ты очень меня огорчишь, если не примешь того, что я тебѣ предлагаю.

Ну, вотъ такъ! теперь ты, моя добрая, милая Сара! Благодарю, благодарю тебя! У меня будто камень свалился съ сердца. Ты избавила меня отъ скуки думать объ этихъ несносныхъ нарядахъ, и тѣмъ, какъ нельзя болѣе, одолжила меня.»

Птичка, порхающая съ вѣтки на вѣтку, едва ли такъ весела бываетъ, какъ была Петрея, когда она отправилась въ лавки съ Сарой, которая была не такъ весела, но за то необыкновенно ласкова къ Петреѣ. Что касается до покупки лентъ для Петреи, то, проходя мимо продавца съ пряниками, она увидѣла маленькаго трубочиста, который очень умильно смотрѣлъ на лежавшія тутъ же красныя яблоки: Петрея не могла удержаться, чтобы не купить ему парочку, и чувствовала себя вполнѣ вознагражденною за свою щедрость, увидя радостную улыбку и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣлые зубы мальчика, которые ярко выказались на черномъ лицѣ его, и которыми онъ врѣзался въ сочный плодъ. У Петреи самой потекли слюнки, когда она смотрѣла на мальчика, и тутъ она вдругъ увидѣла въ лавкѣ такіе прекрасные бергамоты, любимый плодъ ея матери, и такіе чудесные апельсины, которымъ Леонора вѣрно обрадовалась бы! Результатъ былъ, что Петреинъ пиратъ наполнился фруктами, а для лентъ—недостало денегъ. »У Луизы много старыхъ лентъ!» утѣшала себя Петрея. «она одолжитъ мнѣ какихъ-нибудь.» Петрея разсуждала, какъ всѣ плохія хозяйки.

Когда Сара и Петрея воротились домой съ своей прогулки по лавкамъ, Луиза, разсмотрѣвъ покупки Сары, тотчасъ смѣкнула, что она выдала на нихъ гораздо болѣе денегъ, нежели сколько у нея было, и очень благоразумно подумала, что такая пышность не кстати для молодой небогатой дѣвушки ея званія. Она смотрѣла, не говоря ни слова, на бѣлую шелковую матерію, на голубой крепъ для тюники, на прекрасныя желтыя и бѣлыя астры для уборки головы, и на прочія украшенія, которыя Сара съ самодовольствіемъ раскладывала передъ сестрами.

«А ты что же купила, Петрея?» спросила наконецъ Луиза, «покажи-ка намъ также свои покупки?»

Петрея отвѣчала краснѣя, что она еще ничего не купила.

Черезъ нѣсколько минутъ Петрея съ нѣкоторою робостію пришла просить Луизу дать ей взаймы какихъ-нибудь лентъ.

«Мнѣ самой нужны мои ленты», отвѣчала Луиза съ неудовольствіемъ, «къ тому же вѣдь ты, Петрея, получила такъ же, какъ и мы всѣ, денегъ на покупку того, что тебѣ нужно.»

Петрея молчала и на глазахъ ея навернулись слезы.

«Я не думала, Луиза», сказала Сара съ-сердцемъ, «чтобы ты была такъ скупа, что тебѣ жаль дать Петреѣ какихъ-нибудь старыхъ лентъ, которыя въ добавокъ, я увѣрена, тебѣ совсѣмъ не нужны.»

«А я», отвѣчала Луиза такимъ же тономъ, «я не думала, Сара, чтобы ты была въ состояніи употребить во зло добродушіе и слабость Петреи къ тебѣ, и взять отъ нея всю ея долю денегъ, чтобы удовлетворить своему тщеславію, тѣмъ болѣе непростительному, что оно повело тебя къ издержкамъ, не соотвѣтствующимъ состоянію нашихъ родителей.»

«Сара ничего не просила у меня!» отозвалась Петрея съ жаромъ, «я сама ей предложила, я принудила ее...»

«Къ тому же,» продолжала Луиза съ строгостію, «позволь мнѣ сказать тебѣ, Сара, что нарядъ, выбранный тобою, вовсе неприличенъ и не скроменъ. Я почти увѣрена, что одинъ Шварцъ могъ уговорить тебя измѣнить нашему первоначальному условію, которымъ мы всѣ были такъ довольны, и я должна сказать тебѣ, Сара, что я на твоемъ мѣстѣ не позволила бы такому человѣку имѣть надъ собою столько власти; я вообще нахожу, что ты съ нимъ ведешь себя совсѣмъ не такъ, какъ должно, какъ того требуетъ женское достоинство и какъ бы я желала, чтобы ве-

ла себя *моя сестра*. Мнѣ очень жаль, что я принуждена сказать тебѣ это.»

«О, ты слишкомъ добра!» сказала Сара надменно, закинувъ назадъ голову и усмѣхаясь; но прошу тебя не заботиться обо мнѣ, Луиза, потому-что я могу увѣрить тебя, что мнѣ никакаго дѣла нѣтъ до того, что тебѣ нравится и что не нравится.»

«Тѣмъ хуже для тебя, Сара, что ты такъ равнодушна къ тѣмъ, которые непремѣнно желаютъ тебѣ добра. Впрочемъ не я одна осуждаю твое обращеніе съ Шварцомъ; Фанни...»

«Да, Сара!» подхватила Фанни, краснѣя, «я признаюсь, что нахожу твое поведеніе съ нимъ совсѣмъ неприличнымъ для...»

«Вы не можете судить о томъ, что прилично для меня»! сказала Сара гнѣвно и надменно. Вы не имѣете права порицать мое поведеніе, и я не намѣрена терпѣть...

«Мнѣ также кажется», воскликнула съ жаромъ Петрея, «что если маменька ничего не говоритъ Сарѣ, то никто не въ-правѣ...»

«Молчи, Петрея! ты неразсудительна и слѣпа къ Сарѣ...»

Въ эту минуту общаго раздора и ожесточенія, когда всѣ сестры заговорили вдругъ словами гнѣва и укора, послышался глубокій и унылый вздохъ, который внезапно заставилъ спорящихъ замолчать и обратилъ взоры ихъ на маленькую дверь въ кабинетъ. Онѣ увидѣли передъ собою мать, которая стояла блѣдная съ сложенными на груди руками и съ выраженіемъ горести на лицѣ. Видъ ея отозвался въ груди дочерей, какъ угрызеніе совѣсти. Когда всѣ замолчали, она тихонько подошла къ нимъ и сказала растроганнымъ голосомъ:

«Дѣти! къ-чему, къ-чему все это? Не оправдывайтесь. Одна изъ васъ непремѣнно должна быть виновата, а, можетъ быть, и многія. Но зачѣмъ эти горькіе упреки, эти язвительныя слова? Ахъ, вы не знаете, что дѣлаете! Вы не знаете, какой адъ сестры могутъ приготовить другъ другу такимъ озлобленіемъ; вы не знаете, что эта вспыльчивость, эта язвительность могутъ обратиться въ ужасную привычку, а сами онѣ—въ мучительныхъ демоновъ другъ для друга, могутъ взаимно отравить себѣ всю жизнь. А между-тѣмъ легко произвести совсѣмъ иное! Сестры могутъ быть добрыми ангелами одна для другой, а домашній кровъ земнымъ раемъ. Мнѣ случалось видѣть то и другое въ семействахъ; болѣе рѣзкой противоположности не бываетъ въ мірѣ! Ахъ, помните всегда, что вы каждый день, каждый часъ дѣйствуете для вашей будущности! Помните, что вы взаимно можете усла-

дить, украсить, или отравить ваши дни, смотря по тому, на какую ногу вы себя теперь поставите между собой. Дѣти! подумайте, что отъ васъ зависитъ сдѣлать вашихъ родителей и самихъ себя очень счастливыми, или очень несчастными подъ кровомъ домашнимъ!»

Дѣвушки слушали, не говоря ни слова, и были растроганы тѣмъ глубокимъ чувствомъ, которое обнаруживалось въ словахъ, на блѣдномъ лицѣ и въ слезахъ матери. Онѣ чувствовали вполнѣ истину сказаннаго ею. Петрея выбѣжала изъ комнаты, заливаясь слезами. Сара безмолвно вышла за нею. Фанни подошла къ матери и стала ласкать ее; но Луиза замѣтила:

«Я сказала Сарѣ правду. Я не виновата, что ей непріятно слышать ее.»

«Ахъ, Луиза!» отвѣчала мать; «это безпрестанно говорится въ свѣтѣ, а между-тѣмъ сколько неудовольствій и ненависти это навлекаетъ на тѣхъ, кто говоритъ такъ! Слѣпая увѣренность въ собственной непогрѣшительности и строгіе оскорбительные упреки только раздражаютъ тѣхъ, къ кому они обращаются, и уничтожаютъ благотворное дѣйствіе истины. Она сама по себѣ такъ чиста и прекрасна; зачѣмъ же ее облекать въ такую безобразную одежду? Я знаю, что ты желаешь только того, что хорошо и справед-

ливо; но, другъ мой—тотъ, у кого благородная цѣль, долженъ избирать и средства благородныя.»

«Развѣ мнѣ притворяться? Развѣ мнѣ скрывать мои мысли и молчать о томъ, что мнѣ кажется нехорошо? Это, можетъ быть, и благоразумно по свѣтской политикѣ, но не по-христіански.»

«Если ты истинная христіанка, Луиза, тебѣ легко будетъ найти способъ исполнять то, что тебѣ предписываетъ твой долгъ, такъ, чтобы оно обращалось въ пользу твоихъ ближнихъ; тебѣ легко будетъ научиться говорить правду не оскорбляя. Съ чистымъ, искреннимъ желаніемъ добра ты никогда не причинишь даже самаго легкаго огорченія. Это не значитъ, чтобы ты должна была молчать, когда долгъ твой велитъ тебѣ говорить.. »

«C'est le ton qui fait la chanson! Не такъ ли? Хе, хе, хе, хе,!» подхватила звонкимъ голосомъ Гофмаршальша, которая, тихонько вошедъ въ комнату при послѣднихъ словахъ материнскаго увѣщанія, прекратила его. Почти въ одно время съ нею вошелъ и Ассесоръ. Между нимъ и Гофмаршальшей тотчасъ завязался разговоръ, который однако на этотъ разъ не кончился споромъ. Фру Гунилла начала раскавывать ему свою бѣду съ Пиррусомъ, и въ какомъ безпокойствѣ она находилась на счетъ маленькой твари, и какъ у этой собачки нѣсколько времени тому назадъ за-

болѣла лапка, и какъ она съ тѣхъ поръ все лежитъ и лижетъ ее, что однако, равно какъ и разныя другія лекарства, не помогаетъ, напротивъ по-видимому скорѣе вредитъ ей. Фру Гунилла не знала, что дѣлать, чтобы вылечить своего любимца. Ассесоръ ласково предложилъ ей взять его на свое попеченіе, говоря, что ему, на вѣку его, болѣе счастливилось вылечивать собакъ, нежели людей, къ-тому же гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ первыми, нежели съ послѣдними. Фру Гунилла искренно благодарила его и была крайне довольна этимъ предложеніемъ. Условились, что Пирруса на другой же день перенесутъ къ Ассесору.

Собрались къ чайному столу, и Гофмаршальша тотчасъ замѣтила, что въ семействѣ что-то не ладно. Она обратилась къ Элизѣ и сказала: «послушайте, моя милая! я слышала, что тамъ—chose! какъ-бишь зовутъ это мѣсто, готовятся безконечныя празднества, пиры, балы, и что вся ваша молодежь должна также явиться туда и—я воображаю—играть не послѣднюю роль. И такъ, если вы находитесь въ затрудненіи по части нарядовъ или финансовъ и я могу быть вамъ въ томъ или другомъ полезна, то скажите только. Ужъ извѣстно дѣвичье дѣло! Здѣсь ленточка, тамъ бантикъ, да то, да другое, да третье, безъ чего нельзя обойтись. Чтожъ дѣлать? молодость! Скажите-ка мнѣ...»

Элиза отъ всей души поблагодарила Гуниллу, но не хотѣла принять ея предложенія, говоря, что дѣвушкамъ надобно съ-молоду привыкать довольствоваться малымъ.

«Оно конечно такъ!» отвѣчала Фру Гунилла; однако, позвольте сказать вамъ, моя милая, что нѣтъ правила безъ исключенія; и если вамъ случится надобность въ какой-нибудь бездѣлицѣ, то—не забудьте меня.»

Фру Гунилла вообще была необыкновенно любезна въ этотъ вечеръ; во всей ея наружности выражалось какъ будто сознаніе сдѣланнаго добра. Ассесоръ никакъ не могъ завести съ нею спора. Она радовалась, что скоро придетъ время переселиться въ деревню; радовалась веснѣ, которая уже настала, и зелени, которая скоро появится. Ассесоръ напротивъ ничему не радовался.» И можно ли радоваться такой дурной веснѣ? Просто, невозможно жить въ такомъ климатѣ, и видно, Господу Богу не угодно, чтобы люди жили, если Онъ всегда посылаетъ такую весну. Или прикажете сажать картофель въ ледъ, что-ли? Иначе намъ врядъ ли доведется сажать его въ этомъ году. А безъ картофелю хоть съ голоду умирай; впрочемъ это еще самое лучшее изо всего, что можетъ случиться съ человѣкомъ въ этой жизни.»

Фру Гунилла была совсѣмъ не такаго мнѣнія, и отвѣчала, что ей еще очень хочется пожить на свѣтѣ и что Господь Богъ авось пошлетъ и картофелю. Тутъ она съ выраженіемъ сердечнаго участія посмотрѣла на безпокойныя, озабоченныя мины молодыхъ дѣвицъ.

«Когда ты, Фанни, будешь такая же старушка, какъ я,» сказала она тихонько трепля ее по бѣлому затылку, «то у тебя, душа моя, не останется никакаго воспоминанія о томъ, что теперь причиняетъ тебѣ столько безпокойства».

«Ахъ! кабы мнѣ ужъ было шестдесятъ лѣтъ!» воскликнула Фанни улыбаясь и со слезами на глазахъ.

«Доживешь, доживешь и до того, мой другъ! Хе, хе, хе, хе!» сказала Фру Гунилла, какъ бы утѣшая ее,» не успѣешь оглянуться, а старость и тутъ. А до тѣхъ поръ живи и наслаждайся жизнію. Веселись хорошенько тамъ... chose... какъ-бишь зовутъ это мѣсто? А потомъ приходи ко мнѣ и раскажи все, какъ было. А если съумѣешь расказать толкомъ, то это будетъ для меня также угощеніе въ замѣнъ того пиршества, на которомъ я не буду—именно изъ-за тѣхъ шестидесяти лѣтъ, въ которыхъ ты мнѣ такъ завидуешь, дурочка! Хе, хе, хе, хе!» Солнце заходило пышно и ярко. Фру Гунилла подошла къ окну, чтобы проститься съ солнцемъ, которое также какъ

будто прощалось съ нею, мерцая послѣдними лучами изъ-за деревъ кладбища. «Судя по закату, у насъ будетъ прекрасная погода и завтра, сказала Фру Гунилла про себя, кротко улыбаясь и съ выраженіемъ счастія на лицѣ. Молодость и старость обыкновенно противопоставляются одна другой, какъ двѣ крайности земнаго пути, какъ свѣжесть и утомленіе. Но не имѣетъ ли каждый возрастъ, какъ каждое время дня, свою особенную юность, свою новую, радостную жизнь, если только умѣешь извлекать пользу изъ своего положенія? Старые люди, которымъ удалось запастись чистыми воспоминаніями для бесѣды на закатѣ жизни, чувствуютъ себя по большой части счастливѣе молодыхъ, которые съ тревожнымъ сердцемъ начинаютъ жизненный путь. Никакая страсть не возмущаетъ ихъ за чашкой кофею; никакое безпокойное стремленіе не тревожитъ ихъ пріятнаго разговора въ сумерки; они умѣютъ такъ хорошо наслаждаться всѣми маленькими удобствами жизни и въ твердомъ упованіи на Бога ввѣряютъ Ему и свою судьбу и свои заботы: они уже испытали Его милосердіе.

РАСПУТЫВАЕТСЯ.

«Вѣрно горькаго миндалю переложено! это мнѣ что-то совсѣмъ не по вкусу сегодня,» сказала Элиза, отставивъ стаканъ съ миндальнымъ молокомъ и вздохнувъ — но не о миндальномъ молокѣ.

«Не сердись на насъ, милая маменька!» съ нѣжностію сказала матери своей Фанни; «вѣдь мы опять всѣ добрыя»! Мать видѣла подтвержденіе этихъ словъ въ прекрасныхъ, блестящихъ глазахъ Фанни и въ умоляющемъ взорѣ Луизы, когда та, переставъ работать — она помогала Сарѣ шить тунику — поворотила голову и посмотрѣла на мать. Элиза кивнула обѣимъ ласково головой и въ знакъ примиренія принялась за свое миндальное молоко, которое вдругъ стало сладко — судя по довольной минѣ, съ которой она отставила стаканъ. «Знаешь, мамочка!» сказала Габріэль, «намъ надобно будетъ заняться немного Петреинымъ туалетомъ, а то она вѣрно ни на что не будетъ похожа».

Между-тѣмъ Луиза, ничего не говоря, взяла Петреино кисейное платье, просидѣла за нимъ до перваго часа ночи, и такъ славно убрала его своими собственными кружевами и лентами, что оно вышло нарядпѣе, нежели было новое, за что Петрея расцѣловала ея золотыя ручки. Фанни... но ея затѣи мы оставимъ на-закуску, а покамѣстъ, скажи мнѣ, читатель,

испыталъ ли ты живительное дѣйствіе того прохладнаго вѣтерка, который навѣваетъ весну на душу, превращаетъ все въ цвѣты и придаетъ воздуху какую-то особенную легкость и сладость? О, вѣрно ты испыталъ—что значатъ эти ничтожныя, легкія, безмолвныя, скромныя, почти невидимыя, а между-тѣмъ всесильныя изъявленія дружества!

Съ тѣхъ поръ, какъ они водворились опять въ Франкскомъ семействѣ, мы не видимъ ничего, что бы могло помѣшать поѣздкѣ, обѣщавшей всѣмъ такъ много удовольствія. Правда, мы позабыли

Петреинъ носъ.

Онъ былъ, какъ намъ уже нерѣдко случалось замѣчать, очень великъ и довольно толстъ. Петреѣ очень хотѣлось дать ему другой видъ, особенно къ наступающимъ праздиествамъ.

«Что ты сдѣлала съ своимъ носомъ! Отъ-чего у тебя такой страшный носъ? На что ты похожа съ своимъ носомъ?» Вотъ вопросы и замѣчанія, которыя со всѣхъ сторонъ посыпались на Петрею, когда она наканунѣ поѣздки явилась къ завтраку.

Петрея, которая не знала сама, плакать ли ей, или смѣяться, расказала, что она, желая нѣсколько перемѣнить его видъ, произвела надъ нимъ одну очень

невинную продѣлку, которой дѣйствіе было — красная полоса поперегъ носа и значительная опухоль.

Элиза тотчасъ приступила къ примочкамъ изъ овсяной крупы. «Полно плакать, душа моя», сказала она,» а не то твой носъ будетъ еще краснѣе.»

«Ахъ, какое несчастіе, воскликнула Петрея, родиться съ такимъ носомъ! Съ нимъ стыдно и въ свѣтъ показаться! Лучше въ монастырь итти.»

«Нѣтъ, лучше «сказала мать» помочь бѣдѣ, такъ-какъ помогла ей одна моя знакомая, у которой былъ также очень большой носъ, еще гораздо больше твоего.»

«А какъ же?»

«Заставляя, какъ она, любить себя и свой носъ. Друзья ея увѣряли, что для нихъ не было ничего пріятнѣе, какъ видѣть ея носъ, когда онъ показывался въ дверяхъ, и что они не промѣняли бы это удовольствіе ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ.» Петрея засмѣялась и совсѣмъ утѣшенная сказала: «ахъ, если друзья такъ полюбятъ и мой носъ, то я готова съ нимъ примириться!»

«Тебѣ надобно стараться врости въ него!» сказала шутя съ значительной улыбкой добрая, умная мать.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №)

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

31. О жизни и трудахъ Ф. Ф. Шармуа. *Брошюра* П. Савельева. *Въ* 8; 10 *стран.*

Слухъ о кончинѣ бывшаго Профессора Санктпетербургскаго Университета и Адъюнкта Академіи Наукъ *Франца Францовича Шармуа* заставилъ однаго изъ молодыхъ нашихъ Оріенталистовъ, живо чувствующаго горестную утрату для наукъ, взглянуть, хотя бѣгло на первый разъ, чѣмъ ознаменована была дѣятельность полезнаго для Россіи иностранца, такъ счастливо усыновленнаго ею. Если справедливо, что экс-Профессоръ нашъ скончался въ прошломъ году (мы еще не встрѣтили рѣшительнаго подтвержденія этаго слуха); то всей его жизни было 49 лѣтъ. Изъ нихъ 18 онъ посвятилъ Россіи. Его прибытіемъ сюда и слѣдовательно всею пользою, какую принесъ онъ намъ какъ Профессоръ, какъ Академикъ, какъ Чиновникъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, какъ Литераторъ и наконецъ какъ Наставникъ въ частныхъ домахъ, мы обязаны нынѣшнему Министру Просвѣщенія Сергію Семеновичу Уварову. Бывши Попечителемъ Санктпетербургскаго Учебнаго Округа, онъ,

предварительно изложивъ въ особомъ сочиненіи (Т. XXIX Современ., 402—405 стран.), до какой степени выгодно и даже необходимо для Россіи изученіе восточныхъ языковъ, употребилъ все свое вліяніе какъ непосредственный начальникъ Педагогическаго Института (замѣнявшаго тогда нынѣшній Санктпетербургскій Университетъ), чтобы въ немъ открыта было по этой части особая каѳедра, что и послѣдовало въ 1817 году. Еще и нынѣ мы живо помнимъ это незабвенное для наукъ событіе. Господинъ Попечитель произнесъ тогда свою знаменитую Рѣчь, въ которой краснорѣчиво изложилъ вліяніе Востока на цивилизацію Европы. Профессоръ Шармуа, вызванный изъ Парижа для занятія каѳедры Персидскаго языка, еще молодой человѣкъ 24 лѣтъ, скромной, но уже знатокъ своего дѣла и видимо исполненный таланта, прочиталъ тогда Разсужденіе свое о свойствѣ, особенностяхъ и красотахъ Персидской поэзіи. Эта ученая диссертація проникнута была свѣжестью, блескомъ и ароматомъ цвѣтовъ Востока. Онъ успѣлъ съ перваго раза привлечь къ себѣ всеобщую любовь, довѣренность и уваженіе къ своимъ свѣдѣніямъ, и показалъ образецъ, какъ надобно изучать Литературу, эту сокровищницу богатствъ Исторіи, Политики, Философіи и Естествовѣдѣнія. Въ разсматриваемой нами брошюрѣ г. Савельева исчислены ученые труды Шармуа и всѣ должности, которыя на него были возлагаемы въ Россіи. Въ дополненіе надобно сказать, что, послѣ Шлёцера, едва

ли былъ хоть одинъ ученый иностранецъ въ Россіи, который бы такъ неуклончиво, такъ добросовѣстно, такъ успѣшно и съ такою къ намъ любовію служилъ и работалъ въ новомъ своемъ отечествѣ, какъ Шармуа. Онъ въ первые же годы своего здѣсь пребыванія такъ счастливо овладѣлъ Русскимъ языкомъ, что съ полною свободою говорилъ на немъ, читалъ все и могъ сочинять безъ малѣйшаго затрудненія. Правда, у него была необыкновенная способность къ изученію языковъ, что облегчалось особенною методою, которую онъ для себя создалъ на подобные случаи. Удивительное прилежаніе и трудолюбіе еще болѣе давали ему средствъ успѣвать во всякомъ ученомъ предпріятіи. Для него не существовало такъ называемаго времени отдыха. Всѣ часы, свободные отъ должности, распредѣлены были на разныя безпрерывныя занятія. Лѣтомъ, послѣ обѣда, на дачѣ, когда все неодолимо влечетъ къ сладостному отдохновенію, онъ для прогулки не выходилъ иначе въ садъ, какъ съ кипою журналовъ и газетъ, которые ходя читалъ въ-слухъ, чтобы звуками своими защититься отъ малѣйшаго посторонняго развлеченія. Этимъ только и можно изъяснить обширность, разнообразіе и основательность его свѣдѣній. Но всего замѣчательнѣе была *скромность* его. Храня въ душѣ невольное сознаніе превосходныхъ качествъ своихъ и умственнаго преобладанія надъ сверсниками, никогда, нигдѣ и ни изъ какихъ побужденій не выказывалъ онъ себя голпѣ, не унижалъ своихъ со-

перниковъ: даже завистниками и врагами своими ни-разу не пожертвовалъ столь естественному чувству самолюбія. Онъ высоко сохранилъ достоинство души своей какъ писатель и какъ гражданинъ. Онъ говорилъ, что самый поверхностный Оріенталистъ, для бо̀льшаго числа людей и даже для ученыхъ по другимъ отраслямъ наукъ, столько же можетъ показаться необыкновеннымъ знатокомъ, какъ и онъ; потому-что нигдѣ хвастовству и наглости такъ свободно не открыта дорога, какъ на поприщѣ мало-посѣщаемомъ — и потому онъ краснѣетъ при одной мысли заносчиваго состязанія, опасаясь подозрѣнія, что и онъ не изъ числа ли *привилегированныхъ шарлатановъ*. Науку онъ любилъ какъ святыню, которой служилъ для истины и общаго блага. Истина, прибавлялъ онъ, не вносится въ сердца насильно, а дѣйствуетъ на нихъ даже невидимо, какъ на землю солнце сквозь облака. Въ его душѣ и сердцѣ было что-то столь теплое, столь вѣрное и столь неизмѣнно-чистое, что онъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и во всѣхъ сношеніяхъ съ другими во всю жизнь остался равно безъ упрека и въ равномъ спокойствіи. Еще въ дѣтствѣ, по желанію матери, онъ былъ обрученъ съ одною своею родственницею. Въ его первые годы пребыванія здѣсь обрученная оставалась во Франціи. Не только разлука, даже болѣзнь, измѣнившая совершенно физіономію будущей подруги его, нисколько не подѣйствовали на святое чувство его долга. Онъ прибылъ отсюда въ прежнее свое отече-

ство, вступилъ въ назначенный ему бракъ и возвратился въ Санктпетербургъ съ супругою. Какъ бы для испытанія его твердости и великодушія, судьба подвергла его неожиданному бѣдствію: его супруга отъ болѣзни лишилась ума. Никто не слыхалъ его ропота или жалобъ въ эту эпоху. Онъ съ нѣжною заботливостію и трогательною любовію окружалъ несчастную всѣми своими попеченіями и всѣмъ своимъ вниманіемъ. Мы долго не кончили бы расказа нашего объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, если бы захотѣли передать читателямъ все, что знаемъ о немъ. Но и этотъ легкой очеркъ можетъ дать понятіе объ его характерѣ и направленіи ума.

32. Солдатскіе досуги *Казака* Владиміра Луганскаго. *Въ* 12; 204 *стран.*

Книжка эта написана тѣмъ остроумнымъ и бойкимъ перомъ, которое по-преимуществу любитъ простонародный Русской языкъ и употребляетъ его для сообщенія простымъ людямъ полезныхъ и назидательныхъ истинъ. Авторъ давно извѣстенъ публикѣ съ отлично-хорошей стороны подъ своимъ вымышленнымъ прозваніемъ. Его *Досуги* не что иное , какъ убѣдительныя и каждому Русскому человѣку понятныя разсужденія, короткіе, но разительные расказы и воспоминанія, особенно событій военныхъ. Читатели Современника еще въ 1841 году получили уже для себя цѣлую половину этихъ увлекательныхъ *До-*

суговъ (Т. XXV, стран: 1 — 65, *второй нумераціи*). Теперь изданы они вполнѣ особою книжкой. Мы увѣрены, что въ библіотекѣ для простонароднаго чтенія одно изъ первыхъ мѣстъ займутъ сочиненія Луганскаго. Въ нихъ умъ, тонъ, краски и рѣчь схвачены прямо изъ Русскаго быта.

33. Мысли Русскаго вслухъ *на новый годъ. Посвящено всѣмъ Русскимъ. Издано* Н. Расторгуевою. *Въ* 8; 34 *стран.*

Мы въ этой брошюрѣ не нашли никакихъ *мыслей*, обѣщанныхъ въ заглавіи. Есть празднословіе и суемудріе, а больше ничего.

34. Очерки Московской жизни. П. Вистенгофа. *Въ* 8; 210 *стран.*

Московская жизнь представила автору гораздо болѣе смѣшныхъ сторонъ, нежели серьёзныхъ. Должно быть, таковъ его индивидуальный взглядъ на предметы Такъ-какъ *Очерки* не *Исторія*, то нельзя и взыскивать съ сочинителя, зачѣмъ онъ увлекся односторонностію. Существенное дѣло въ томъ, вѣрно ли изображена комическая сторона Московской жизни? ея ли точно особенности поразили наблюдательный умъ автора? сообщилъ ли онъ своей картинѣ истину жизни и художественный интересъ? возвелъ ли онъ свое созданіе въ разрядъ сочиненій, никогда не

терявющихъ цѣны по строгой оцѣнкѣ дѣйствительнаго комизма, полнотѣ группъ и поразительной движимости явленій? Если бы онъ все это исполнилъ, то книга его навсегда осталась бы драгоцѣннымъ оттискомъ одной стороны жизни Москвитянъ. Но въ его картинѣ общія мѣста вытѣснили всю частность. Сословія Московскія, ихъ нравы и прочія черты быта не поражаютъ читателя особенностями: онъ все это встрѣчалъ и въ Архангельскѣ и въ Астрахани. Надобно было вникнуть въ то, чего нигдѣ не найдешь, кромѣ Москвы.

35. Москва и Москвичи. *Записки Богдана Ильича Бѣльскаго, издаваемыя* М. Загоскинымъ. Выходъ первый. Въ 12; XX стран.

Избравъ съ г. Вистенгофомъ одинъ и тотъ же предметъ для наблюденій, г. Бѣльскій нисколько не сходится съ товарищемъ своимъ въ воспріятіи впечатлѣній. Правда, ихъ сближаетъ отсутствіе дѣйствительно-Московскихъ частностей, замѣненное указаніями на общія Русскія черты. Но странно видѣть, какъ патріотизмъ г. Бѣльскаго умиляется тамъ, гдѣ тѣшится юморъ его сотрудника. Читая оба сочиненія вмѣстѣ, подумаешь, что въ жизни Москвичей нѣтъ пищи созерцанію серьёзному; а все, что поражаетъ художника, то забавляетъ его въ минуты смѣха и трогаетъ въ минуты всепрощенія. Это даетъ причины думать, что тотъ и другой сочинитель не

изучили своего предмета как художники, а внесли въ свои творенія каждый собственную Москву, создавшуюся въ ихъ душѣ по прихоти собственнаго ихъ воображенія. Это обыкновенно случается съ тѣми живописцами, которые, какъ выражаются въ Германіи, слишкомъ субъективны.

36. Карта промышленности Европейской Россіи, *съ показаніемъ фабрикъ, заводовъ и промысловъ, административныхъ мѣстъ по мануфактурной части, главнѣйшихъ ярмарокъ, водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, портовъ, маяковъ, таможень, главныхъ пристаней, карантиновъ и проч. Четыре большіе листа.*

Изученіе статистики Европейской Россіи не находило еще для себя столь вѣрнаго и удобнаго пособія, какъ эта карта, которою обязаны мы заботливости министерства финансовъ. Ничто не забыто на ней. Кромѣ явленій промышленности, вы тутъ находите самыя особенности физическаго состоянія мѣстъ: на картѣ обозначены страны лѣсистыя, черноземныя и болѣе удобныя для пастбищъ, рудники, рыбные промыслы, судоходныя рѣки, даже качества дорогъ. Глазъ, устремленный внимательно на карту, мгновенно взвѣшиваетъ изображенные края во всѣхъ промышленныхъ ихъ отношеніяхъ.

37. *Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія* Азіатскихъ языковъ *въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ до настоящаго времени. Составлено Ординарнымъ Профессоромъ* Ковалевскимъ *Въ* 8; 36 *стран.*

Сочиненіе г. Ковалевскаго содержитъ обозрѣніе: 1) учрежденія и развитія преподаванія восточныхъ языковъ въ Казанскомъ Университетѣ и въ первой Гимназіи; 2) обогащенія Университета учебными пособіями, и 3) ученыхъ трудовъ, изданныхъ въ разныя времена преподавателями Азіатской филологіи. Въ 1769 году, Татарской языкъ прежде прочихъ Азіатскихъ языковъ сдѣлался предметомъ преподаванія въ Казанской Гимназіи, учрежденной Императрицею Елисаветою Петровной въ 1758 году. При Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, въ 1804 году, открыта въ Казанскомъ Университетѣ каѳедра Арабскаго и Персидскаго языковъ. Первымъ Профессоромъ на этой каѳедрѣ былъ знаменитый Френъ, нынѣ Ординарный Академикъ въ Санктпетербургѣ. Въ 1812 г. открыта и въ Университетѣ каѳедра Татарскаго языка. Въ 1822 г. преподаваніе Арабскаго и Персидскаго языковъ распространено и на Казанскую Гимназію. Самый блистательный періодъ развитія Азіатской филологіи въ Казани начинается съ управленія Министерствомъ Просвѣщенія С. С. Уварова. Въ 1833 году учреждена при Казанскомъ Университетѣ каѳедра Монгольскаго языка, первая въ Европѣ.

Профессоромъ ея назначенъ г. Ковалевскій, сочинитель разсматриваемой нами книжки. Съ того же времени введено преподаваніе этаго языка и въ Казанской Гимназіи. По новому штату Университета, въ 1835 году, преподаваніе Татарскаго языка соединено съ преподаваніемъ Турецкаго. Въ 1837 г. учреждена тамъ четвертая каѳедра для Азіатскихъ языковъ, а именно для Китайскаго. Съ 1842 года началось въ Казанскомъ Университетѣ преподаваніе Армянскаго языка. Въ это же время послѣдовало открытіе каѳедры Санскритскаго языка. Наконецъ Министерство уже избрало и окончательно приготовляетъ въ Пекинѣ будущаго Профессора Тибетскаго языка. Между-тѣмъ уже съ 1836 года въ Казанской Гимназіи преподаются языки: Арабской, Персидской, Турецко-Татарской и Монгольской. Изъ этаго обозрѣнія видно, что во всей Европѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы такъ счастливо усилено было преподаваніе Азіатской Филологіи, какъ у насъ въ Казани. Въ подтвержденіе того, какъ дѣятельны по этой части тамошніе ученые, должно прибавить, что всѣхъ сочиненій, изданныхъ ими, г. Ковалевскій приводитъ числомъ *пятьдесятъ два*.

38. **Корнесловъ Русскаго языка**, *сравненнаго со всѣми главнѣйшими Славянскими нарѣчіями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками. Составленъ* Ѳедоромъ Шимкевичемъ. *Двѣ части. Въ* 8; 160 *и* 167 *стран.*

Въ этомъ сочиненіи существенный трудъ г. Шимкевича, по нашему мнѣнію, состоялъ въ томъ, что онъ изъ общаго Русскаго словаря отобралъ коренныя наши слова. По его словопроизводству ихъ оказалось 1378. Система изложенія его слѣдующая: 1) онъ, взявши слово, опредѣляетъ его значеніе; 2) выписываетъ сперва изъ Славянскихъ нарѣчій, какъ это слово тамъ пишется, а потомъ указываетъ на языки другихъ народовъ, если и у нихъ есть въ томъ же значеніи слово, похожее на наше; 3) прибавляетъ, когда нужно, объясненіе, почему онъ иначе производитъ это слово, нежели другіе лексикографы. Нельзя не замѣтить, что труды Линде и Рейфа были для автора самыми значительными пособіями. Между-тѣмъ разность его предпріятія съ лексиконами означенныхъ писателей неимовѣрна. Линде и Рейфъ представили полную систему языка, а г. Шимкевичъ ограничился только тѣми словами, которыя признаётъ за коренныя. Послѣ разработки предшественниковъ своихъ онъ конечно могъ дополнить нашу этимологію новыми догадками и объясненіями. Но его открытія не внесены въ поясненіе свойствъ языка—и въ этомъ отношеніи гораздо выше, гораздо обильнѣе приложеніями къ практикѣ современное сочиненіе Протоіерея Павскаго, названное: *Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка*. Вотъ истинный корнесловъ нашего языка. Онъ представляетъ во всей ясности образованіе словъ Русскихъ, свойство ихъ въ употребленіи и всѣ тайны нашей филологіи. Сочиненіе г. Шимкевича подлѣ названной нами кни-

ги есть только робкой выборъ изъ предшествовавшихъ ему трудовъ, а книга Протоіерея Павскаго — полная, новая система, на которой можно прекрасно воздвигнуть два памятника: Лексиконъ и Грамматику.

39. Стихотворенія Е. Милькѣева. *Въ* 12; *XXIV* и 222 *стран.*

Читателямъ нашимъ уже возвѣщено было о томъ, что книга, которой выписано здѣсь заглавіе, должна скоро вытти (Т. XXIX Современ., 142 стран.). И вотъ передъ нами собраніе стихотвореній Поэта, котораго по справедливости надобно назвать замѣчательнымъ между современными нашими талантами. Будучи всѣмъ обязанъ природному чувству и постоянному стремленію къ самосовершенствованію, онъ довелъ свое искуство до обработки прекрасной. Удивительнѣе всего, что въ эпоху паденія чистыхъ поэтическихъ формъ, не поддерживаемый строгостію науки, онъ, руководимый единственно музыкальнымъ слухомъ и внутреннимъ тактомъ, понялъ назначеніе поэтическихъ созданій и защитился отъ всѣхъ недостатковъ господствующаго теперь слога. Но это одни отрицательныя его достоинства. А онъ исполненъ и положительныхъ прекрасныхъ качествъ. Обдумывая самобытно предметы своей поэзіи и чувствуя сильно красоты природы и ея вліяніе на сердце, онъ исполненъ выразительности оригинальной; онъ

владѣетъ самыми смѣлыми идеями и создалъ для ихъ оттѣнковъ множество счастливыхъ оборотовъ и выраженій. Ясность представленія образовъ и дѣйствій сообщила его языку необыкновенно чистую отдѣлку. Чтобы наши замѣчанія сдѣлались ощутительнѣе, мы выписываемъ изъ него стихотвореніе, подъ названіемъ: Возрожденіе.

Смѣна холоду крутому,
Смѣна мертвымъ, душнымъ льдамъ,
Сну болѣзненно-нѣмому,
Зимнимъ вихрямъ и снѣгамъ!
Міръ очнулся весь глубоко —
И прелестенъ, и богатъ,
Одѣвается широко
Въ новосвадебный нарядъ.

Вновь лѣса темны, пахучи,
Полны мракомъ и весной —
И свободны и могучи
Воды льются съ быстротой.
Воротилась твердь ясной
Золотая бирюза
И за тучей громогласно
Говорящая гроза.

Такъ являютъ дни и годы
Непрерывный переходъ:
То потускнетъ жизнь природы,
Одряхлѣетъ и замретъ;

То возстанетъ отъ паденья
Вновь полна красы и нѣгъ...
Лишь одинъ ты возрожденья
Не извѣдалъ, человѣкъ!

Ты помазанникъ созданья,
Ты съ душою получилъ
Ключь премудраго познанья,
Даръ святыхъ, высокихъ силъ.
Что жъ ты юностью вѣнчальной
Вновь не блещешь, неба сынъ,
А къ развалинамъ печально
Переходишь отъ сѣдинъ?

Нѣтъ, не гибнешь ты... Хоть годы
Изотрутъ тебя во прахъ —
Все властитель ты природы,
Вѣчный въ царственныхъ правахъ;
Создаешь ты поколѣнья
Жизнью собственной — и вотъ
Бытія и возрожденья
Безконечный пиръ цвѣтетъ!

И увядшій невозвратно
Блескъ твоихъ весеннихъ дней
Въ роды мчится перекатно
Съ пыломъ воли и страстей.
И сынамъ твоимъ судьбами
Заповѣданъ тотъ же путь,
Такъ же въ нихъ реветь громами
Огнедышащая грудь!

Кто постигаетъ успѣхъ соединенія поэтической идеи съ достоинствомъ ея словесной формы, тотъ безъ сомнѣнія почувствуетъ, какъ не похожи эти стихи г. Милькѣева на ежедневно нынѣ появляющіяся рифмованныя строки безъ гармоніи, безъ ясности, лишенныя ровности фразъ и колеблющіяся въ своемъ невѣрномъ движеніи. Въ общемъ направленіи поэзіи г. Милькѣева выражается чувство благоговѣнія къ Создателю, любви и удивленія къ природѣ и ко всему прекрасному. Всѣ высокія истины, такъ счастливо изображенныя имъ, почерпнулъ онъ изъ собственнаго источника души—и вотъ какъ справедливо и убѣдительно о томъ говоритъ онъ:

Не опытъ смертному даруетъ
Блаженной мудрости удѣлъ,
И не сѣдины знаменуетъ
Краса высокихъ чувствъ и дѣлъ;
Нѣтъ, съ раннихъ лѣтъ намъ есть Учитель,
Его глаголъ не побѣдимъ:
Самъ дивный вѣетъ Вседержитель
На насъ дыханіемъ святымъ.

40. Собраніе стихотвореній *изъ лучшихъ отечественныхъ писателей. Для дѣтскаго возраста. Въ 16; XIV и 162 стран.*

У насъ очень немного хорошихъ пособій для дѣтей при обученіи ихъ Русскому языку. Тѣмъ съ бо̀льшею благодарностію надобно принимать все, что

дѣлается добросовѣстно и съ благоразуміемъ. Выборъ стихотвореній для дѣтей особенно былъ необходимъ. Въ хорошихъ стихотворныхъ пьесахъ языкъ живѣе и увлекательнѣе, нежели въ прозаическихъ. Его формы, обороты и счастливыя выраженія глубоко нечатлѣются въ умѣ и памяти юношества. Разсматриваемая нами книжка составлена осмотрительно и можетъ быть употребляема воспитателями съ пользою. Въ ней соблюдена постепенность идей и предметовъ. Издатели предполагаютъ напечатать въ этомъ же родѣ собраніе стихотвореній для втораго возраста и даже третьяго. Желаемъ, чтобы они сохранили въ слѣдующихъ частяхъ всѣ условія, которыхъ держались нынѣ.

41. Стихотворенія Старожила. *Въ 8; 141 стран.*

Напечатанныя въ этой книжкѣ стихотворенія не возбуждаютъ ни надеждъ, ни любопытства. Они только, какъ говорится, литературный фактъ — но безъ послѣдствій.

42. Аристократка, *быль недавнихъ временъ, расказанная* Л. Брантомъ. *Въ 8; 155 стран.*

Авторъ, увлекаемый модою, господствующею въ Европейской литературѣ, остановился на томъ, что теперь называютъ *типъ* —и написалъ романъ на мод-

ную тему. Но онъ конечно упустилъ изъ виду, что всѣ типы, т. е. образы общіе, взятые изъ цѣлаго сословія, холодны и безцвѣтны для романа какъ для поэзіи, а типъ *аристократки* — самый неблагодарный, самый прозаической сюжетъ для художника. Уже ли г. Бранту какъ поэту не извѣстно, что чѣмъ индивидуальнѣе содержаніе, тѣмъ болѣе въ немъ красокъ? А что можетъ быть болѣе неопредѣленнаго, болѣе общаго, болѣе лишеннаго физіономіи, какъ аристократка? Это лице высшаго сословія не однаго Петербурга, но и Вѣны, и Рима, и Парижа, и Мадрита, и Лондона, и Стокгольма, и даже Гельсингфорса. Для этаго лица повсюду одинъ языкъ, одни нравы, одни условія, одни даже страсти. Чѣмъ же оживить черты столь стершіяся, цвѣтъ, столь поблеклый, жизнь, столь изношенную? Слѣдствіемъ ошибочнаго выбора предмета было и исполненіе неудачное. Гдѣ аристократка вѣрна своей роли, тамъ она дѣйствуетъ безъ поэзіи; а гдѣ она предается жизни, которою по своей благосклонности надѣляетъ ее авторъ, тамъ она перестаетъ быть аристократскою. Читатель тамъ и здѣсь въ проигрышѣ. Ему хочется заглянуть въ тайны *дѣйствительнаго* сердца и почерпнуть оттуда благодатной истины; а онъ заглядываетъ въ конфектное сердечко и вынимаетъ изъ него два Французскіе стишка.

43. **Полная Русская Хрестоматія**, *или образцы краснорѣчія и поэзіи, заимствованные изъ лучшихъ*

отечественныхъ писателей. Составилъ А. Галаховъ. *Двѣ части. Въ б. 8, въ два столбца, XXI, 375, IV и 434 стран.*

Составленіе книги, которая бы заключала въ себѣ лучшіе отрывки лучшихъ писателей во всѣхъ родахъ, не легкое дѣло. Не говоримъ уже о томъ, всякому ли дано вѣрное чувство постигать истинно-прекрасное и отдѣлять его отъ кажущагося прекраснымъ. Мы соглашаемся, что, принимая на себя званіе судьи, человѣкъ не безъ сознанія берется за свое дѣло. Есть затрудненія въ этомъ исполненіи, менѣе существенныя, но почти непреодолимыя. Во-первыхъ отъ составителя хрестоматіи требуется, что бы онъ, опредѣливъ объемъ времени, въ которомъ будетъ искать образцевъ своихъ, и содержанія, соотвѣтствующаго идеѣ книги его, изучилъ *дѣйствительно всѣ* произведенія, изъ которыхъ обязывается составить выборъ. Все, что только вышло изъ типографскихъ станковъ въ этотъ періодъ и въ его категоріи, гдѣ бы оно напечатано ни было, отдѣльною ли издано книгою, или брошено въ летучую газету, скрѣплено ли подписью знаменитаго имени, или явилось съ загадочнымъ псевдонимомъ, даже безъ всякой отмѣтки, все должно быть прочитано, взвѣшено, отобрано и тщательно сохранено составителемъ хрестоматіи. Во-вторыхъ: заготовленные такимъ образомъ матеріалы (на что потребно много времени и *особенно* много труда постояннаго и добросовѣстнаго), передъ состав-

леніемъ книги, должны быть строжайше сравнены какъ въ общемъ ихъ объемѣ, такъ и въ частномъ отношеніи каждой пьесы автора къ другимъ его однороднымъ пьесамъ. Надобно, чтобы книга въ сложности своей образовала собою цѣлое, дѣйствительно равноцѣнное въ частяхъ, сколько дозволяетъ зрѣлость литературы, и чтобы каждой авторъ являлся въ ней только съ истинными своими совершенствами, до которыхъ удалось ему додуматься и дойти трудами. Видимо, что эта обязанность заставляетъ составителя хрестоматіи почти столько же работать надъ всякимъ избраннымъ лицемъ, сколько онъ прежде работалъ надъ всею своею литературою. Въ-третьихъ: признавая рѣшительную невозможность въ безошибочномъ исполненіи этихъ двухъ условій, связывающихъ одно лице, сколько бы оно дѣятельно и всѣми воображаемыми пособіями снабжено ни было, мы думаемъ, что безъ участія самихъ сочинителей (по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ изучить еще не было времени) составитель не достигнетъ цѣли своей. И такъ онъ долженъ искать ихъ участія, дорожа и собственною и ихъ репутаціею. До сихъ поръ никто не поступалъ по симъ правиламъ, хотя они необходимы. Сколько извѣстно по исторіи нашей литературы, первая у насъ хрестоматія явилась въ 1804 году. Ее напечаталъ учитель 1-го Кадетскаго Корпуса Желѣзниковъ и назвалъ: *Сокращенная библіотека.* Въ-слѣдъ за нимъ два учителя Нѣмецкой Петропавловской школы, П. Шлейснеръ и Н. Гречъ,

издали тоже что-то въ родѣ хрестоматіи: *Опытъ грамматическаго руководства въ переводахъ съ Россійскаго языка на Нѣмецкой и на Французской* (3-іе изданіе въ 1824) и *Избранныя мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ* (1812 г.). Самое сильное движеніе сборникамъ дано было въ Москвѣ, гдѣ Жуковскій издалъ: *Собраніе Русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Русскихъ журналовъ* (1810 г.). За симъ и въ С. п. бургѣ явилось изданіе *Собранія образцовыхъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ* (1815—1817). Этою мыслію неутомимо пользовался покойный Дерптскій экс-Профессоръ А. Воейковъ, печатавшій нѣсколько разъ въ видѣ продолженія: *Новое собраніе Русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ* (1821, 1824 г). П. Никольскій составилъ изданіе въ подобномъ родѣ, подъ названіемъ: *Пантеонъ Русской поэзіи* (1814). Въ Харьковѣ, А. Вербицкій напечаталъ: *Избранныя мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ* (1822). Содержатели пансіона, Журданъ и Берарь, выдали собраніе прозаическихъ пьесъ, подъ названіемъ: *Постепенныя занятія переводами съ Русскаго языка на Французскій и Нѣмецкій.* Бывшій учителемъ въ одной изъ С. п. бургскихъ гимназій г. Пенинскій собралъ *двѣ хрестоматіи*: одну для *Церковно-Славянскаго и стариннаго Русскаго языка*, другую для *нынѣшняго Русскаго.* Не упоминаемъ о другихъ книгахъ въ этомъ же родѣ. Ихъ было очень много.

Причиною — кажущаяся легкость предпріятія и исполненія. Такъ и все по большой части у насъ дѣлается въ литературѣ. Надобно, чтобы человѣкъ очень любилъ ея совершенствованіе, если, избравъ трудъ, онъ выполняетъ его по собственной идеѣ. Въ исчисленныхъ нами книгахъ все велось по предшествовавшимъ примѣрамъ. Что уже слишкомъ знакомо всѣмъ, что по времени и другимъ соображеніямъ пріятно значительному лицу, что входитъ въ частности отношеній собирателя, что ближе, или что случайно попалось на глаза, то и печаталось. По этому мы видѣли вездѣ такую пестроту, такую небрежность, такіе пропуски, что не стòитъ и входить въ разсмотрѣніе ихъ. Главная причина недостатковъ заключается въ *наружной* легкости исполненія и въ *существенныхъ* трудностяхъ, которыя мы обозначили выше, если составитель хочетъ сдѣлать что-нибудь *дѣйствительно полезное.* Возвращаясь къ книгѣ г. Галахова, мы отдаемъ ей справедливость въ томъ, что она полнѣе прежнихъ хрестоматій, что выборъ въ ней обдуманнѣе, словомъ, что она, по обыкновенному понятію, удовлетворяетъ требованіямъ своего назначенія. Но если мы станемъ разсматривать ее по теоріи, нами начертанной при началѣ сей статьи, то конечно и самъ составитель сознается, что въ этомъ родѣ можно собрать книгу гораздо лучше. Мы готовы сослаться на всѣхъ авторовъ, которыхъ пьесы здѣсь помѣщены: сами они не всѣ избранныя составителемъ пьесы считаютъ своими

лучшими — и не только сочинители, даже тоже скажутъ и критики, достойные довѣренности. Въ различныхъ родахъ прозы и поэзіи много пропущено такаго, что должно бы попасть сюда и замѣнить напечатанное. Видно, что составитель слишкомъ довѣрялъ памяти своей и готовымъ сборникамъ, а самъ не принялъ труда изучить нашу литературу вообще и собранія сочиненій каждаго автора въ частности. Онъ даже съ такою поспѣшностію, безъ справокъ, вносимъ иныя пьесы, что подъ ними очутились чужія имена (стран. 309, Ч. II.). Не говоримъ о промахахъ противъ смысла, какъ на прим: на стран. 196, Ч. II. *но гдѣ мы*, вмѣсто: *но гдѣ вы*? Г. Галаховъ, изъясняя въ предисловіи своемъ, что значитъ хрестоматія, упомянулъ о сочиненіи Прокла, которое названо хрестоматіею же и содержитъ въ себѣ имена всѣхъ *циклическихъ* поэтовъ, съ показаніемъ, гдѣ и когда каждый изъ нихъ родился. И намъ бы пора обратиться къ этой идеѣ. Зачѣмъ, хотя передъ оглавленіемъ, не помѣстить объ умершихъ авторахъ, достойны ли они, по силѣ мышленія своего, чтобы изучать ихъ вполнѣ, велика ли сфера твореній ихъ въ области литературы, и сколько времени они жили? По крайней мѣрѣ, зачѣмъ не составленъ здѣсь для хрестоматіи алфавитный списокъ избранныхъ сочинителей, съ указаніемъ, что, гдѣ и въ какомъ родѣ взято изъ нихъ для книги? Что касается до раздѣленія произведеній по родамъ, г. Галаховъ объявилъ, что оно не ему принадлежитъ

и онъ за него не отвѣчаетъ. Онъ говоритъ, что его главная забота была собрать образцы изящнаго современнаго языка. Долго мы будемъ ошибаться въ понятіяхъ нашихъ о своей литературѣ, если не пріучимся искать достоинства писателей не въ такъ называемой современности языка, а въ ихъ мыслительной силѣ, въ ихъ самобытности сужденій, въ ихъ гармоніи представленій съ языкомъ. Кто способенъ живо чувствовать и равносильно изображать свои идеи, тотъ навсегда останется образцемъ, хотя бы въ языкѣ и произошли послѣ него нѣкоторыя обновленія. Г. Галаховъ самъ чувствовалъ справедливость этой мысли: онъ, въ видѣ исключенія, допустилъ въ хрестоматію нѣсколько пьесъ, писанныхъ, какъ говорится, устарѣлымъ языкомъ. Мы желаемъ, чтобы онъ осуществилъ свою идею о хрестоматіи исторической. Его нынѣшняя книга полезна; но, составивъ изъ образцевъ исторію словесности, онъ еще болѣе благодарности заслужитъ отъ всѣхъ, понимающихъ дѣло.

44. **Подземные ключи.** *Изд.* Кн. Н. Мансыревъ. *Въ* 12; 432 *стран.*

Собраніе стихотвореній и статей въ прозѣ, нигдѣ еще до сихъ поръ не печатавшихся. И такъ это родъ альманаха. Такъ-какъ собраніе не представляетъ въ себѣ ничего характеристическаго, никакой художнической, или ученой цѣли; то мы и удивляем-

ся, для чего бы сочинителямъ симъ не примкнуть къ фалангѣ *Ста Литераторовъ*, точно въ такомъ же безхарактерномъ видѣ собирающихся? Но для нихъ здѣсь была бы выгода: потомство увидѣло бы портретъ каждаго изъ нихъ, fac-simile и даже картинку изъ которой-нибудь ихъ пьесы.

45. О реформѣ, какую произвелъ Сократъ въ философіи, ея причинахъ и слѣдствіяхъ. *Разсужденіе студента Ришельевскаго лицея*, Александра Великанова, *удостоенное Совѣтомъ лицея награды золотою медалью. Въ* 8; 94 *стран.*

Мы радуемся, что историческое изученіе пріобрѣтаетъ у насъ надлежащій свой характеръ. Изъ диссертаціи г. Великанова видно, что онъ понимаетъ, какъ надобно смотрѣть на философію. Подобные взгляды должны быть обращены и на всѣ отрасли умственной дѣятельности. Въ идеяхъ философа или другаго ученаго надобно открывать тайны жизни того вѣка и народа, которымъ онъ принадлежалъ.

46. О постепенномъ развитіи идеи брака въ древнемъ мірѣ. *Сочиненіе кандидата правъ* Лаврентія Соколовскаго *для полученія степени магистра правъ. Въ* 8; 148 *стран.*

Предметъ, избранный сочинителемъ, очень важенъ не только въ отношеніи къ юриспруденціи, но и въ особенности къ исторіи гражданственности. Развитіе идеи брака есть развитіе совершенствованія людей въ обществѣ. Успѣхи этой идеи прямо указываютъ на успѣхи самосознанія людей. На Русскомъ языкѣ такъ мало источниковъ для обработыванія подобной темы, что автору естественно надобно было обратиться къ иностраннымъ литературамъ. На Нѣмецкомъ языкѣ онъ болѣе всего нашелъ для себя пособій — и воспользовался ими тщательно. Преимущественно приноситъ ему честь обстоятельство, что онъ обратился къ такимъ авторамъ, которые заключенія свои вывели изъ подлинныхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей. Ему принадлежитъ планъ, развитіе его и изложеніе. Принявши за основаніе столь распространенное уже по Германіи раздѣленіе человѣчества на міръ Восточный или Азіатской и міръ Европейской или Западный, онъ разсматриваетъ развитіе идеи брака въ Индіи, въ Китаѣ съ Японіею, въ Персіи и по восточному берегу Средиземнаго моря, у Евреевъ, въ Египтѣ, въ Греціи и наконецъ въ Римѣ. Самыя обильныя, самыя разнообразныя и слѣдовательно самыя удовлетворительныя данности представили ему узаконенія Евреевъ и Римлянъ. Такимъ образомъ и его развитіе здѣсь столько же заманчиво и наставительно, сколько въ другихъ мѣстахъ оно скудно и безцвѣтно. Впрочемъ, какъ историкъ, онъ не могъ не подчи-

ниться состоянію самыхъ актовъ. Что касается до его изложенія, оно обнаруживаетъ нѣкоторую неопытностъ владѣть перомъ, что понятно въ первомъ трудѣ юноши. Мы увѣрены, что, предавшись вполнѣ наукѣ и ея обработыванію, онъ достигнетъ зрѣлости во всемъ. Желаемъ только, чтобы наши молодые ученые являлись поклонниками науки не для дипломовъ, а изъ благороднаго стремленія къ самосовершенствованію.

47. О свойствахъ климата Валахіи и Молдавіи *и о такъ называемой Валахской язвѣ, которая свирѣпствовала во второй Русской арміи въ продолженіе послѣдней Турецкой войны. Сочинилъ* Христіанъ Виттъ, *докторъ медицины и хирургіи. Въ 8; XIV и 357 стран.*

Все, что касается до фактовъ относительно избраннаго авторомъ предмета, онъ собралъ ихъ вполнѣ. Слѣдовательно польза его книги не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Успѣхъ науки практической ничѣмъ такъ быстро не развивается, какъ полнотою и достовѣрностію опытовъ. Прочія же соображенія автора касательно эпидеміи могутъ встрѣтить противорѣчіе другихъ врачей. Но это обстоятельство свою приноситъ пользу: оно ускоряетъ объясненіе истины. И такъ во всякомъ случаѣ книга его достойна изученія.

48. О распознавании и лечении столбняка. *Сочиненіе медико-хирурга* К. Бредова. *Въ* 8; *II и* 86 *стран.*

Не только въ Русской медицинской литературѣ мало было книгъ, которыя бы представляли удовлетворительное объясненіе болѣзни, называемой столбнякомъ (когда человѣкъ, сохраняя память, чувствуетъ, что его мышцы крѣпнутъ и лишаются движимости), но и иностранныя литературы не могутъ этимъ похвалиться. Г. Бредовъ собралъ все, что надобно и что можно знать объ этой болѣзни. И такъ его книга есть новость особенно полезная.

49. Общая фармакологія. *Соч. доктора медицины и проч.* Козьмы Лебедева. *Въ* 8; *IV и* 62 *стран.*

Развитіе предмета, о которомъ говоритъ сочинитель, ни сколько не подвинулось отъ его книги.

50. Энциклопедическій медицинскій лексиконъ, *составленный членами общества Русскихъ врачей, ординаторами перваго военно-сухопутнаго госпиталя,* Леемъ, Тарасовымъ и Стрѣлковскимъ. *Часть первая; книга первая. Въ* 8; 160 *стран.*

У насъ нѣкогда предприняли-было издать общій энциклопедическій лексиконъ. Паденіе предпріятія

лучше всего доказало, что мысль была несвоевременна. Частные энциклопедическіе лексиконы должны предшествовать общему. Поэтому мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ предпріятіе Русскихъ врачей. Чѣмъ безкорыстнѣе и тщательнѣе будутъ они продолжать свой трудъ, тѣмъ вѣрнѣе достигнутъ цѣли. Въ первой. нынѣ изданной книжкѣ они дошли отъ AB до слога AN. Много еще работы впереди. Хорошее начало обѣщаетъ несомнѣнный успѣхъ. Пусть только издатели не выпускаютъ изъ виду двухъ золотыхъ старинныхъ изрѣченій· «Labor improbus omnia vincit» и «Concordia res parvae crescunt *и проч.*.»

II.

51. Сказка за сказкой. Томъ III. *Въ* 8; 355 *стран.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

6. Переводчикъ, *или сто одна повѣсть и сорокъ сороковъ анекдотовъ, и проч., и проч. Четыре тома. Въ* 12; 251, 251, 250 *и* 214 *стран.*

Прочитавъ заглавіе, можетъ быть, иной доброй человѣкъ пожалѣетъ, что на такой ничтожный трудъ потеряно столько полезнаго времени. Напрасное сожалѣніе! Переводъ своею неисправностію и ошибками противъ языка свидѣтельствуетъ, какъ мало надобно было времени для окончанія такаго дѣла. Надобно скорѣе пожалѣть о бѣдственномъ убѣжденіи, въ которомъ эти предпріятія совершаются: публику считаютъ до такой степени неразборчивою и младенческою, что надѣются заставить ее раскупить самые пустые расказы. Если антрепренёры не ошибаются, то дѣйствительно нельзя объ этомъ не пожалѣть...

II.

7. Божественная комедія Данте Алигіери. *Выпускъ* третій. *Въ* 8; *съ* 130 *до* 192 *и съ* 11 *до* 15 *стран.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

9. Димитрій Іоанновичь Донской, *или исторія о Мамаевомъ побоищѣ. Въ 12; 131 стран.*

10. Справочное мѣсто Русскаго слова. *Четыреста пятдесятъ поправокъ съ руководствомъ къ употребленію буквы ѣ. Изданіе* второе, *пересмотрѣнное и дополненное. Въ 16; 140 стран.*

II.

11. Исторія Государства Россійскаго. *Сочиненіе* Н. М. Карамзина. *Изданіе* пятое. *Въ трехъ книгахъ, заключающихъ въ себѣ двенадцать томовъ съ полными примѣчаніями, украшенное портретомъ автора, гравированнымъ на стали въ Лондонѣ, изданіе* И. Эйнерлинга. Книга III. (*Томы IX, X, XI и XII.*) *Въ б.* 8; *стран:* 280, 166, 184 *и* 200 *текста*; 184, 86, 84 *и* 148 *примѣчаній, XLVII приложеній.*

Приложенія, которыми обогащено изданіе г. Эйнерлинга безсмертнаго творенія нашего Исторіографа, суть: I, Перечень происшествій, собственноручно выписанныхъ Карамзинымъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ, коими онъ пользовался для сочиненія XII Тома. II. О Древней и Новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ (взято изъ Современника, т. V, стран. 89, куда издатели заимствовали этотъ отрывокъ изъ неизданной до сихъ поръ рукописи Карамзина). Все, что только зависѣло отъ г. Эйнерлинга, онъ, какъ издатель, употребилъ съ своей стороны, чтобы сообщить этому изданію полноту и окончательное совершенство. Онъ передъ публикою исполнилъ свои обязанности, какъ нельзя лучше — и его книга теперь вошла въ число тѣхъ пособій ученаго, литератора и вообще всякаго даже только свѣтски-образованнаго человѣка, безъ которыхъ нельзя обойтись въ кабинетѣ.

12. Драматическія сочиненія и переводы Н. Полеваго. *Часть* третья. *Гамлетъ. Уголино. Въ* 16; 560 *стран.*

Смотр. XXIX т. Соврем., стран. 137.

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НА ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРІИ.

Всѣ тѣ, которымъ драгоцѣнна слава Россіи, съ участіемъ слѣдятъ за подвигами нашихъ ученыхъ, и имъ безъ сомнѣнія пріятно будетъ подробнѣе познакомиться съ новыми трудами нашихъ Астрономовъ. Нынѣ достигла Астрономія такаго совершенства, что каждый новый шагъ требуетъ большихъ усилій. Прежде одно прилежаніе при небольшихъ средствахъ могло приносить значительную пользу наукѣ; но теперь нужно соединеніе отличныхъ талантовъ и могущественнѣйшихъ инструментовъ для того, чтобы исторгнуть у неба еще какую нибудь изъ сокровенныхъ его тайнъ. Всѣмъ извѣстно, сколь великодушно доставлены нашимъ Правительствомъ пособія для успѣшныхъ изслѣдованій небесныхъ явленій — и пріятно замѣтить, что эти щедроты пали на плодоносную почву. Пулковскою, главною у насъ, Обсерваторіею управляетъ В. Я. Струве, одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ Европѣ Астрономовъ, котораго дѣятельность равняется другимъ высокимъ его достоинствамъ въ отношеніи къ наукѣ. Подъ его руководствомъ ревностно работаютъ многіе помощники, изъ которыхъ каждый своими трудами пріобрѣлъ уже извѣстность въ ученомъ мірѣ.

Дѣятельность Пулковской Обсерваторіи началась тотчасъ послѣ ея открытія. Изслѣдованія самаго Директора оной, Академика Струве, объ аберраціи звѣздъ, представляютъ важный успѣхъ въ Астрономіи. Всѣмъ извѣстно, что лучи свѣта имѣютъ чрезвычайно быстрое движеніе. По причинѣ движенія земли глазъ наблюдателя находится также въ движеніи, и получаемое глазомъ впечатлѣніе луча свѣта будетъ другое, нежели какимъ бы оно было, если бъ самъ наблюдатель оставался въ покоѣ. Отъ этаго происходитъ небольшое уклоненіе истиннаго мѣста звѣздъ отъ видимаго ихъ положенія. Уклоненіе это, называемое Астрономами аберраціею, открыто около ста лѣтъ назадъ Брадлеемъ. Правила для вычисленія аберраціи легко выводятся изъ простыхъ геометрическихъ соображеній; но весьма трудно найти съ точностію постоянный числовой коеффиціентъ, отъ котораго зависитъ во всякомъ случаѣ аберрація, и который потому называется коеффиціентомъ аберраціи. По новымъ, особеннаго довѣрія заслуживающимъ, вычисленіямъ Доктора Буша (Busch), выходитъ изъ Брадлеевыхъ наблюденій коеффиціентъ аберраціи 20″, 212. Изслѣдованія другихъ Астрономовъ даютъ однако же нѣсколько другой результатъ; такъ Линденау изъ 800 наблюденій, сдѣланныхъ на различныхъ обсерваторіяхъ надъ прямыми восхожденіями полярной звѣзды, съ половины прошлаго столѣтія до 1815 года, нашелъ коеффиціентъ аберраціи=20″, 449. Важность этаго предмета заставила Г. Струве, еще болѣе

20 лѣтъ назадъ, имъ заняться; для этаго произведены имъ были въ Дерптѣ наблюденія съ 1818 по 1821 годъ полуденною трубою Доллонда надъ прямыми восхожденіями различныхъ паръ тѣхъ околополярныхъ звѣздъ, которыя находятся въ разстояніи почти 12 часовъ. Опредѣленный тогда коеффиціентъ аберраціи есть 20'', 349. По прошествіи нѣкотораго времени найденъ былъ Англійскимъ Астрономомъ Бринклеемъ (Brinkley) почти тотъ же результатъ, именно 20'', 36. Совсѣмъ другому пути слѣдовалъ Французскій Астрономъ Деламбръ. Такъ-какъ свѣтъ распространяется не мгновенно, но употребляетъ нѣкоторое время на прохожденіе отъ Юпитера до насъ; то по-этому погруженіе спутниковъ Юпитера въ тѣнь этой планеты и выхожденіе ихъ изъ тѣни будутъ усматриваемы тѣмъ позднѣе, чѣмъ далѣе отъ насъ находится Юпитеръ. Такимъ образомъ можно изъ наблюденія затмѣній спутниковъ вывести заключеніе о скорости свѣта. Изъ весьма большаго числа подобныхъ наблюденій Деламбръ нашелъ, что коеффиціентъ аберраціи есть 20'', 25. Это есть число, котораго Астрономы до сего времени наиболѣе придерживались. Такое предпочтеніе зависѣло отъ однаго весьма важнаго обстоятельства. Періодъ аберраціи есть годъ, и какъ бы точно мы ни производили меридіональными инструментами наблюденія, но при всемъ томъ, для надежности результатовъ, мы должны предполагать, что въ продолженіи сутокъ или по крайней мѣрѣ 12 часовъ инструментъ вовсе не пе-

ремѣняетъ своего положенія; однако жъ влажность и неодинаковое дѣйствіе теплоты днемъ и ночью въ разныя времена года на почву, на которой построена обсерваторія, на камни, поддерживающіе инструментъ, и наконецъ на различныя части самаго инструмента, причиною небольшихъ суточныхъ уклоненій, которымъ подлежатъ наши снаряды и которые остаются неизвѣстными. Эти уклоненія могутъ соединяться съ дѣйствительными перемѣнами въ положеніи звѣздъ, а такимъ образомъ всякое явленіе, имѣющее періодомъ одинъ годъ, какъ напр: аберрація и годовые параллаксы, будутъ опредѣляться невѣрно. Это заставило Бесселя и многихъ другихъ Астрономовъ держаться результата Деламбра. Съ другой стороны нельзя не согласиться, что затмѣнія Юпитеровыхъ спутниковъ съ точностію наблюдать весьма трудно; сила трубы, большая или меньшая зоркость самаго наблюдателя, больше или меньше благопріятное состояніе атмосферы имѣютъ рѣшительное вліяніе на замѣчаемые начало и конецъ затмѣнія. Чтобъ увѣриться въ этомъ, стòитъ только вспомнить, съ какими большими ошибками эти самыя затмѣнія даютъ географическія долготы. Правда, что эти ошибки могутъ взаимно другъ друга ослаблять въ большой массѣ наблюденій, но трудно рѣшить, до какой степени неточность наблюденій можетъ имѣть вліяніе на вѣрность аберраціи. Англійскіе Астрономы даже и не принимаютъ Деламброва числа, и вмѣсто него ввели Брэдлеево, которое весьма близко къ прежне-

му числу Струве. Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ окончательно, г. Директоръ Пулковской Обсерваторіи произвелъ большой рядъ наблюденій по новой методѣ и съ совершенно новымъ снарядомъ, который заключаетъ въ себѣ всѣ свойства, обѣщающія несомнѣнную вѣрность результатовъ. Мы полагаемъ любопытнымъ разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе эти наблюденія.

Еще въ началѣ XVIII-го столѣтія Олай Ремеръ придумалъ употреблять инструментъ прохожденій въ положеніи перпендикулярномъ къ меридіану, или, какъ говорятъ обыкновенно, въ первомъ вертикалѣ; но большую заслугу для Астрономіи оказалъ знаменитый Кенисгбергскій Астрономъ Бессель, объяснивши, что истинно полезное употребленіе инструмента прохожденій въ первомъ вертикалѣ состоитъ въ наблюденіи звѣздъ весьма близкихъ къ зениту. Такимъ образомъ инструментомъ пользовались съ величайшимъ успѣхомъ для опредѣленія разностей широтъ при измѣреніяхъ дугъ меридіана; но г. Струве принадлежитъ честь совершенно новаго употребленія этаго снаряда для тончайшихъ изслѣдованій относительно перемѣнъ въ положеніяхъ звѣздъ. Прежде всего нужно было сдѣлать разныя преобразованія въ инструментѣ, чтобъ доставить ему точность, соотвѣтствующую предполагаемой цѣли. Надлежало помѣстить трубу не въ серединѣ оси вращенія, но въ одномъ изъ ея концевъ, для того, чтобъ имѣть постоянно уровень на оси

вращенія, показывающій наклонность этой оси, ибо отъ точнаго познанія наклонности зависитъ преимущественно точность искомыхъ результатовъ. Во-вторыхъ, для устраненія всякой гипотезы о продолжительной неизмѣнности угла оптической оси съ осью вращенія, необходимо наблюдать на восточномъ и западномъ вертикалѣ, а потому нужно было соединить съ инструментомъ прохожденій снарядъ, которымъ бы можно было его переворачивать удобно и весьма скоро изъ однаго положенія въ другое; напр: съ того положенія, когда конецъ оси вращенія, на которомъ сидитъ труба, былъ обращенъ къ сѣверу, обращать въ противное положеніе, когда этотъ конецъ переходитъ къ югу. Сообразно съ планомъ, составленнымъ г-мъ Струве, построили знаменитые художники, братья Ренгольды въ Гамбургѣ, совершенно на новыхъ началахъ превосходнѣйшій инструментъ прохожденій для употребленія въ первомъ вертикалѣ. Снарядъ этотъ вкратцѣ описанъ Академикомъ Струве въ Bulletin Scientifique publié par l'Academie Imp. des Sciences de St. Pétersb. T. X. № 14. 15. 16.); онъ расположенъ въ особенной залѣ, имѣющей разрѣзъ отъ западу къ востоку, который простирается отъ зенита до горизонта въ обѣ стороны. Инструментъ утвержденъ на одномъ камнѣ, высѣченномъ такъ, что съ основанія возвышаются двѣ колоны въ 4 фута 5 д. высоты; между ними остается пустое пространство, занятое снарядомъ. Для обращенія инструмента изъ однаго положенія въ другое металлическая

ось вращенія оканчивается двумя стальными цапфами (tourillons zapfen) или короткими цилиндрами, около которыхъ собственно произходитъ вращеніе инструмента. Цилиндры эти внутри пусты и чрезъ нихъ проходятъ рычаги съ системою противовѣсовъ, назначенныхъ для того, чтобъ съ одной стороны вѣсъ трубы, сидящей на концѣ оси, съ другой стороны вѣсъ груза, находящагося на другой сторонѣ оси, переводить прямо на тѣ части цапфовъ, которыя лежатъ на подушкахъ, сдѣланныхъ изъ колокольнаго металла и утвержденныхъ въ самомъ камнѣ. Для большой прочности труба имѣетъ нѣсколько коническую форму; она имѣетъ ахроматическій объективъ въ 6, 25 дюймовъ въ поперечникѣ и 91 дюймъ фокусной длины; увеличеніе ея есть 270 разъ. Находящійся всегда на оси уровень покрываетъ г. Струве со всѣхъ сторонъ стекляннымъ ящикомъ для того, чтобъ защищать отъ вліянія лучистой теплоты, изходящей отъ особы наблюдателя; для этой же цѣли покрыты мѣдныя ножки уровня шерстяною матеріею. Снарядъ для обращенія устроенъ столь остроумно, что съ силою только двухъ фунтовъ наблюдатель съ величайшею удобностію поднимаетъ около 25-ти пудовъ, и въ 16 секундъ времени инструментъ переводится изъ однаго положенія въ другое.

Весьма поучительно видѣть, съ какимъ искуствомъ, съ какимъ строгимъ вниманіемъ знаменитый нашъ Астрономъ устраняетъ всѣ причины, которыя

могли бы производить вредное вліяніе на точность результатовъ. Одна изъ многихъ причинъ есть различное дѣйствіе теплоты на инструментъ и на камень, служащій ему подставкою. Невозможно принять болѣе надежныхъ мѣръ, какъ принимаетъ Струве, и потому всѣ занимающіеся Астрономіею прочтутъ съ любопытствомъ упомянутую нами статью его. За-то и точность найденныхъ имъ результатовъ есть чрезвычайная; средняя ошибка однаго наблюденія едва достигаетъ 0, 1 секунды въ дугѣ. Опредѣляя постоянный коеффиціентъ аберраціи по 6-ти разнымъ звѣздамъ, которыя проходятъ весьма близко зенита, Струве находитъ его столь согласно по всѣмъ этимъ звѣздамъ, что разности частныхъ результатовъ едва достигаютъ немногихъ сотыхъ долей секунды, и средній выводъ=20′′,471, точенъ до одной сотой доли секунды. Отсюда выходитъ, что свѣтъ солнца достигаетъ до насъ въ 8′, 18′′, 41 при среднемъ разстояніи отъ насъ солнца. Теперь можно считать вопросъ объ аберраціи совершенно конченнымъ, и вся слава этаго рѣшенія принадлежитъ знаменитому Директору Пулковской Обсерваторіи.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ СОВРЕМЕННИК

(Изъ моихъ историческихъ и частныхъ записокъ.)

Оживляется странникъ, говоритъ одинъ восточной поэтъ, когда, палимый зноемъ солнечнымъ въ степи Аравійской, онъ почувствуетъ налетъ ароматовъ, навѣваемыхъ вѣтромъ съ луговъ и полей счастливой Аравіи. Такъ сладостно и воспоминаніе о какой-либо услугѣ, которую удалось оказать намъ на пути летящей нашей жизни. Третья книжка Современника (стр. 399), въ которой упомянуто о сношеніи моемъ съ Михайломъ Трофимовичемъ Каченовскимъ, подарила меня такимъ чувствомъ.

Я могу сказать съ Расиномъ:

«Il n'est point de secret que le temps ne revèle *.»

Прибавлю къ этому и прекрасный стихъ моего незабвеннаго наставника, Якова Борисовича Княжнина:

«Воспоминаніемъ живетъ душа моя **.»

А потому и скажу, что то сущая правда, что первоначально *Болтинъ* и *Щербатовъ* ознакомили меня

* Britanicus: Acte IV. Scéne IV.

** Владиміръ и Ярополкъ.

съ нашимъ почтеннымъ профессоромъ. Но нерѣдко и правда, въ разлетѣ превратной молвы, теряетъ силу свою. А это и требуетъ приводить ее въ *дѣйствительность.* И въ вашемъ Современникѣ и въ другихъ изданіяхъ напечатано, будто бы Михайла Трофимовичь былъ моимъ сослуживцемъ *. Это несправедливо: я нигдѣ и никогда не служилъ съ нимъ. О знакомствѣ моемъ съ нимъ тѣмъ основательнѣе надобно высказать, что обстоятельство, послужившее къ тому поводомъ, нисколько не предосудительно для памяти покойнаго профессора. *Суворовъ* говорилъ: «неудачи другихъ научаютъ меня и воспламеняютъ къ новымъ подвигамъ.» Ошибка и—просто ошибка, за которую Каченовскій подвергся суду, была одною опрометчивостію. А притомъ: «нѣтъ худа безъ добра.» Такъ и случилось съ нимъ, какъ увидимъ далѣе. Книгами же ссужалъ я не только Михайла Трофимовича, но и всѣхъ унтеръ-офицеровъ и всѣхъ грамотныхъ рядовыхъ моей роты. Сверхъ-того всѣ ихъ письма къ роднымъ выправлялъ и отправлялъ на мои деньги, быстро тогда вырабатываемыя у тогдашняго содержателя театра Михайла Егоровича *Медокса.* За такое расточительное доброхотство, можетъ быть, *Пиѳія* Аполлонова храма, провозглашавшая, чтобы ничего «слишкомъ не дѣлать», крѣпко пожурила бъ меня. Такъ и быть. Но за-то, какъ любила меня рота моя, и какъ

* Находиться подъ чьимъ-либо надзоромъ не значитъ быть съ нимъ сослуживцемъ; а въ Соврем. ничего и не сказано болѣе объ отношеніяхъ г. Каченовскаго къ г. Глинкѣ. Издат.

весело мнѣ было, когда на смотру Государь Павелъ-Первый сказалъ мнѣ: «спасибо!» А что *спасибо* было любимымъ его словомъ, о томъ свидѣтельствуютъ печатные его приказы.

Обращаюсь къ Михайлу Трофимовичу.

1799 года я служилъ въ Архаровскомъ полку; а Каченовскій служилъ *Аудиторомъ* въ Ярославскомъ полку. Въ это время, то есть, въ началѣ 1799 года, въ областяхъ Германскихъ война съ Французской республикой часъ отъ часу болѣе разгаралась, такъ-что въ одинъ день кипѣли битвы отъ истока *Рейна* до впаденія его въ море. Единственно по влеченію великодушія своего, Императоръ Павелъ-Первый рѣшился отправить Русскія войска и въ *Голландію* и въ *Италію* и въ *Швейцарію*. Въ эту послѣднюю страну, въ числѣ другихъ полковъ, былъ назначенъ и полкъ *Ярославскій*. Начальникомъ его былъ тогда Генералъ-Лейтенантъ *Дурасовъ*, тесть военнаго нашего писателя и героя Александра Александровича *Писарева*, котораго Графъ *Милорадовичь* въ трехдневную битву *Бауцигскую* называлъ «своимъ помощникомъ.» По причинѣ поспѣшнаго выхода полка изъ Москвы, Аудитору *Каченовскому* поручено было распродать всѣ оставшіяся полковыя вещи, въ томъ числѣ и порохъ. Михайла Трофимовичь, такъ онъ мнѣ самъ раскaзывалъ, «читая Вольтерову Генріаду съ помощію словаря и записывая Французскія и Русскія слова», при-

казавъ бывшимъ съ нимъ людямъ сбыть скорѣе съ рукъ все оставшееся, забылъ, что, безъ особеннаго свидѣтельства Коменданта, нельзя пускать въ продажу пороха. «Я (это собственныя его слова), вчитавшись въ седьмую пѣсню Генріады, былъ тогда съ *Генрихомъ*-Четвертымъ на томъ свѣтѣ.»

А съ того свѣта зачитавшійся Аудиторъ попалъ на этомъ свѣтѣ подъ-арестъ на гаубвахту подъ Ивановскую колокольню. Каждый разъ, когда съ ротою моею наряжали меня куда-нибудь въ караулъ, я запасался книгами. Въ первую мою встрѣчу на гаубвахтѣ съ Михайломъ Трофимовичемъ были со мною двѣ огромныя части «Примѣчаній Болтина на Рускую Исторію Леклерка.» Долженъ я прибавить, что на всѣхъ моихъ караулахъ у меня кипѣлъ пиръ горою. Роскошный *сибаритъ* того времени и страстный любитель словесности, Ѳедоръ Григорьевичь *Каринъ*, въ караульные мои дни присылалъ мнѣ цѣлой праздничной обѣдъ съ лучшими винами изъ своего погреба. Это тотъ самый *Каринъ*, которому за обѣдомъ у *Княжнина* Князь *Таврическій* сказалъ стихи:

«Ты, Каринъ,
«Милый кринъ;
«Ты розы краснѣе,
«Лилеи бѣлѣе.»

Усѣвшись, говоря по-нынѣшнему, «за *гастрономической обѣдъ*» съ моими товарищами-офицерами, мы принялись за свое дѣло. Между-тѣмъ вижу, что нашъ *Аудиторъ* во что-то пристально всматривается. Полагая, что его разлакомили наши блюда, я сказалъ: «не угодно ли вамъ къ намъ присѣсть?» Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ; я уже обѣдалъ. «На что же вы такъ пристально смотрите?» спросилъ я. На ваши книги, сказалъ онъ. «Такъ вы любите читать»? Очень — былъ его отвѣтъ. «И я очень этому радъ. Возмите эти книги, и каждой разъ, когда буду приходить сюда въ караулъ, буду приносить вамъ новыя книги.» Оставя у него *Болтина*, я не только Исторію *Щербатова*, но и всю мою офицерскую библіотеку передавалъ Михайлу Трофимовичу въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Право, лакомство для сердца и теперь объ этомъ вспомнить.

Но вотъ главное обстоятельство—вотъ неувядаемыя пальмы, которыми Генералъ-Лейтенантъ *Дурасовъ* увѣнчалъ своего Аудитора, любителя чтенія. Провѣдавъ о его горѣ, онъ немедленно препроводилъ слѣдующее письмо къ Императору Павлу-Первому: «Въ военныхъ процессахъ великаго Вашего Прадѣда Петра-Перваго сказано, что собственное признаніе паче свидѣтельства цѣлаго свѣта.» Откровенно признаюсь, Государь правосудный! что я далъ моему Аудитору словесной приказъ касательно продажи по-

роха. Онъ невиненъ, а вся отвѣтственность падаетъ на меня.»

Такимъ образомъ великодушіе Императора Павла-Перваго и прекрасный подвигъ Генералъ-Лейтенанта *Дурасова* открыли М. Т. Каченовскому путь къ профессорской каѳедрѣ.

У Государя Павла порывъ къ добру — былъ жизнію душевною. А умный Дурасовъ зналъ: «qu'on devine le coeur d'un homme généreux.»

И душа разцвѣтаетъ новою жизнію при воспоминаніи такихъ святыхъ доблестей! и тысячу разъ весело повторить: «Воспоминаніемъ живетъ душа моя!»

Сергѣй Глинка.

ЛИСТКИ ИЗЪ СКАНДИНАВСКАГО МІРА

I.

Въ исходѣ 1841-го года случилось въ Финляндіи два трагическія происшествія, очень похожія одно на другое. Въ двухъ различныхъ мѣстахъ двѣ четы влюбленныхъ, которымъ обстоятельства не позволяли увѣнчать любовь супружествомъ, предпочли смерть необходимости жить врозь и избрали могилою озеро. Эти лица и въ томъ и въ другомъ случаѣ принадлежали къ сословію крестьянъ, и потому оба происшествія замѣчательны не только по своему романическому характеру, но и какъ важные матеріалы къ сужденію о правахъ народа внутри Финляндіи. Мы раскажемъ тотъ изъ нихъ, о которомъ имѣемъ самыя достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія.

Въ сторонѣ около Куопіо есть деревня (Куйваньеми), гдѣ на разстояніи версты, на двухъ различныхъ гейматахъ (хуторахъ) жили: 30-ти лѣтній крестьянинъ *Давидъ* и 22-хъ лѣтняя *Брита*. Эта Брита была хороша собой и къ ней являлось много жениховъ, но она всѣмъ имъ отказывала, потому-что съ-дѣтства любила *Давида*, парня пріятной наруж-

ности, но нрава упрямаго и самонадѣяннаго. Къ несчастію, семейство его было въ дурной славѣ: два брата Давида были пойманы въ воровствѣ, и одинъ изъ нихъ подвергся строгому наказанію. Былъ ли самъ Давидъ замѣченъ въ этомъ порокѣ, неизвѣстно; но слѣпой отецъ невѣсты отговаривалъ ее отъ продолженія знакомства съ Давидомъ, однако жъ не запрещалъ ей выйти за-мужъ за него. Только этаго сама Брита не хотѣла и постоянно отказывала Давиду, который нѣсколько разъ просилъ ея руки; но по-прежнему она видѣлась съ нимъ довольно часто, не смотря на предостереженія отца, чтобы изъ этаго не вышло напослѣдокъ «цыганской женитьбы». Не желая безпокоить болѣе родителей, Брита начала скрывать отъ нихъ свои свиданія съ Давидомъ, при которыхъ однако жъ часто присутствовали сестры ея.

Вдругъ представился новый женихъ, красивый собой и зажиточный парень хорошаго поведенія. Брита согласилась на его предложеніе, съ тѣмъ, что они будутъ вѣнчаться 13-го Сентября, но что, отпраздновавъ свадьбу, онъ увезетъ ее не прежде, какъ черезъ три недѣли послѣ того. Между-тѣмъ ея тайныя свиданія съ Давидомъ продолжались, а съ женихомъ, который жилъ верстахъ въ 20-ти отъ нея, она видѣлась рѣдко.

Настало 13-е Сентября. Съ-утра невѣста была растрогана и трепетна, почему крестьянка Стина, съ

которою она была очень дружна, и представляла ей, что еще время поправить дѣло, что она можетъ и должна поступить по склонности. Но невѣста отвѣчала холодно: «я исполню то, что разъ опредѣлено; притомъ же я никогда не могу выйти за Давида, у него дурная слава, но не могу и перестать любить его.— — Жалѣю объ немъ, и судьба его тревожитъ меня — — *боюсь, что онъ лишитъ себя жизни.*»

Послѣ того невѣста, съ нѣкоторыми изъ своихъ родственниковъ, отправилась въ домъ пастора. Недалеко оттуда встрѣтилъ ее женихъ. Онъ спросилъ ее, отъ чего у нея глаза такъ заплаканы: не отъ того ли, что ее принуждаютъ выйти за него? онъ прибавилъ, что знаетъ ея любовь къ Давиду и не мѣшаетъ ей взять назадъ ея слово. Она отвѣчала только, что *никогда не захочетъ быть женою Дивида* и что поступаетъ по собственной своей волѣ. Послѣ вѣнчанія отправились они въ ближній крестьянскій домъ; тутъ отобѣдали съ гостями. Новобрачные дружески разговаривали между собой—и казалось, что невѣста успокоилась. По условію они разстались на три недѣли.

Тотчасъ по возвращеніи домой Брита объявила, что пойдетъ теперь за своей пряхой и на замѣчанія домашнихъ отвѣчала: «никто кромѣ меня самой не можетъ исполнить этаго дѣла; но если я останусь долѣе обыкновеннаго, не безпокойтесь обо мнѣ.»

Давидъ почти все то утро лежалъ на дворѣ, ничего не ѣлъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и только на вопросъ одного работника, не пойдетъ ли онъ смотрѣть, какъ вѣнчаютъ бывшую его невѣсту, отвѣчалъ: «нѣтъ. Она меня любила сердечно; можетъ ли она полюбить другаго такъ же, какъ меня? Дай ей Богъ счастія!» Пришла невѣста и слегка прикоснулась къ его рукѣ. Онъ тотчасъ всталъ. Они пошли вмѣстѣ, взяли изъ кладовой кушакъ Давида и отправились къ пряхѣ, которая жила недалеко отъ его дома.

Черезъ нѣсколько часовъ распространился въ ихъ деревнѣ слухъ, что на ближнемъ озерѣ носится пустая лодка. Это вмѣстѣ съ мрачнымъ расположеніемъ, въ какомъ Брита удалилась, и ея необыкновенно продолжительнымъ отсутствіемъ встревожило родныхъ ея. Послѣ тщетныхъ поисковъ братъ этой дѣвушки и нѣсколько другихъ крестьянъ отправились на озеро съ крючьями, веревками и т. п. На слѣдующее утро имъ удалось найти и вытащить изъ воды Давида и Бриту, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ было 1½ сажени глубины. Ихъ плотно связывалъ кушакъ, затянутый двойнымъ узломъ. Узелъ былъ на спинѣ у Давида, слѣдовательно его сдѣлала невѣста. Руки свои они такъ крѣпко обвили—она вокругъ его груди, онъ вокругъ ея шеи—что ихъ съ трудомъ могли разнять. На ней былъ ея свадебный нарядъ; не было только кольца, которое она получила наканунѣ при вѣнчаньи. Бывъ дома, она, вѣроятно, чтобы не

возбудить подозрѣнія, надѣла сверхъ этаго наряда буднишнее платье; теперь оно лежало въ лодкѣ.

Такъ-какъ судъ не могъ позволить честнаго погребенія утопленниковъ, но не хотѣлъ также поступить съ ними по буквальному смыслу закона, какъ съ самоубійцами (которыхъ палачь долженъ бы былъ отвезти въ лѣсъ и тамъ закопать въ землю); то ихъ тихонько похоронили въ отдаленномъ мѣстечкѣ, гдѣ родные устроили имъ общую могилу ихъ. (Гельс. Утр. Листокъ. 1841. № 93.)

II.

По случаю появленія на Нѣмецкомъ языкѣ нѣкоторыхъ романовъ дѣвицы Бремеръ, одинъ Германскій критикъ написалъ разборъ, откуда здѣсь кстати будетъ привести нѣсколько словъ, потому-что они относятся къ «*Семейству,*» помѣщаемому въ Современникѣ. «Этотъ романъ ясно показываетъ, какъ совершенное согласіе между мужемъ и женою въ супружествѣ и благоразумное воспитаніе возрастающаго поколѣнія составляютъ основаніе нашего благополучія. Характеры дѣйствующихъ лицъ составляютъ въ полномъ смыслѣ образы, взятые изъ существенности, и мастерски обрисованы отъ начала до конца; нѣтъ ни однаго совершеннаго, у всякаго добрая и слабая сторона, и всѣ являются на сценѣ въ чрезвычайномъ разнообразіи и въ такомъ множествѣ, что

между ними рѣдкій человѣкъ не найдетъ себѣ представителя.»

III.

Благодаря Финляндскимъ Листкамъ, которые хоть изрѣдка помѣщаютъ въ своихъ столбцахъ извѣстія о Русской Литературѣ и переводы съ Русскаго, наша Словесность начинаетъ становиться извѣстною и въ Швеціи, гдѣ статьи этаго рода, какъ свѣжая новость, исправно перепечатываются журналистами. Такъ въ прошломъ году *Шведская Пчела* заимствовала изъ Гельсингф. Утрен. Листа: Обозрѣніе новѣйшей Русской Литературы, извлеченное изъ однаго Нѣмецкаго журнала и довольно вѣрное; два-три стихотворенія Пушкина; нѣсколько народныхъ Русскихъ пѣсень», и др.

Между многочисленными посѣтителями Гельсингфорса, въ теченіе прошлаго лѣта были двѣ Русскія писательницы, которыхъ имена пользуются заслуженною славою. По этому случаю Гель. Утр. Л. еще въ Іюлѣ представилъ переводъ однаго стихотворенія романса *Гр. Ростопчиной*, сдѣланный искуснымъ перомъ г-на Лундаля, а мѣсяца черезъ два Гельс. Газета и другая, издаваемая въ Борго, почти въ одно время напечатали у себя по отрывку изъ Исторіи дѣвицы *Ишимовой*, при чемъ воздали сочинитель-

ницѣ должную дань хвалы за ея прекрасный трудъ и признательности за доброжелательныя строки, посвященныя въ немъ Финляндіи. Издатель Газеты Боргоской весьма удачно избралъ для перевода расказъ о послѣднемъ отъѣздѣ Императора Александра изъ Петербурга.

Мы уже упомянули разъ о единственномъ литературномъ журналѣ, появляющемся въ Швеціи и называемомъ «Фрей.» Въ 3-й книжкѣ его за 1842-й годъ помѣщенъ разборъ книги, напечатанной въ одно время на Русскомъ и на Шведскомъ языкахъ подъ заглавіемъ: *Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго Университета*, и проч. Этотъ разборъ вообще служитъ въ пользу книги. Для Русскихъ читателей можетъ быть любопытно прочесть нѣсколько словъ изъ сужденія Шведа о статьяхъ двухъ изъ нашихъ литераторовъ: Вотъ что говоритъ онъ о «Необойденномъ домѣ» Кн. Одоевскаго: «Прекрасная сказка, которая по обширности своей не можетъ быть представлена здѣсь и въ извлеченіи, но которой неясная цѣль открывается въ концѣ.» За этимъ слѣдуетъ краткое изложеніе содержанія легенды. Изобразивъ главныя мысли статьи Гр. Соллогуба «о Литературной совѣстливости», рецензентъ замѣчаетъ: «Эта статья прелестна и заключаетъ въ себѣ много идей, достойныхъ вниманія. Но будетъ ли Русская или вообще Славянская Литература имѣть какое-нибудь особен-

ное вліяніе, это рѣшить трудновато. Ибо до сихъ поръ она, какъ плодъ самобытной дѣятельности, еще не переступила той низкой степени просвѣщенія, на которой находится масса Славянскихъ народовъ. У нихъ всякое высшее образованіе ума еще носитъ рѣзкіе слѣды внѣшнихъ, особливо западно-Европейскихъ вліяній. Но если самобытная жатва умственнаго образованія, подобная тому, что уже созрѣло въ Азіи и Европѣ, должна произрасти на Славянской почвѣ, то конечно можно ожидать, что ее, по крайней изъ первыхъ рукъ, дастъ Русскій народъ.» Эти строки достаточно свидѣтельствуютъ, что рецензентъ смотритъ на Русскихъ совсѣмъ не тѣми глазами, какъ благомыслящій авторъ извѣстныхъ уже читателю «Замѣтокъ о Россіи.» Но мы нарочно выписали и сужденіе перваго, чтобы показать, въ какомъ различномъ свѣтѣ наши западные сосѣды видятъ насъ и вообще міръ Славянскій, котораго быстрое развитіе естественно пугаетъ одностороннихъ и пристрастныхъ приверженцевъ Германскаго просвѣщенія.

При всемъ томъ нашъ Альманахъ принятъ былъ въ Швеціи съ одобреніемъ. Въ концѣ разбора его замѣчено, что «Шведскій языкъ въ этомъ Альманахѣ употребленъ съ большимъ искуствомъ» — заслуга Финляндскихъ Литераторовъ, учавствовавшихъ въ изданіи книги.

IV.

Въ томъ же № «Фрея,» гдѣ напечатанъ упомянутый разборъ, помѣщено при рецензіи другой книги нѣсколько словъ о Французскихъ литераторахъ, занимавшихся изученіемъ Скандинавскаго міра, и такъ-какъ ихъ сочиненія распространены по всей Европѣ, то оцѣнка ихъ самими Шведами не можетъ быть лишена интереса и важности для нашихъ соотечественниковъ.

«Невѣжество на счетъ сѣвера, которое долго было принадлежностью даже лучшихъ Французскихъ писателей, въ наше время начало исчезать, и новый свѣтъ сталъ восходить надъ нашею далекою Скандинавіею, какъ и надъ другими частями Европейскаго сѣвера... Такъ *Du Méril* избралъ Скандинавскую поэзію предметомъ ученыхъ и философическихъ изслѣдованій и ими заслужилъ насмѣшливое названіе: «Charles XII littéraire qui veut reculer les frontières du Nord». Извѣстный у насъ *Marmier*, котораго свѣдѣнія о Скандинавской литературѣ оказались однако жъ довольно недостаточными и сужденія объ ея произведеніяхъ довольно невѣрными — чего по продолжительному его пребыванію на Сѣверѣ и по его связямъ нельзя было ожидать — Marmier старался дать своимъ соотечественникамъ понятіе о настоящемъ состояніи Скандинавской словесности въ статьѣ: *L'histoire*

de la littérature en Danemark et en Suède, которая была начата въ Revue des deux Mondes, а потомъ напечатана отдѣльно. Прежде этихъ обоихъ писателей *Bergman*, изъ Эльзаса, издалъ подъ заглавіемъ: *Poèmes Islandais* *, переводъ нѣкоторыхъ пѣсень Семундовой Эдды, съ разными учеными замѣчаніями, трудъ, которому *Lafitte*, весьма строгій судья, отдаетъ справедливость въ необыкновенной точности и филологической основательности. Потомъ дама, *M-lle Puget*, издала переводъ всей *Семундовой Эдды* съ нѣкоторыми прибавленіями изъ прозаической Эдды *Снорре Стурлесона*, опытъ, о которомъ тотъ же строгій критикъ отзывается съ большою похвалою. Та же *M-lle Puget* перевела разныя стихотворенія Тегнера, между прочимъ *Акселя*, и хотя этотъ переводъ въ прозѣ, однакожъ онъ заслужилъ полное одобреніе критики. Въ 1839 г. неутомимая M-lle Puget издала 1-ю часть *Oeuvres d'André Fryxell* **, въ которой заключается начало исторіи Густава II Адольфа. Рецензентъ говоритъ объ этой книгѣ, что она, «pleine d'intérêt et de vues nouvelles», и чрезвычайно сожалѣетъ, что не появилось ея продолженія, и что этотъ писатель такъ мало извѣстенъ во Франціи, тѣмъ болѣе, что переводчица не представила ни біографіи Фрюкселя, ни списка

* Книга эта была довольно подробно разобрана нами въ 6-й книжкѣ Отеч. Зап. 1839-го года.

** Въ Современникѣ неразъ уже упоминаемо было о замѣчательномъ историческомъ трудѣ Фрюкселя и даже переведена одна глава — также о Густавѣ II Адольфѣ (Т. XXVII).

его сочиненій. Къ этимъ попыткамъ познакомить Французовъ съ Шведскою литературою надобно прибавить: «l'élégante version» Гейеровой *Исторіи Шведскаго народа* (переводъ Лундблада).

V

Профессоръ медицины въ Упсальскомъ университетѣ *Израиль Вассеръ* (Hwasser), извѣстный уже многими мелкими сочиненіями большаго достоинства, особливо по части медицины, издалъ въ прошломъ году довольно толстую брошюру: *О бракѣ*. Главная цѣль этаго любопытнаго труда — чисто нравственная: имъ г. Вассеръ рѣшился опровергнуть то ложное и опасное ученіе, которое начало было возникать въ западной Европѣ, будто бракъ есть установленіе лишнее и только препятствующее истинному счастію людей. Всѣ знаютъ имя Французской писательницы, поднявшей знамя этой безумной школы и увлекшей за собою многихъ; такъ и въ Швеціи даже человѣкъ съ талантомъ, Альмквистъ, заразился заблужденіемъ и написалъ въ подтвержденіе мнимой истины романъ: *Det går an* (Можно!). Эти примѣры, столь вредные для толпы, всегда склонной принимать слѣпо мнѣнія, льстящія ея чувственности, внушили человѣколюбивому профессору мысль упомянутаго сочиненія. Чтобы доказать несокрушимую святость брака, онъ призвалъ на помощь всѣ доводы нравственности и религіи, весь жаръ, съ какимъ привыкъ говорить

о спасительныхъ для человѣчества истинахъ, и наконецъ всю свою любовь къ наукѣ, чтобы самыми глубокими изслѣдованіями исторически подтвердить убѣжденія разума. Брошюра его была принята съ жадностію; вскорѣ понадобилось 2-е изданіе—и такъ-какъ многія части ея, особливо медицинскія и другія ученыя подробности, дѣлали трудъ недоступнымъ для нѣкоторыхъ читателей и для всѣхъ вообще читательницъ, то авторъ еще составилъ изъ своей брошюры особое извлеченіе. Желая дать нѣкоторое понятіе объ этомъ важномъ сочиненіи, мы представимъ изъ него отрывокъ.

«Говорятъ, что браки часто бываютъ неудачны и что по-этому союзъ, который пораждаетъ столько несчастія, теряетъ свою святость. Ежели и нельзя не согласиться отчасти въ дѣйствительности факта, на который такимъ образомъ ссылаются, то выведенное изъ него заключеніе все-таки поверхностно и ложно. Счастія (если только понятіе о немъ не будетъ слишкомъ низко, несовмѣстно съ истиннымъ значеніемъ человѣческой природы), счастія невозможно достигнуть иначе, какъ исполненіемъ тѣхъ обязанностей, какія налагаетъ настоящее назначеніе человѣка. Кто по грубости или нравственному униженію слишкомъ слабъ для этихъ обязанностей, тотъ не можетъ и достигнуть того счастія, которое составляетъ необходимое слѣдствіе и надежную награду вѣрности, какой онѣ требуютъ. Несчастія, иногда

сопровождающія супружество, проистекаютъ не отъ его установленія, а отъ безсилія лицъ къ исполненію его обязанностей. Но корень этихъ обязанностей заключается во внутренней необходимости — и стараніе въ пользу чувственныхъ вожделѣній уничтожить высшій союзъ человѣчества, который требуетъ побѣды надъ ними, есть расчетъ и безплодный и обманчивый. Такіе опыты были уже производимы во множествѣ; но гдѣ тѣ люди, которые посредствомъ ихъ достигли истиннаго счастія и могутъ сказать, что на дѣлѣ сбылись тѣ радостныя обѣщанія, какія теперь возглашаются съ такою увѣренностію? Къ чести человѣчества я надѣюсь, что число браковъ, которые болѣе или менѣе заслуживаютъ названіе счастливыхъ, оказалось бы, еслибъ можно было сдѣлать точное разысканіе, гораздо значительнѣе числа дѣйствительно несчастныхъ. Но степень и достоинство человѣческаго счастія не могутъ быть измѣряемы и оцѣниваемы по одному итогу тѣхъ, которые вкусили его. Важнѣе того увѣренность, что истинное земное счастіе человѣка заключается въ бракѣ и семейной жизни, хотя бы и не велико было число тѣхъ, которые способны находить его. Правда, есть на землѣ и иное счастіе; но оно или, такъ сказать, неземное, или едва заслуживаетъ свое имя. Наслажденія мыслителя, поэта и героя, въ блаженныя минуты вдохновенія или могучаго дѣла, велики, почти слишкомъ велики для человѣка; но они не примиряютъ его съ преходящею жизнію, а напротивъ отрываютъ отъ нея и пробуж-

лаютъ стремленіе къ міру, который выше земнаго. Строгое исполненіе обязанностей въ службѣ государственной доставляетъ душевный миръ и силу нести тяжелое бремя труда и заботъ; но геній веселья и счастія рѣдко сопровождаетъ насъ на этомъ пути. Только то сознаніе святости жизни, которое, составляя сущность любви, охраняется бракомъ и въ дѣйствительности обнаруживается семейною жизнію, только это сознаніе можетъ примирять духъ человѣка, стремящійся къ небу, съ его положеніемъ на землѣ. Собственно только этимъ земля пріобрѣтаетъ для него цѣну, и разлука съ нею становится горестна. Только отъ супружеской любви зарожденное въ небѣ блаженство человѣка получаетъ корень и на землѣ: иначе оно существуетъ только въ видѣ предчувствія и надежды. Разрушительная сила, съ какою несчастія и заботы дѣйствуютъ на взаимныя связи людей, къ сожалѣнію, оказываетъ свое вліяніе на всякіе союзы, кромѣ супружества, когда оно принадлежитъ къ истинному и благородному разряду, и такимъ образомъ почти только имъ человѣкъ можетъ достигнуть того глубокаго убѣжденія, открывающаго высшее значеніе природы его, что никакія узы не соединяютъ двухъ сердецъ такъ крѣпко, какъ взаимное раздѣленіе горя.»

VI.

Одна изъ довольно многочисленныхъ драмъ Шведскаго короля Густава III называется: *Алексѣй*

Михайловичъ и Наталія Нарышкина (Alexis Michaelowitsch och Natalia Narischkin), драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Густавъ III до такой степени любилъ литературу, что самъ вошелъ въ ряды писателей. Его воспитаніе подъ руководствомъ Далина, его путешествіе во Францію, и общее направленіе современнаго Европейскаго образованія сдѣлали его рѣшительнымъ поклонникомъ Французскаго вкуса. Онъ обладалъ краснорѣчіемъ необыкновеннымъ. Въ Швеціи не бывало политическаго оратора выше его. Но онъ не былъ поэтомъ—и драмы его представляютъ только реторику въ діалогахъ. Въ нихъ не надобно искать глубокихъ вымысловъ и вѣрнаго, живаго изображенія внутренняго человѣка: онѣ написаны болѣе для внѣшняго эффекта, нежели для возбужденія сильныхъ ощущеній. Какъ литературныя произведенія, онѣ слабы; но какъ пьесы для домашняго или придворнаго театра занимаютъ онѣ первое мѣсто въ ряду Шведскихъ историческихъ драмъ, если только исключить труды *Бескова*, въ которыхъ болѣе поэзіи и глубокости. Драмы Густава III можно еще и теперь читать съ удовольствіемъ: планъ многихъ изъ нихъ составленъ очень остроумно и выполненъ со вкусомъ. Иногда вѣнценосный авторъ схватывалъ тонъ низшихъ сословій народа удачнѣе, нежели всѣ его придворные поэты. Извѣстно, что многія пьесы, первоначально набросанныя имъ въ прозѣ, тщательно отдѣлывались потомъ этими господами (напр. *Чельгреномъ, Леопольдомъ*) въ стихахъ. Любопытно сравни-

вать пьесы въ томъ и въ другомъ видѣ. Часто очеркъ, написанный гибкою и естественною прозой, читается гораздо пріятнѣе и легче, нежели его стихотворная передѣлка, въ которой нерѣдко заключается только искуственное распространеніе оборотовъ подлинника. Впрочемъ разумѣется, что нѣкоторыя мѣста, слабыя въ подлинникѣ, выигрываютъ подъ перомъ передѣлывателя, обладавшаго истиннымъ поэтическимъ даромъ.

Что касается до драмы: *Алексѣй Михайловичь* и пр., то намъ кажется, что ее по справедливости можно отнести къ числу слабѣйшихъ произведеній короля. Поводомъ къ этой пьесѣ послужила ему книга, изданная 1785 г. въ Лейпцигѣ Секретаремъ С. П. бургской Академіи Наукъ Штелиномъ, подъ заглавіемъ: «*Подлинные анекдоты о Петрѣ-Великомъ, расказанные значительными особами въ Москвѣ и въ Петербургѣ.*» Основаніе драмы заключается въ извѣстномъ посѣщеніи Царя Алексѣя Михайловича, рѣшившемъ второй бракъ его съ Наталіею Кириловною Нарышкиною, событіи, которому Россія и человѣчество обязаны существованіемъ такаго человѣка, каковъ былъ Петръ-Великій. Дѣйствіе перенесено Густавомъ III въ Смоленскъ. На сцену выведены между прочими: *Моризовъ* (Morisow), *министръ Царя, дядя Наталіи*, и *Федоръ дейтъ* (Deut) *или пажъ Царя*, въ послѣдствіи называемый также *денщикомъ* (Denschnick) и играющій роль какаго-то наперсника

Царскаго, который совершенно свободно разговариваетъ и шутитъ съ Государемъ. Уже въ этомъ видно стараніе высокаго сочинителя подражать Французамъ; стараніе это еще явственѣе обнаруживается въ завязкѣ пьесы и во всѣхъ его драматическихъ пріемахъ. Вымыселъ состоитъ въ томъ, что Царь хочетъ испытать, точно ли Наталія въ немъ любитъ *его самаго*, а не санъ его, и только увѣрившись въ этомъ, онъ намѣренъ вступить съ нею въ супружество. Наталія находится въ имѣніи Моризова; Царь во время охоты заѣзжаетъ туда, но скрываетъ свой санъ отъ Наталіи; представленъ ей подъ именемъ Ивана Голицына, нравится ей, сватается за нее и становится, съ согласія Моризова, ея женихомъ. Между-тѣмъ отъ имени Царя объявлено по всей Россіи, что Государь по обычаю предковъ намѣренъ избрать себѣ супругу: «всѣ красавицы *изъ Москвы, Казани, Астрахани, Россіи, Сибири*» должны явиться ко Двору, а въ числѣ ихъ и Наталья Нарышкина. Выборъ будетъ происходить въ Смоленскѣ, и вотъ для чего она пріѣхала къ своему дядѣ. На свиданіи съ нею мнимый Иванъ Голицынъ старается отклонить ее отъ намѣренія явиться ко Двору вмѣстѣ съ другими невѣстами—и она, нѣжно любя его, готова согласиться на его желаніе Но Моризовъ, который, никогда не видавъ Царя, не знаетъ, кто скрывается подъ именемъ Голицына, настаиваетъ, чтобы она явилась. Таково содержаніе перваго акта. Для задуманнаго испытанія одинъ изъ придворныхъ беретъ на себя роль Царя. Царь, кор-

милицѣ Натальи, велѣно быть «постельницею, которая должна вводить всѣхъ, кто явится къ выбору.» Возлѣ залы, назначенной для собранія красавицъ, начинаютъ сходиться молодыя соперницы, и каждая изъ нихъ съ удивительною откровенностью сообщаетъ присутствующимъ свои притязанія и надежды на предпочтеніе. «Ни одна не сомнѣвается (такъ говорить Евдокія, одна изъ соискательницъ), что ей быть Царицею. Смѣшно смотрѣть на всѣ ихъ мины: одна таращитъ глаза, чтобы они казались большими; другая сжимаетъ ротъ, чтобъ онъ казался поменьше; третья, величаясь красотою своихъ волосъ, чрезвычайно заботится, чтобы локоны граціозно спадали ей на плеча и ложились по спинѣ; у четвертой тысяча затѣй, чтобы выказать двѣ красивыя ручки, похожія на снѣгъ самой чудной бѣлизны; пятая не знаетъ, какимъ образомъ ей показать свои зубы, которые спорятъ съ жемчугомъ о блескѣ; а я между всѣми ими смѣюсь, шучу и тѣшусь ихъ надеждами и планами.» Приходъ прекрасной и скромной Наталіи возбуждаетъ множество насмѣшекъ. И когда она въ отвѣтъ на нихъ между-прочимъ говоритъ: «я почитаю Царя, какъ Государя моего, но не могу любить его, какъ мужа», Евдокія замѣчаетъ:» Ахъ, какъ полезно читать романы! Въ деревнѣ ничто такъ не образуетъ сердца, какъ они.» Слова эти могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ мало Густавъ III соображалъ въ своей драмѣ мѣсто и время дѣйствія. Но вотъ Дарьѣ приказано вести дѣвицъ въ ту комнату, гдѣ

онѣ будутъ дожидаться Государя; а Натальѣ объявлено, чтобы она не уходила, потому-что Царь хочетъ видѣть ее до вступленія въ залу. Царь, т. е. придворный, представляющій его, подаетъ видъ, что пораженъ ея красотою и избираетъ ее своею супругою. Но Наталія отвѣчаетъ, что она всегда останется вѣрною Голицыну. Тогда этотъ мнимый Голицынъ, т. е. настоящій Царь, который въ продолженіе предыдущаго разговора оставался незамѣченнымъ въ сторонѣ, вдругъ подходитъ къ Наталіи и открываетъ ей, кто онъ. Сцена перемѣняется и представляетъ залу, гдѣ собраны всѣ соперницы. Дарья разставляетъ ихъ въ два ряда. При звукахъ музыки входитъ Царь съ великолѣпною свитою. Всѣ падаютъ на колѣна. Постельница, которая очень удивилась-было превращенію Ивана Голицына въ особу Царя Алексѣя Михайловича, готовится представлять ему красавицъ; а между-тѣмъ Федоръ, по обычаю слугъ во Французскихъ комедіяхъ, шутитъ съ нею, какъ шутилъ уже неразъ въ продолженіе пьесы. При представленіи дѣвицъ, Государь съ истинно-рыцарскою вѣжливостью удостоиваетъ каждую нѣсколькихъ комплиментовъ, но за эту вѣжливость нѣкоторыя изъ красавицъ, особливо принцесса Софія Федеровна (Federowna), платятъ ему рѣшительною грубостью, которая однако жъ по-видимому вовсе не поражаетъ Царя. Напослѣдокъ онъ подходитъ къ Наталіи и еще разъ объявляетъ ей свой выборъ. «А вы, собранныя здѣсь, заключаетъ онъ:» торжествуйте пляскою и

пѣніемъ побѣду красоты и постоянства, мое счастіе и возвышеніе Наталіи.» Слѣдуютъ куплеты, которыми кончается 2-е дѣйствіе, а съ нимъ и вся пьеса.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, эта драма очень любопытна не только по своему содержанію, довольно необыкновенному подъ перомъ Шведскаго писателя и особливо короля, но и потому, что въ обработкѣ этаго предмета Густавъ III невольно выразилъ свой собственный образъ мыслей и духъ своего Двора.

VII.

Два анекдота. Двое студентовъ ѣхали на каникулы въ отдаленное имѣніе своихъ родителей. Проголодавшись въ дорогѣ, они на одной станціи надѣялись хорошенько вознаградить себя за долгій постъ и потребовали картофелю. Старуха-хозяйка отвѣчала, что у нея картофелю нѣтъ. Голодные студенты стали называть разные другіе припасы, но къ величайшему прискорбію получали все тотъ же отвѣтъ, что желаемаго не имѣется. Въ досадѣ они разбранили старуху и уже сѣли-было опять въ свою тряскую тележку, чтобы скорѣе добраться до мѣста болѣе гостепріимнаго, какъ вдругъ старуха выбѣжала на крыльцо и сказала: «Да вамъ, господа, можетъ быть, не угодно ли говядины съ хрѣномъ?» — «О, да это чудесно!» вскрикнули обрадованные студенты, начиная снова вылѣзать изъ тележки; «давай сюда говядину

съ хрѣномъ.» — «Да нѣту ея!» отвѣчала жалобнымъ тономъ старая плутовка, радуясь, что отмстила юношамъ за несправедливую брань.

У одпаго стараго профессора въ Лундѣ загорѣлся домъ. Все семейство его, какъ водится въ такихъ случаяхъ, ужасно засуетилось, а старикъ вышелъ на улицу и, преспокойно глядя на пламя, замѣтилъ только: «Пусть его горитъ, дрянной домишка! Это— радикальное средство противъ всѣхъ насѣкомыхъ, которыми набиты его стѣны!»

VIII.

Одинъ изъ первыхъ нумеровъ газеты Финляндскаго города Борго за нынѣшній годъ начинается статьею подъ заглавіемъ: *Ryska Läsefrukter* (плоды Русскаго чтенія). «Русская Литература,» говоритъ авторъ ея, «начала болѣе и болѣе обращать на себя вниманіе Европы. Такъ-какъ наша Финляндія принадлежитъ къ числу тѣхъ краевъ, гдѣ совершенное незнаніе этой Литературы наименѣе простительно, то мы отъ времени до времени представляли о ней нѣкоторыя извѣстія, которыя, какъ они тощи ни были, перепечатывались иногда и въ Шведскихъ газетахъ. Потому наши читатели вѣрно не осудятъ насъ, если впредь такія извѣстія будутъ постоянно занимать у насъ нѣсколько столбцевъ въ мѣсяцъ. Чтобы избѣжать подробности, которая для большинства читате-

лей была бы, можетъ статься, излишнею, мы намѣрены преимущественно отдавать имъ отчетъ въ содержаніи *однаго* только Русскаго журнала, именно *Современника*, и только иногда позволять себѣ нѣкоторыя дополненія, особливо изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Причина нашего выбора заключается въ томъ, что Современникъ для Финляндцевъ занимательнѣе всѣхъ нынѣшнихъ журналовъ.» Русскимъ читателямъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ слѣдили за ходомъ изданія Современника, понятенъ такой отзывъ: съ 1839-го года этотъ журналъ почти постоянно въ каждой книжкѣ своей представлялъ статьи, относящіяся къ Финляндіи и ея Литературѣ. Вотъ почему многимъ могло показаться странно, что одинъ изъ Петербургскихъ журналовъ, напечатавъ въ концѣ прошлаго года заимствованную съ Французскаго статью: *Калевала, Финская языческая эпопея*, замѣтилъ: «цѣлыми толпами ежегодно посѣщаемъ мы Финляндію, но, къ несчастію, ничего тамъ не видимъ, ничего не слышимъ. Стыдно признаться, что о народѣ, которымъ окружена наша столица, мы должны узнавать все новое и любопытное изъ Парижскихъ журналовъ! Это однако жъ совершенно справедливо. Не будь господина Marmier, мы, не смотря на огромное число нашихъ путешественниковъ по сѣверному берегу залива, ничего не знали бы о существованіи у Финновъ большой и весьма древней эпопеи» *. Развернувъ

* Б. д. Ч. 1842, Ноябрь, въ *Смѣси*.

любую изъ книжекъ Современника за 1839, 1840, 1841 и 1842 годъ, легко увѣриться, что стыдъ, относимый авторомъ приведенныхъ строкъ на счетъ Русскихъ вообще, по справедливости долженъ остаться только за тѣми, которые чтеніе свое ограничиваютъ корректурою собственнаго журнала. Не только имя *Калевалы* очень часто упоминаемо было въ Современникѣ, но и самое содержаніе этой поэмы подробно изложено въ XIX томѣ его. Что же касается до г. Мармье, то мы, при всемъ уваженіи къ его достоинствамъ, замѣтимъ мимоходомъ, что если бъ строго изслѣдовать генеалогію нѣкоторыхъ изъ его статей, то, можетъ быть, иная оказалась бы, по источнику своему, немного сродни тѣмъ статьямъ Современника, въ которыхъ рѣчь идетъ о Финляндіи.

Возвратимся къ газетѣ Борго. Послѣ выписаннаго нами вступленія, редакторъ обозрѣваетъ по порядку содержаніе всей первой книжки Современника за нынѣшній годъ, иногда останавливаясь на тѣхъ мѣстахъ, которыя находитъ стоющими особеннаго вниманія. Вполнѣ приведено сужденіе нашего журнала о Шведской грамматикѣ г. Лангена.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МОЛИТВА ДѢВѢ.

Ты плывешь въ облакахъ,
Въ влагѣ изумрудной:
У Тебя на рукахъ
Твой Младенецъ чудной!
И кругомъ Васъ заря,
Радуги дугами,
И Младенца-Царя,
Въ вышинѣ, кругами,
Взвившись, хвалятъ полки
Ангеловъ златые;
Рвутъ цвѣты, вьютъ вѣнки
Юноши святые.
Дѣва-Мать! съ высоты
Посмотри, какъ стонутъ
На моряхъ суеты,
Гдѣ всѣ челны тонутъ!
Растерзалъ паруса
Вихорь страстно-жгучій;
Затемнилъ небеса
Тучегонъ могучій!
И мой челнъ... хоть мой челнъ,
Ты Своей рукою,
Изъ клокочущихъ волнъ,
Проведи къ покою!...

Ѳ. Глинка.

MY HOME *.

Да—я люблю пріютъ изящный свой!
Онъ полнъ удобствъ, спокойствія и жизни;
Мнѣ въ немъ тепло; и свѣтелъ онъ и веселъ,
И никогда, въ часы уединенья,
Я въ немъ одна не остаюсь: со мной
Они, мои друзья — они, созданья
Искуства, генія и вдохновенья —
Картины... И картинъ моихъ бесѣда
Понятна мнѣ, отрадна мнѣ, какъ рѣчь,
Какъ гласъ живой существъ одушевленныхъ,
Сочувственныхъ. И свыклась съ ними я,
И съ ними свой досугъ, свой бытъ домашній
Привыкла я дѣлить. На лицахъ ихъ
Люблю встрѣчать знакомые оттѣнки,
Люблю читать знакомое значенье.
Ихъ выраженіе, ихъ смыслъ, ихъ взглядъ —
Все для меня разгадано давно,
Все памятно и дышетъ поученьемъ.
Характеры, мечты и страсти ихъ
Извѣстны мнѣ, какъ другу другъ старинный;
Они свои повѣдали мнѣ тайны,
Они свою мнѣ расказали жизнь...
И въ тайнахъ сихъ трепещетъ много горя
И много радости — и въ житіяхъ,
Въ удѣлахъ ихъ, столь разныхъ, много пищи
Для мысли, и для думъ, и для догадокъ.
Я къ нимъ полна участія и дружбы,

* Смот: Современ. Т. XXX, стран. 122.

И снисходить умѣю къ тѣмъ изъ нихъ,
Кто слабостей земныхъ, земныхъ грѣховъ
Въ своихъ чертахъ являетъ отпечатокъ.
Я ихъ люблю; они мои жильцы,
Моя семья покорная, нѣмая,
Свидѣтели и радостныхъ минутъ
И грустнаго подъ-часъ расположенья...

Когда я къ нимъ издалека вернулась,
Окончивъ путь томительный и длинный,
И въ комнату безмолвную вошла
Ночной порой, и въ домѣ все дремало,
И не-кому съ привѣтомъ хлѣба-соли
Меня встрѣчать, меня принять здѣсь было;
Тогда, тогда привѣтъ радушный мнѣ
Вдругъ заблисталъ въ ихъ лицахъ оживленныхъ;
Они дарили мнѣ — кто свѣтлый взоръ,
Кто тихую и нѣжную улыбку;
Они изъ рамъ спѣшили позлащенныхъ
Навстрѣчу мнѣ... И жаль, что удержалъ
Порывы ихъ законъ неумолимый
Возможности существенно-земной!...
И жаль, что вкругъ меня они не стали,
Рядъ выходцевъ изъ міра вдохновенья!
Какъ рада бъ я была ихъ оживленью,
Бесѣдѣ ихъ!... Какъ жадно бъ я слила
Свой бытъ естественный, обыкновенный
Съ ихъ фантастическимъ, чудеснымъ міромъ!..

Графиня Е. Ростопчина.

СЛЕЗА.

Она скрывалася въ глуши,
Подъ милой думою родилась;
Она какъ перла отдѣлилась
Отъ тайнаго сокровища души.

Ахъ, отъ души ее моей
Какая сила оторвала?
Какъ съ неба звѣздочка упала
Она изъ пламенныхъ очей.

Въ часы любви, на миломъ цвѣтѣ,
Такъ взору свѣтится роса,
Такъ на пылающемъ куплетѣ
Блеститъ нескромная слеза!

Не спрашивай, зачѣмъ упала,
Какое небо въ ней горитъ?
Она съ людьми не говоритъ,
Она все Богу расказала!

Звѣзды любви печальный лучь
Не выдавай ея секрета:
Тоскующей души поэта,
Слеза, таинственный ты ключь!

— Н........

ПРОКЛЯТЬЕ.

*(Черкесская предсмертная пѣсня *.)*

Правовѣрные, слушайте!
Аллахъ накажетъ измѣнника;
А измѣнникъ тотъ,
Чья пуля не мѣтка,
Чье ружье не вѣрно,
Кто врага щадитъ въ битвѣ
И боится его;
Нѣтъ тому мѣста на землѣ —
Онъ собачій сынъ,
Въ немъ кровь не Черкесская;
Пропадай его голова —
На ней проклятье пророка
И всѣхъ правовѣрныхъ!
Если жена есть у труса —
Громъ на жену,
Дѣти есть —
Громъ на дѣтей,
Сакля есть —
Огонь на нее;

* Черкесы поютъ ее дикимъ напѣвомъ, съ страшными жестами — и съ шашками на-голо, что происходитъ во время приготовленія ихъ къ набѣгу. Многіе совѣтовали мнѣ передѣлать ее; но тогда переводъ не былъ бы ни сколько сообразенъ съ подлинникомъ — и по-этому я рѣшился оставить его, какъ онъ есть, во всей его варварской красѣ. Переводч.

Если же трусъ абрекъ или князь —
Сто штыковъ ему въ сердце,
А если мулла —
Собачья смерть!
Правовѣрные слушайте:
Великъ Богъ,
Великъ пророкъ его Магометъ;
А проклятье ихъ
Хуже пули изъ поганаго ружья, *
Хуже грома,
Хуже петли на шею,
Хуже огня,
Хуже штыка,
Хуже смерти собачьей!
Правовѣрные,
Аллахъ-керимъ **!!

Укрѣпленіе Ордонъ. 1843. Ал. Марсельскій.

* Подлинное выраженіе.
** Богъ милосердъ.

ПАХИТОСЪ.

Пахитосъ, услада лѣни,
Европейскій наргилэ,
Страсть новѣйшихъ поколѣній,
Поводъ дѣдушкамъ къ хулѣ;
Пахитосъ, предметъ раздора
И въ гостиныхъ и въ семьяхъ,
Соучастникъ разговора
И наперсникъ нашъ въ мечтахъ!
Дымъ твой полонъ вдохновеній,
Много тайнъ въ твоей золѣ,
Пахитосъ, услада лѣни,
Европейскій наргилэ!

Львицъ причудливое знамя,
Вмѣсто всѣхъ огней другихъ
Ты потѣшное ихъ пламя,
Ты безгрѣшный спутникъ ихъ!
Другъ Испанки черноокой,
Ты, при счастьи, средь скорбей,
Жизни праздной, одинокой
Сокращаешь скуку ей!
Ты присталъ и ручкѣ нѣжной,
И коралловымъ устамъ,
Думѣ грустной и мятежной,
И смѣющимся глазамъ!

Я не *львица* удалая,
Не Испанка подъ фатой,
Но блаженствую, вдыхая,
Пахитосъ, чадъ легкій твой!
Мнѣ сдается суевѣрной,
Что разрозненнымъ друзьямъ
Ты символъ въ дали безмѣрной,
Связь двумъ мыслямъ, двумъ мечтамъ...
Дымъ твой полонъ вдохновеній,
Много тайнъ въ твоей золѣ,
Пахитосъ, услада лѣни,
Европейскій наргилэ!..

Графиня Е. Ростопчина.

Село Анна,
22 Сентября 1842.

ВОСКРЕСЕНІЕ ЛАЗАРЯ.

Суббота, 3 Апрѣля, 1843.

Четверодневенъ Лазарь былъ,
Холоднымъ саваномъ обвитый,
Тяжелымъ каменемъ накрытый,
Когда его Спаситель воскресилъ;
И слова однаго довлѣло,
Чтобъ огнь и жизни и любви
Опять зажечь въ его крови,
Уже навѣкъ оледенѣлой.

Подобно Лазарю обвитъ
И я житейской пеленою,
Тяжелой суетой земною
Какъ будто каменемъ накрытъ.
Но изреки, Спаситель, слово,
Но снизойди, святая благодать!
И я душой воспряну снова,
Я вѣрой озарюсь опять.

Улягутся земныя бури,
Туманъ страстей исчезнетъ вдругъ,
И свѣтлою звѣздой въ лазури
Небесъ мой засіяетъ духъ;

Я въ вожделѣнную стихію
Душой свободной погружусь,
И преклонивъ колѣна, выю,
Я съ сокрушеньемъ помолюсь
Передъ Владыкою творенья,
Виновникомъ всѣхъ бытія;
Яко кадило всесожженья
Исправится мольба моя.

Но, ахъ, достоинъ ли я грѣшный,
Чтобы меня Спаситель посѣтилъ!
Нѣтъ, прелестямъ юдоли здѣшней
Себя я слишкомъ посвятилъ;
Земной любви, земной отрадѣ
Я слишкомъ жертвовалъ душой,
И далъ угаснуть я лампадѣ,
Въ которой былъ огонь святой.

Какъ мытаря мое воззванье
Ты не отринь, прими, Господь!
Ты возврати мнѣ упованье
И умири земную плоть!
Невѣрью моему, сомнѣньямъ
Ты благодатно помози,
И для меня надъ обольщеньемъ
Твой крестъ побѣдный водрузи!

И. Мятлевъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ФИНЛЯНДІИ *.

Первый періодъ.

Мнѣнія историковъ о происхожденіи Финскихъ племенъ весьма спорны и различны. Для точной исторіи народа нужны акты; а запутанные доводы, основанные на догадкахъ, большею частію ложныхъ и сомнительныхъ, такъ шатки, что ихъ нельзя принять за данныя. Иные почитаютъ Финновъ древнѣйшими обитателями Сѣвера и нѣкогда многочисленнымъ народомъ Европейскимъ; другіе же производятъ ихъ отъ Скиѳовъ, Гунновъ, Самоѣдовъ и отъ

* За три года передъ симъ мы сказали (Современн. т. XX, стран. 20, *первой нумераціи*): «Русскіе и Финляндцы, подъ охранительною державою единаго Монарха, должны итти по одной «дорогѣ и ровнымъ шагомъ на поприщѣ просвѣщенія. Юбилей «Александровскаго Университета (въ 1840 году исполнилось 200 лѣтъ «его существованію) былъ поводомъ сближенія тѣхъ и другихъ — «конечно, не въ большомъ количествѣ; но онъ показалъ взаимное «ихъ стремленіе къ преуспѣянію благодѣтельныхъ знаній и пламенную любовь къ общему ихъ отечеству. *Можетъ быть*, онъ со«ставитъ эпоху въ соединеніи литературъ Сѣвера и въ обработыва«ніи его исторіи.» Отрадно видѣть, что это тогдашнее *можетъ быть* нынѣ уже *есть*. Читатели Современника конечно не пропустили безъ вниманія, сколько занимательныхъ статей съ той поры помѣщено у насъ о Финляндіи, Швеціи и вообще о всей Скандина-

народа Азіатскаго Уйгуровъ. Извѣстные ученые и историки: Шлёцеръ, Раскъ, Гейеръ, Лейбницъ, Ланбрингъ и друг. утверждаютъ, что Финны были первобытными обитателями Сѣвера, основываясь на баснословныхъ преданіяхъ и новѣйшихъ писателяхъ сагъ, которыя говорятъ единогласно, что, до прихода Готовъ, Сѣверъ населенъ былъ племенами, извѣстными подъ названіемъ Іотовъ и Туссаровъ. Господа Гейеръ, Раскъ и проч. стараются доказать, что Іоты были Финны, ссылаясь на сагу *Фундинъ Норегуръ* (Fundin Noregur), гдѣ упоминается, что конунгъ *Фурніотеръ* (Fornioter) господствовалъ въ Іотландіи, которая также называется Финляндіею или Квенляндіею, и что страна эта лежала къ востоку отъ морскаго залива. Упомянутые писатели, заключая изъ этой саги, что Іотландъ есть Финляндія, выводятъ, что Іоты (первобытные обитатели Сѣвера) суть Финны. Но изъ расказа саги Фундинъ Норегуръ,

віи. Литература, успѣхи наукъ, этнографія, нравы, жизнь и все, что только поучительно и пріятно знать о народѣ, все вошло въ эти статьи корреспондентовъ Современника. Одинъ изъ нихъ, *Ѳ. К. Дершау*, живущій въ Або, приступилъ наконецъ къ труду важному и достойному вниманія. Онъ изъ вѣрныхъ источниковъ добросовѣстно составляетъ обозрѣніе *Исторіи Финляндіи*. Услышавъ о похвальномъ его намѣреніи, мы съ участіемъ уже высказали (*Современ.* Т. XXIX, стран. 106), какія затрудненія должны ему представиться, и подали совѣтъ, какъ ему преодолѣть ихъ. Нынѣ представляемъ читателямъ нашимъ начало этаго труда. Ежели г. *Дершау* приведетъ къ окончанію книгу, столь занимательную и столь полезную, мы не сомнѣваемся, что всѣ благомыслящіе люди въ Россіи и Финляндіи будутъ ему за нее признательны. Редакц.

кажется, нельзя сдѣлать другаго заключенія, кромѣ того, что страна, именовавшаяся прежде Іотландъ, въ то время, когда сага писана, была населена Финскими племенами и называлась Финляндіею. Сага намекаетъ, что народъ, въ старинныхъ преданіяхъ извѣстный подъ именемъ древнихъ Іотовъ, населялъ страну сію въ то время, когда случилось упоминаемое въ сагѣ происшествіе; но къ какому именно поколѣнію должно его причислить, о томъ сага умалчиваетъ. Кажется, что гораздо безошибочнѣе можно допустить Финновъ выходцами изъ Азіи, тѣмъ болѣе, что языкъ Финскій не имѣетъ ничего общаго съ языками Европы, а напротивъ того онъ подобенъ нѣкоторымъ Азіатскимъ.

Изъ всѣхъ языковъ Европы одинъ только Венгерскій близокъ къ Финскому. Сходство это весьма ощутительно; оно замѣтно не только въ названіи предметовъ, но и въ строеніи языка, и въ самомъ произношеніи. Вообще Венгровъ, кажется, можно признать потомками Финскаго народа, который, быть можетъ, вышедъ изъ Азіи, раздѣлился на нѣсколько племенъ, и тѣснимый въ послѣдствіи Готами, пришедшими изъ-за Каспійскаго моря, разселялся далѣе по Европѣ, въ сѣверномъ и западномъ направленіи ея. Венгры прошли чрезъ Карпатскія горы, побѣдили Волоховъ и основались на Дунаѣ, назвавъ страну Венгріею. Откуда бы древніе Финны ни происходили, но исторія находитъ ихъ за многіе вѣки до Рождества Хри-

стова населяющими мѣста около Урала. Новѣйшими учеными достовѣрно изслѣдовано, что во время владычества Кира надъ Азіею, вдоль восточной стороны Уральскихъ горъ, жили восточные Финны, предки нынѣшнихъ Венгерцовъ, Финновъ, Вогуличей, Остяковъ, и извѣстныхъ въ средніе вѣки Гунновъ и Аваровъ. Они занимали страну отъ сѣвера къ востоку, до рѣки Оби и горы Имай, и отъ югозапада до Каспійскаго моря и Белуръ-Дага. Въ теченіи слѣдующихъ четырехъ вѣковъ они находятся почти на томъ же мѣстѣ; но, незадолго до Р. Х., вытѣсненные Готами и другими народами, Финны уже встрѣчаются въ странахъ гораздо сѣвернѣе и въ западной сторонѣ Урала, до береговъ Волги и Камы. Съ каждымъ столѣтіемъ они переселяются далѣе и далѣе въ сѣверномъ и западномъ направленіи, такъ-что во второмъ столѣтіи послѣ Р. Х. они находятся около Вислы, а въ исходѣ IV-го столѣтія въ нынѣ занимаемыхъ ими странахъ. Когда Тацитъ писалъ свою исторію Германіи, Финны, по вѣрнѣйшимъ исчисленіямъ, занимали нынѣшнюю Литву. Между-тѣмъ еще Птоломей (во II вѣкѣ) поселяетъ Финновъ при Вислѣ. По новѣйшимъ историческимъ изысканіямъ, Финны занимали нѣкоторое время берега Балтійскаго моря. Въ Пруссіи, въ Курляндіи и Семигаліи всюду видны слѣды ихъ. Въ Россіи до сихъ поръ мы видимъ слѣды Финскихъ племенъ, населявшихъ нѣкогда обширную часть ея: при истокахъ Двины живутъ Зыряне, при Уралѣ и Камѣ Вогуличи и Вотяки, Черемисы

около Казани, къ югу отъ нихъ Мордва, къ востоку Чуваши и Ингерманландцы (населяющіе Петербургскую губернію), подраздѣлившіеся на Ижорцевъ, Чуль, Савакотовъ, Экремеистовъ, и нѣсколько другихъ племенъ, заселяющихъ Московскую, Тверскую, Олонецкую, Архангельскую и другія губерніи. Финны при переселеніи всегда предшествуемы были единоплеменниками своими, Лапландцами или Лопарями, которые вѣроятно кочевали прежде съ своими стадами въ южныхъ, менѣе холодныхъ мѣстахъ, что и подтверждается сохранившимися между ними преданіями. Тацитъ, говоря о Финнахъ, описывалъ Лопарей; по крайней мѣрѣ, описаніе его болѣе намекаетъ на послѣднихъ. Слѣды Лапландцевъ встрѣчаются нынѣ во всей Финляндіи: въ названіяхъ мѣстъ, также въ разбросанныхъ по ней Лапландскихъ могилахъ и курганахъ.

Поселившись въ Финляндіи, Финны подраздѣлились на *Финновъ* (Суоми, Сумъ), занявшихъ ея югозападную часть, *Тавастландцевъ* (Ямъ, Емъ), взявшихъ среднюю Финляндію, и на *Кареловъ*, поселившихся въ восточной части отъ Невы и Финскаго залива до Норвежскихъ горныхъ хребтовъ. *Карелы*, населявшіе Эстерботнію, были извѣстны подъ именемъ *Квеновъ*. Исторія Финляндіи, до водворенія въ ней Христіанства, весьма не достовѣрна и почти вовсе не изслѣдована. Финны, закоренѣлые въ грубомъ язычествѣ, жили въ состояніи полудикости, не по-

мышляя о завоеваніяхъ, но лишь защищая свою независимость. Любовь къ роднымъ скаламъ приковывала ихъ къ дикой Финляндіи. Они считали себя вполнѣ счастливыми, довольствуясь малымъ и не желая лучшаго. Финны были народъ кроткій и миролюбивый, настроенный дикою природою страны къ музыкѣ и поэзіи, что доказывается изображеніемъ ихъ главнаго языческаго бога, Вейнемейнена, играющаго на лютнѣ. Не имѣя своей письменности, Финны не имѣли своихъ историковъ, и потому у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, на которыхъ могли бы основать наши догадки и предположенія, и говорить утвердительно языкомъ исторіи о варварскомъ періодѣ Финновъ. Полагаютъ, что около 877 года король Квеновъ *Фаравидъ*, вспомоществуемый Норвежскимъ намѣстниковъ надъ Финкмаркіею, напалъ на Кареловъ и побѣдилъ ихъ своей власти. Въ 1042 году, въ Финляндіи является впервые Русское оружіе. Новгородскій князь Владиміръ Ярославичь вступилъ въ Тавастландію, и началъ опустошать и раззорять страну; но вскорѣ возникшая между его воинами опасная и прилипчивая болѣзнь принудила его возвратиться въ Россію до окончанія начатаго истребленія въ Тавастландіи.

Въ 1124 году Русскіе, подъ предводительствомъ Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, снова явились въ Финляндіи и опустошили землю Емовъ; но недостатокъ въ продовольствіи, происшедшій при

наступленіи весны, которая уничтожила единственныя тогда въ сей землѣ зимнія дороги, принудилъ Русскихъ удалиться въ Россію.

Шведскій король Эрикъ-святой, ревностно споспѣшествуя распространенію Христіанства, въ началѣ весны 1156 года, сдѣлалъ воззваніе къ Шведскому народу собраться къ походу противъ язычниковъ Финновъ. Епископы, убѣждая народъ принять участіе въ воззваніи короля, именемъ Бога обѣщали отпущеніе грѣховъ тѣмъ, кои шли сражаться за вѣру, и падшимъ воинамъ небесное блаженство со святыми. Тысячи Христіанъ безропотно взялись за оружіе и собрались подъ крестовыми знаменами святаго Эрика. Въ *Кунсгамнѣ* вооружено было судно, на коемъ король сѣлъ съ Упсальскимъ епископомъ *Генрихомъ* и сопровождавшими его духовными лицами. Все воинство размѣстилось на судахъ и поплыло къ Финскимъ берегамъ подъ предводительствомъ *Эрика* и *Гутторм-Ярла*. Исторія полагаетъ, что и *Фале-Буре* принималъ участіе въ этомъ походѣ, предводительствуя Гельсингенскими дружинами. Флотъ присталъ къ берегу близъ Або, и съ этаго времени начинается кровавая борьба Христіанства съ язычествомъ въ Финляндіи: это начало паденія ея независимости. Еще до своего похода Эрикъ убѣждалъ Финновъ обратиться въ Христіанство и покориться Шведскому престолу, въ случаѣ упорства грозя итти на нихъ войною и покорить силою меча и огня. Финны, вѣр-

ные своимъ обычаямъ и обрядамъ, и слишкомъ самонадѣянные, отвергли требованія Эрика, и приготовились отразить его оружіе. Началась тяжкая война, и Финляндія обагрилась кровью. Воины гибли во множествѣ съ обѣихъ сторонъ, но отчаянная храбрость сражавшихся не ослабѣвала; наконецъ Финны, совершенно истощенные побѣдоноснымъ Шведскимъ оружіемъ, отдались во власть Эрика, и приняли всѣ назначенныя имъ условія, въ силу которыхъ часть береговой Финляндіи названа имъ *Новою-землею* (*Nylands-Län*) и присоединена къ Швеціи.

Добродѣтельный Эрикъ, обозрѣвая поля, усѣянныя трупами падшихъ воиновъ, проливалъ слезы, не за Христіанъ, падшихъ защитниками святой вѣры, но за Финновъ, кончившихъ жизнь съ мечемъ противу Христіанства.

Тотчасъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій, Эрикъ приступилъ къ обрядамъ святаго крещенія, и Финны, выслушавъ его благочестивую проповѣдь, во множествѣ крещены были имъ самимъ и духовными сановниками. По обращеніи въ Христіанство значительнаго числа язычниковъ, добродѣтельный Эрикъ отплылъ въ Швецію, оставивъ въ Финляндіи епископа Генриха съ духовенствомъ для окончательнаго утвержденія въ ней Христіанства. Генрихъ, признанный святымъ наравнѣ съ Эрикомъ, въ теченіи двухъ лѣтъ объѣзжалъ покоренную страну, озаряя Финновъ лучами спа-

сительной вѣры Христовой. До сихъ поръ существуютъ въ Финляндіи памятники его временъ, свято хранимые въ народѣ. Близъ Або находится источникъ *Купписъ*, у котораго онъ крестилъ народъ, и который до сихъ поръ сохранилъ названіе св. Генриха. Въ кирхшпилѣ *Поусисъ* сохранился амбаръ, въ коемъ онъ проповѣдывалъ свое ученіе; также въ кирхшпилѣ *Кумо*, въ деревнѣ *Юлистаро*, находится домъ, гдѣ сбирались его слушать, который, для сохраненія потомству, предположено обложить кирпичемъ. Королемъ Эрикомъ положено основаніе существующему и понынѣ Абовскому зàмку, и переселены Шведскіе колонисты изъ Гельсингланда въ Нюландію.

19 Генваря 1158 года епископъ Генрихъ былъ убитъ Финскимъ дворяниномъ *Лалли* на льду озера *Чюло* (Kjulo) между Або и Бьернеборгомъ. По совершеніи убійства, *Лалли* хотѣлъ снять съ руки Генриха богатое кольцо, и для достиженія своей цѣли отрубилъ у убіеннаго палецъ, который однако жъ не достался въ его владѣніе и тотчасъ же затерялся въ снѣгу.

Въ народѣ есть преданіе, что убійца снялъ съ епископа шапку и надѣлъ на себя, но, пришедъ домой, вмѣстѣ съ шапкою снялъ съ головы своей волосы и кожу. По этому случаю сочинена даже Финская народная пѣсня. Въ слѣдующую весну плыли

по озеру Чюло въ небольшой лодкѣ двое крестьянъ; одинъ изъ нихъ былъ слѣпъ. Зрячій замѣтилъ ворона, который каркалъ надъ плывущей льдиной. Взглянувъ на ледъ, крестьянинъ увидѣлъ на немъ человѣческій палецъ съ кольцомъ епископа Генриха. Забывъ о слѣпотѣ своего товарища, крестьянинъ закричалъ: посмотри! и слѣпецъ мгновенно прозрѣлъ. Шапка епископа и кольцо его до сихъ поръ составляютъ гербъ Абовской духовной консисторіи (*Dom-Kapitel*). Тѣло Генриха погребено было въ кирхшпилѣ Ноусисѣ. Епископъ Генрихъ, подобно всѣмъ великимъ людямъ, при жизни не былъ оцѣненъ по дѣяніямъ; но со смертью его Финны прозрѣли и поняли, что тотъ, кого они мучили и терзали, былъ просвѣтитель ихъ, выведшій народъ Финскій изъ мрака суевѣрія и невѣжества и озарившій его лучами спасительной вѣры Христовой. Въ 1300 году тѣло его съ величайшими почестями перенесено было въ Абовскій соборъ, основанный во имя его. По словамъ Рюса, въ 1720 году оно взято въ Петербургъ Русскимъ фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ; впрочемъ на это нѣтъ доводовъ: это слова, ничѣмъ и никѣмъ не подкрѣпляемыя.

Въ 1188 году Карелы, соединясь съ Русскими, Инграми и Эстами, поплыли въ Швецію и достигли озера Меларъ. Уничтожая все, встрѣчавшееся на пути, они разорили до основанія древнюю *Сигтуну* и умертвили Упсальскаго архіепископа Іогана. Набѣгъ этотъ,

какъ полагаютъ, былъ поводомъ къ укрѣпленію устья Меларскаго озера и основанію Стокгольма.

Около 1198 года Русскіе истребили большую часть Шведскихъ поселеній и сожгли городъ Або.

Въ 1240 году Шведы соединились съ Финнами (Суоми) и Емью и, подъ предводительствомъ Биргера-Ярла и епископа Томаса, двинулись на Русь. На берегахъ Невы, близъ Ижоры, произошло кровопролитное сраженіе, и Русскіе побѣдили ихъ совершенно. Новгородскій князь Александръ Ярославичь разбилъ ихъ на-голову, и побѣдою своею стяжалъ названіе Невскаго и громкую славу въ потомствѣ.

Во все это время обращенные въ Христіанство Финны претерпѣвали ужасныя гоненія отъ единоплеменниковъ своихъ, въ особенности отъ свирѣпыхъ Тавастландцевъ. Попадавшіяся въ ихъ руки Христіанскія дѣти мученически умерщвлялись; у мущинъ и женщинъ враги вырѣзывали внутренности, и приносили ихъ въ жертву богамъ, или гоняли несчастныхъ до тѣхъ поръ вокругъ дерева, пока они не умирали отъ изнеможенія. Священникамъ выкалывали глаза, рубили руки и ноги, потомъ завертывали въ солому и сожигали. Папа, видя ожесточеніе и варварство Тавастландцевъ, повелѣлъ Упсальскому архіепископу дѣйствовать рѣшительнѣе и, не щадя ни крови, ни возраста буйныхъ Тавастландцевъ, искоренить

язычество и обратить ихъ въ Христіанство. Истощеніе Шведскаго войска отъ безпрерывнаго усмиренія возникшей борьбы за церковь, препятствовало немедленному выполненію воли папы; но въ 1249 году Биргеръ-Ярлъ съ сильнымъ войскомъ вступилъ въ Финляндію. Покоривъ совершенно Эстерботнію и Тавастландію, онъ дарилъ жизнь и имущество тѣмъ, кои крестились, прочихъ умерщвлялъ безъ пощады— и Финляндія обагрилась кровью упорныхъ язычниковъ. Для удержанія жителей въ покорности Биргеръ-Ярлъ основалъ Тавастгузскій зȧмокъ; а въ память вступленія его въ Финляндію, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вышелъ на берегъ (близъ г. Вазы), построенъ зȧмокъ *Корсгольмъ.*

Биргеръ-Ярлъ, управляя Швеціею, издалъ законы, охраняющіе всеобщую безопасность (1250 года), и они послужили корнемъ Финскаго законоположенія, существующаго и понынѣ. Женивъ въ 1262 году 17-ти лѣтняго сына своего Вольдемара на Датской принцессѣ Софіи, онъ узаконилъ, что сестра наслѣдуетъ вполовину противъ брата (до того времени женщины не имѣли никакаго права на наслѣдство родителей, если были въ-живыхъ ихъ братья). Отсюда начало наслѣдственнаго права, существующаго и понынѣ въ Финляндіи. Биргеръ-Ярлъ населилъ Эстерботнію Шведскими колонистами, которые въ послѣдствіи размножились и существуютъ понынѣ, сохраняя языкъ и обычаи Швеціи.

Въ 1293 году правитель Швеціи Торкель-Кнутсонъ вооружилъ сильный флотъ и, поплывъ въ Карелію, завоевалъ эту страну, и для защиты ея заложилъ крѣпость Выборгъ. Съ покореніемъ Кареліи рушилась самостоятельность Финновъ, и начинаются бѣдственныя и гибельныя времена исторіи Финляндіи. Новгородцы начинаютъ разорять страну безпрестанными набѣгами; Швеція обременяетъ ее тягостными налогами; властолюбіе и фанатизмъ сановниковъ духовныхъ пожираютъ тысячи невинныхъ жертвъ—и Финны, терзаемые злосчастнымъ рокомъ, гибнутъ, но гибнутъ героями. Истощенные тѣломъ, но всегда сильные духомъ и волею, лишенные средствъ противостать злой судьбѣ, покоряются и смиренно несутъ крестъ свой. Всегда, даже въ величайшія изъ бѣдственныхъ эпохъ, которыми преисполнена исторія Финляндіи, Финны являются народомъ твердымъ, какъ родные граниты ихъ. Слѣдствіемъ покоренія Кареліи были распри Россіи и Швеціи. Въ Мартѣ мѣсяцѣ, 1294 года, Романъ Глѣбовичь приступилъ къ осадѣ Выборга; но, по случаю разлитія весеннихъ водъ, покрывшихъ лагерь его, онъ долженъ былъ снять осаду и удалиться. Покушеніе Русскихъ овладѣть Выборгомъ понудило Шведовъ обезопасить Финляндію отъ новаго вторженія ихъ—и *Сигге Локе*, по приказанію Торкель-Кнутсона, на берегу Ладожскаго озера выстроилъ крѣпость Кексгольмъ. Въ 1295 году Русское оружіе снова появилось въ

Финляндіи и разорило до основанія вновь построенную крѣпость, не смотря на отчаянное сопротивленіе осажденныхъ. 19 Мая 1301 года Русскіе овладѣли крѣпостью *Ландскрона*, заложенною при устьѣ *Охты* Торкель-Кнутсономъ въ 1298 году.

Въ 1306 году Шведы раздѣлили покоренную Финляндію па три области: Абовскую, къ коей причислялась Эстерботнія, Тавастгузскую и Выборгскую. Въ 1310 году великій князь Михаилъ II Ярославичь снова выстроилъ разоренный Кексгольмъ. Вскорѣ Новгородцы, подъ предводительствомъ Дмитрія Романовича, съ сильнымъ флотомъ прибыли къ землѣ Ямовъ, и сдѣлавъ высадку у залива *Пую* (Pojo), начали опустошать страну. Овладѣвъ рѣкою Черною (Карисъ), они достигли Тавастгузскаго замка и приступили къ осадѣ. Финны защищались храбро, и не смотря на значительное превосходство осаждавшихъ, осада была безуспѣшна, и Русскіе возвратились изъ Финляндіи рѣками Каукала и Перно. Въ 1317 году Шведы съ значительнымъ флотомъ поплыли къ Ладогѣ, опустошая все на пути своемъ. Чрезъ годъ Новгородцы достойно отмстили своимъ врагамъ. Для защиты Ладоги отъ вторичнаго опустошенія князь Георгій Даниловичь заложилъ на островѣ *Пежкинесаари* крѣпость Орѣшекъ, или Орѣховецъ (нынѣшній Шлиссельбургъ). Къ этому времени относится первый миръ между враждующей Россіею и

Швеціею. Шведскіе послы явились къ Георгію Даниловичу съ мирными предложеніями, которыя окончательно утвердились въ Нотебургѣ въ Сентябрѣ 1323 года. Въ силу мирнаго трактата границею между Россіею и Швеціею установлена черта отъ устья рѣки *Сестры* чрезъ Воксу вдоль югозападной границы Кексгольмскаго уѣзда до *Каянеборга*. Миръ этотъ былъ спасителенъ для Финляндіи: она такъ много пострадала отъ безпрестанныхъ грабежей и набѣговъ Новгородцевъ, что ей нужно было отдохнуть и хотя нѣсколько залечить кровавыя раны. Къ несчастію Финновъ, миръ этотъ былъ непродолжителенъ. Шведы, ослѣпляемые фанатизмомъ и подстрѣкаемые лживыми обѣщаніями сановниковъ Латинской церкви, возымѣли несбыточную мысль низвергнуть господствующее въ Россіи православіе и водворить католичество. Король Магнусъ-Эриксонъ, фанатикъ въ душѣ, принялъ личное предводительство надъ войскомъ, и съ крестомъ и мечемъ двинулся на Русь, уповая на успѣхъ своего предпріятія. Война вспыхнула. Русскіе, вѣрные православію своихъ дѣдовъ, съ отчаянною храбростію отразили Шведское оружіе — и Магнусъ, истощенный войною и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, возвратился въ Швецію при общемъ ропотѣ народа, негодовавшаго на неудачу его похода, начатаго вопреки совѣту святой Бригитты. Эта мудрая и добродѣтельная женщина, святая по дѣяніямъ своимъ, была основательницею ордена *св. Сальвадоры*, знаменитаго на

Сѣверѣ. Въ Финляндіи, въ городѣ *Нодендалѣ*, былъ монастырь сего ордена, коего развалины существуютъ и понынѣ. Законы ордена св. Сальвадоры, написанные самою Бригиттою, были чрезвычайно строги: никто изъ членовъ ордена не могъ быть владѣтелемъ какаго бы то ни было имущества; *сестрамъ* запрещалось даже дотрогиваться до серебра или золота. Въ особенности предписано было ею строжайшее молчаніе: до обѣдни никто не смѣлъ шевелить губами.

Въ 1350 году Магнусъ долженъ былъ заключить съ Россіею миръ, котораго основаніемъ былъ трактатъ *Орѣховскій*. Въ этомъ же году, несчастномъ и гибельномъ для Финляндіи, посѣтила ее страшная зараза, извѣстная подъ именемъ *Черной смерти*. Болѣзнь сія, начавшаяся въ Китаѣ, распространилась по Европѣ и занесена была изъ Англіи въ Норвегію на купеческомъ суднѣ, брошенномъ бурею къ берегамъ Бергена. Изъ Норвегіи она быстро перешла въ Швецію и Финляндію — и трети Финновъ не стало!

Въ 1354 году, по старанію епископа *Геммингa*, при Абовской соборной церкви основана библіотека изъ различныхъ подаренныхъ рукописей. Около этаго же времени въ лѣтописяхъ впервые упоминаютъ о школѣ въ Або, въ коей юноши обучались церковному пѣнію, грамматикѣ, діалектикѣ и исторіи. По окончаніи распрей, возникшихъ между Магнусомъ и старшимъ сыномъ его Эрикомъ, Финляндія

вмѣстѣ съ нѣкоторыми провинціями Швеціи была уступлена Эрику. Эрикъ, принявъ бразды правленія, уничтожилъ тягостныя подати, наложенныя на Финляндію въ 1353 году *Бенгтомъ-Альготсономъ*, любимцемъ матери его королевы Бланки. Вскорѣ Бенгтъ-Альготсонъ долженъ былъ оставить Швецію и бѣжалъ за границу. Бланка, оскорбленная паденіемъ своего любимца, рѣшилась отмстить Эрику и отравила несчастнаго вмѣстѣ съ беременною супругою его. Такимъ образомъ Эрикъ палъ жертвою безразсудной страсти своей развратной матери. Примѣръ рѣдкій и почти неслыханный въ исторіи просвѣщенныхъ народовъ.

Со смертію Эрика Финляндія снова перешла во владѣніе Магнуса. 15 Февраля 1362 года лагманъ Финляндіи *Нильсъ Турессонъ Біельке* былъ призванъ вмѣстѣ съ духовенствомъ и съ 12 повѣренными крестьянъ для принятія участія въ выборѣ соправителя Магнусу, которымъ избрали Норвежскаго короля *Гокона-Магнуссона*, младшаго сына Магнуса. Съ этаго времени Финляндцы пользовались правомъ посылать своихъ депутатовъ на Шведскіе риксдаги, или сеймы. Магнусъ недолго сидѣлъ на престолѣ Шведскомъ: обложивъ Швецію и Финляндію тягостными налогами, онъ возбудилъ ропотъ и общее негодованіе въ народѣ; союзъ же его съ Датскимъ королемъ *Вольдемаромъ* и уступка ему Шконіи и другихъ про-

винцій Швеціи довершили народную къ нему ненависть—и престолъ Швеціи предложенъ былъ племяннику его *Альбрехту Мекленбургскому* (въ 1364 году). Магнусъ вооруженною рукою защищалъ права свои, и Альбрехтъ долженъ былъ силою меча вырвать скипетръ изъ недостойныхъ рукъ его. Возгорѣлась война. Альбрехтъ приступилъ къ осадѣ Абовскаго за̀мка, при коей палъ лагманъ *Нильсъ Турессонъ Біельке*, и наконецъ завоевалъ престолъ Магнуса. Хитрый и дальновидный Альбрехтъ, для пріобрѣтенія любви своего народа, тотчасъ же обратилъ свое вниманіе на духовенство, зная его силу и вліяніе на государство. Онъ утвердилъ всѣ преимущества его, даровалъ новыя и подтвердилъ привиллегіи, данныя со временъ Биргера Абовской соборной киркѣ. Знаменитый въ исторіи Швеціи по своему богатству и могуществу *Бу Іонсонъ* въ 1372 году выстроилъ въ Финляндіи за̀мокъ *Расеборгъ*, славившійся необыкновеннымъ богатствомъ и изяществомъ. Въ 1386 году Альбрехтъ, стремясь къ обогащенію казны, хотѣлъ принудить аристократовъ Швеціи уступить казнѣ пріобрѣтенныя ихъ предками казенныя имѣнія. Эта мысль погубила его: возникли неудовольствія—и государственный совѣтъ предложилъ престолъ *Маргаритѣ*, вдовѣ Норвежскаго короля Гокона и дочери Датскаго короля *Вольдемара* III. Маргарита, побѣдивъ въ 1389 году Альбрехта, приняла бразды правленія и утвердила всѣ права и привиллегіи дворянъ, которыми они пользовались до царствованія Альбрехта.

20 Іюля 1397 года, въ Кальмарѣ, въ присутствіи государственныхъ чиновъ Швеціи, Даніи и Норвегіи, подписанъ актъ соединенія трехъ сѣверныхъ королевствъ, и такимъ образомъ образовался извѣстный въ исторіи Кальмарскій союзъ.

Съ 1401 года герцогъ Эрикъ Померанскій дѣлается соправителемъ Маргариты. Въ 1403 году Эрикъ, обозрѣвая Финляндію, даровалъ городу Выборгу многія преимущества. Въ 1407 году онъ снова посѣтилъ Финляндію, учредилъ въ ней высшее судилище *Ландсретъ* (Landsratt) и утвердилъ подати, кои постановлено было уплачивать монетою. Въ 1409 году учреждена школа въ Выборгѣ. Эрикъ, добрый и мудрый монархъ, незабвенный въ исторіи Финляндіи, съ отеческою любовію заботясь о своихъ подданныхъ, отдавалъ неимущимъ казенныя владѣнія за незначительныя подати, строго наблюдая за воздѣлываніемъ земель, годныхъ къ хлѣбопашеству. Народу нужно было лишь трудиться; трудъ награждался Эрикомъ. Учрежденная при соборной церкви библіотека въ 1412 году была значительно увеличена теологическими и юридическими книгами. Касательно податей Эрикомъ утверждено было, чтобы съ цѣлаго геммана уплачивали 10 марковъ, съ дома 5, а съ десятины 2 марка. Имъ утверждено достоинство монеты Прусской и Ревельской, которая принималась казною при взиманіи податей. Эрикъ уничтожилъ всѣ тягостные налоги, обременявшіе крестьянъ

до его царствованія. Имъ же узаконено, чтобы богатые крестьяне платили подать за бѣдныхъ однаго съ ними кирхшпиля. До Эрика на крестьянахъ лежала тягостная обязанность — безъ платы возить на своихъ лошадяхъ нисшихъ чиновниковъ, которые весьма часто во зло употребляли дарованное имъ право. Эрикъ предписалъ, чтобы никто безъ особаго приказанія его не смѣлъ пользоваться этимъ правомъ, и такимъ образомъ онъ снялъ съ народа одну изъ тягчайшихъ повинностей. Вникая въ бытъ неимущихъ крестьянъ, попечительный Эрикъ убѣдился, что не каждый изъ нихъ можетъ вносить подать деньгами, и дозволилъ вносить продуктами, кои оцѣнивались добросовѣстно четырьмя избранными крестьянами и четырьмя коронными чиновниками. Крестьянамъ, жившимъ въ отдаленныхъ кирхшпиляхъ, дозволено было доставлять подать въ зимнее время.

Въ 1435 году Эрикъ раздѣлилъ Финляндію въ административномъ отношеніи на двѣ части, или *Лагсаги*: *южную*, содержавшую въ себѣ всю южную Финляндію съ шерами, Нюландію, западную и восточную Карелію и Тавастландію; и на *сѣверную*, въ коей заключалась сѣверная Финляндія, Сатакунда (нынѣшній Бьернеборгскій уѣздъ), верхняя и нижняя Эстерботнія и Аландскіе острова. Въ этомъ же году Эрикомъ установлено, чтобы ландсретъ, какъ высшее судилище Финляндіи, имѣло ежегодное засѣданіе въ Або за нѣсколько недѣль до праздника св. Ген-

риха. Въ судѣ этомъ, подъ предсѣдательствомъ государственнаго совѣтника, засѣдали: епископъ, нѣкоторые члены консисторіи, всѣ государственные совѣтники, жившіе въ Финляндіи, лагманы, герадсгевдинги и фогды. Ландсретъ былъ доступенъ каждому и, къ чести своего учредителя, рѣшилъ дѣла справедливо, по закону и совѣсти. Ландсретъ было одно изъ благодѣтельнѣйшихъ учрежденій Эрика. Въ 1436 году избранъ правителемъ Швеціи *Карлъ Кнутсонъ Бонде* (Carl Knutsson Bonde). Съ этаго времени Датчане начинаютъ имѣть значительное вліяніе на Финляндію. Они дѣлаются владѣтелями многихъ крѣпостей и зàмковъ, отягчаютъ народъ налогами — и тиранствомъ и необузданнымъ своеволіемъ возбуждаютъ общее негодованіе и ропотъ. Своеволіе Нѣмцевъ доходило до варварства. Комендантъ Факсагольмскаго зàмка (въ Гельсингландѣ) однажды приказалъ запрячь восемь крестьянъ въ борону и шесть въ плугъ. Начальникъ провинціи Далекарліи Іессе Эриксонъ, по взятіи скота для уплаты казенныхъ податей, запрягалъ беременныхъ женщинъ въ возы съ сѣномъ, приказывая погонять и тиранить несчастныхъ. Народъ терпѣлъ, смиренно неся тяжелый крестъ свой; но наконецъ затлѣлась искра народнаго возстанія. Свирѣпость и самоуправство духовенства раздули пламя бунта. Толпы народа, предводительствуемыя Энгельбрехтсономъ и Эрикомъ Пуке, принудили Эрика прибыть въ Стокгольмъ, гдѣ онъ далъ клятвенное обѣщаніе удовлетворить жалобы народа и

наказать виновныхъ. Но Эрикъ не сдержалъ слова царскаго, и въ 1439 году лишился престола, унизивъ вѣнецъ свой, которымъ гордилась Швеція въ эпоху его сорока-двухъ-лѣтняго царствованія. Онъ царствовалъ какъ величайшій и добродѣтельнѣйшій изъ монарховъ — умеръ варваромъ и презрѣннымъ грабителемъ. Лишась престола, онъ удалился на островъ Готландъ, гдѣ въ теченіи 10 лѣтъ содержалъ вооруженное судно для морскихъ разбоевъ. Онъ умеръ въ Помераніи. Въ царствованіе его Финляндію посѣщала нѣсколько разъ язва: въ 1424 году въ Кареліи, въ 1427 году въ цѣлой Финляндіи.

Въ 1440 году Карлъ Кнутсонъ получилъ Финляндію въ пожизненное владѣніе. Въ 1441 году государственные чины Швеціи, собранные въ городѣ Арбогѣ, возвели на престолъ Шведскій племянника Эрика, герцога Христофора. Карлъ Кнутсонъ, въ награду за заслуги, оказанныя имъ во время его управленія, получилъ отъ короля Абовскій, Расеборгскій, Выборгскій, Тавастгузскій и Карсгольмскій замки, съ условіемъ, чтобы государственный канцлеръ *Христіернъ Нильсонъ Ваза* получилъ на 4 года *Расеборгскій* и на 14 лѣтъ *Карсгольмскій* замокъ, послѣ чего они снова переходятъ во владѣніе Кнутсона. Христофоръ, принявъ правленіе надъ Швеціею, утвердилъ представленіе государственнаго совѣта о пониженіи податей и даровалъ многія преимущества Финской церкви. Городу *Раумо* дарованы имъ значитель-

ныя привиллегіи. Имъ же строго запрещено всѣмъ чиновникамъ обижать народъ словомъ или дѣломъ, а крестьянамъ подтверждено безпрекословное исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей. Въ 1442 году Христофоромъ утверждены и исправлены законы *Магнуса Эриксона*. По смерти Христіерна Нильсона Вазы (1442) Кнутсонъ наслѣдовалъ Выборгъ, куда онъ и перенесъ свое мѣстопребываніе, но въ семъ году долженъ былъ уступить королю всю Абовскую губернію. Въ царствованіе Христофора Финляндія страдала отъ неурожая, продолжавшагося нѣсколько лѣтъ сряду. Христофоръ умеръ 1448 года. Какъ скоро вѣсть о смерти Христофора достигла до Карла Кнутсона, онъ тотчасъ отправился въ Стокгольмъ въ сопровожденіи 800 рыцарей и прислужниковъ. При выборѣ онъ получилъ 62 голоса, а двое братьевъ, *Нильсъ Іёнсонъ* (Nils Ionsson) и *Бенгтъ Іёнсонъ Оксенштерна*, 8 голосовъ; почему Кнутсонъ былъ избранъ королемъ Швеціи, подъ именемъ *Карла VIII*. Недостатокъ въ деньгахъ принудилъ Карла снова возвысить налоги; слѣдствіемъ сего было народное возмущеніе, которое однако жъ было усмирено благоразумными распоряженіями епископа *Таваста*. Война, начатая съ Даніею, для чего флотъ и войско также посланы изъ Финляндіи, кончилась несчастливо. Назначивъ въ Або монетчика (1453), Карлъ вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ, чтобы купцы въ Або, за привозимые ими иностранные товары, платили 1 маркъ монетою серебра за товары цѣною въ 40 марковъ,

уплачиваемые купцами въ Стокгольмѣ и Кальмарѣ. Въ 1457 году Кнутсонъ лишился престола. По удаленіи Кнутсона въ Данцигъ, архіепископъ Іёнсъ Бенгтсонъ послалъ въ Финляндію Эрика Аксельсона-Тотта для овладѣнія сею провинціею. Въ этомъ же году ужасный пожаръ Выборга, послѣ долгаго и отчаяннаго сопротивленія, передаетъ его на сторону Датскаго короля Христіана, приглашеннаго занять упраздненный Шведскій престолъ. Христіанъ прибылъ съ сильнымъ флотомъ и утвердилъ привиллегіи Финляндскаго духовенства и епископа Олофа, ревностно преданнаго Кнутсону. По старанію Финляндскаго епископа Конрада *Битца* (Bitz) число пасторовъ увеличено; большія пасторатства раздѣлены на меньшія. Выстроено много каменныхъ церквей и для пасторовъ учреждена больница. Въ 1463 году Христіанъ посѣтилъ Финляндію и прилагалъ усилія возстановить въ семъ краѣ правосудіе и благоденствіе. Думая, что власть его утверждена въ Швеціи, Христіанъ наложилъ на народъ тягостные налоги, поручивъ сборъ оныхъ архіепископу Упсальскому Іёнсу Бенгтсону. За неисполненіе сего приказанія Христіанъ заключилъ архіепископа въ оковы и отвезъ его въ Данію. Слѣдствіемъ сего было народное возстаніе. Христіанъ, побѣжденный въ нѣсколькихъ сраженіяхъ племянникомъ Бенгтсона, бѣжалъ съ своимъ флотомъ въ Данію (1464). Карлъ Кнутсонъ, послѣ 7 лѣтняго отсутствія, призванъ вторично въ Швецію; но по интригамъ выпущеннаго Христіаномъ

архіепископа Бенгтсона (1465) онъ былъ вторично лишенъ престола. Кнутсонъ удалился въ Финляндію и получилъ для своего содержанія Расеборгъ и часть Финляндіи. Архіепископъ называлъ себя государемъ Швеціи, а племянника своего, епископа Линкепинскаго, назначилъ правителемъ. Но недолго Швеція находилась въ рукахъ этаго честолюбца. Въ 1467 году избранъ былъ въ правители Эрикъ Тоттъ. Корону Шведскую въ третій разъ надѣлъ Кнутсонъ, а Бенгтсонъ бѣжалъ на островъ Эландъ, гдѣ и умеръ. Для обезопасенія Финляндіи отъ набѣговъ Русскихъ, заключено было съ Россіею (1468) перемиріе на пять лѣтъ. Въ 1470 истребленъ пожаромъ замокъ *Кусте* (Kuste), при чемъ содѣлались жертвою пламени многіе матеріалы, касающіеся до исторіи Финляндіи. Въ слѣдующій годъ 15 Мая скончался Карлъ Кнутсонъ, назначивъ правителемъ Швеціи *Стена Стуре старшаго*, который утвержденъ въ семъ званіи сеймомъ. Потерявъ сраженіе при Брункебергѣ у Стокгольма, Христіанъ удалился съ флотомъ и уже болѣе не безпокоилъ Стена Стуре. Съ согласія совѣта, правитель уничтожилъ существовавшее постановленіе—въ торговыхъ городахъ имѣть половину магистратскихъ чиновниковъ изъ туземцевъ, другую изъ поселившихся въ городахъ Нѣмцевъ.

Въ 1473 году большая часть города Або сдѣлалась жертвою огня. Въ 1474 году епископъ Конрадъ издалъ статуты для духовенства въ Финлян-

діи. Непрочное состояніе Финляндіи со стороны Русскихъ понудило Эрика Аксельсона Тотта, получившаго Выборгскій зàмокъ для своего содержанія, укрѣпить его и заложить Олофеборгъ (1475), послѣ названный *Нюшлотомъ*. По смерти Эрика Аксельсона (1480), братья его, Иварсъ и Ларсъ, завладѣли Выборгомъ, Расеборгомъ, Тавастгусомъ и Нюшлотомъ, чтобы принудить правителя уплатить имъ издержки, понесенныя Эрикомъ. Ларсъ умеръ, и Иварсъ содѣлался единственнымъ наслѣдникомъ Эрика. На Датскій престолъ, упраздненный смертію короля Христіана, вступилъ сынъ его Гансъ, или Іоганъ II. Первымъ его дѣломъ было вооружиться противъ правителя Швеціи; но дѣйствія его были безуспѣшны, и онъ бѣжалъ въ Данію (1487). Въ 1490 году Русскіе, вторгшись въ Финляндію, начали опустошать сію страну. Миръ, заключенный съ Россіею, продолжался недолго. Въ 1493 году *Кнуту Поссе* было ввѣрено начальство надъ Шведскими войсками. Онъ заключился въ Выборгѣ. Русскіе, осадивъ сей городъ, стояли подъ стѣнами его три мѣсяца; но осада ихъ была тщетна. Наконецъ, когда Русскіе приступомъ завладѣли одною изъ башень крѣпости, храбрый Поссе зажегъ сдѣланную подъ башнею мину, и значительная часть Русскихъ взлетѣла на воздухъ, а другіе, гонимые ужасомъ, бѣжали. Поссе сдѣлалъ вылазку и погнался за бѣгущими, истребляя ихъ своимъ оружіемъ. Эта военная хитрость, извѣстная подъ именемъ: *Выборгскаго треска*, прославила Поссе.

Побѣда сія принудила Русскихъ снять также осаду и съ Нюшлота. Осенью прибылъ правитель Стенъ Стуре съ войскомъ въ Финляндію, и въ награду за заслуги Поссе подарилъ ему провинцію Онгерманландію. Такъ-какъ Финляндія была совершенно разорена, то Стуре принужденъ былъ для ея охраненія расположить войска Шведскія на зимовку въ разныхъ мѣстахъ страны. Въ срединѣ зимы Русскіе вступили въ Финляндію—и пока Стенъ Стуре успѣлъ собрать войско и прибыть на защиту страны, Русскіе разбили разсѣянныя по Финляндіи войска, опустошили Карелію, Тавастландію и Саволаксъ, осадили Тавастгусъ, хотя безъ успѣха — и дошедши до границъ Абовской губерніи и истребивъ до 7000 человѣкъ, они съ богатою добычею возвратились въ Россію, назначивъ Сванте Стуре начальникомъ Финляндіи. Правитель отправился въ Швецію за подкрѣпленіемъ. Между-тѣмъ Русскіе снова вторглись въ Финляндію, предводительствуемые *Петромъ* и *Иваномъ Ушатыми*, и опустошили Тавастландію и Эстерботнію. Сванте Стуре, разбивши ихъ, обратился на Россію и, срывши до основанія Иваньгородъ, возвратился съ богатою добычею. Въ исходѣ года правитель прибылъ наконецъ въ Финляндію, снабдилъ Выборгъ и Нюшлотъ гарнизонами, а Нюландію и Тавастландію оградилъ засѣками. Онъ вмѣстѣ съ Сванте возвратился въ Стокгольмъ. Распри, возникшія между Стеномъ Стуре и Сванте Стуре, и ложныя обвиненія государственнаго совѣта принудили

перваго отказаться отъ правленія — и Датскій король *Іоганъ* (1497) былъ избранъ королемъ Швеціи. Въ замѣнъ престола Стенъ Стуре получилъ пожизненно Финляндію и Нюкепингъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, король Іоганъ принудилъ Стуре возвратить ему Абовской, Выборгской и Нюшлотской зàмки съ принадлежащими землями. Послѣ 4-хъ лѣтняго царствованія Іоганъ лишился Шведскаго престола. Приверженцы Стена, *Генрихъ Битцъ*, Генрихъ Стенсонъ и другіе, осадили Абоскій замокъ—и послѣ двухмѣсячной осады, комендантъ зàмка, Магнусъ Фрилле, сдалъ его, принужденный къ тому находившимся подъ его начальствомъ гарнизономъ. Остальная часть Финляндіи покорена безъ сопротивленія. Стенъ Стуре снова сдѣлался правителемъ. По представленію епископа Лаврентія большіе кирхшпиля, преимущественно въ Саволаксѣ и Кареліи, были раздѣлены на меньшіе. Стенъ Стуре умеръ въ 1503 году послѣ 28 лѣтняго правленія Швеціею. Не смотря на старанія партіи Датчанъ возвратить Іогану II корону Швеціи, выбранъ въ правители Сванте Стуре. Заключивъ миръ съ Русскими на 20 лѣтъ, онъ, съ согласія совѣта, продолжалъ войну съ Датчанами. Въ 1506 году они вступили на Аландъ и сожгли Кастельгольмскій зàмокъ, предводительствуемые адмираломъ *Северином Норбю*, *Тилле Гисле* и *Отто Рутомъ*. Датчане, опустошивъ берега Финляндіи, напали на Або — и, истребивъ большую часть жителей, отвезли остальныхъ въ Копенгагенъ вмѣстѣ съ награблен-

нымъ имуществомъ. Въ слѣдующемъ году Северинъ Норбю покорилъ Кастельгольмъ на Аландѣ. Присланные въ Стокгольмъ Русскіе послы продолжили перемиріе еще на 60 лѣтъ. 2 Генваря 1512 года скончался правитель Швеціи. 19 Генваря въ Арбогѣ собралось дворянство и духовенство для выбора новаго правителя. Большая часть дворянъ и народа были на сторонѣ сына умершаго *Стена Стуре*; духовенство же желало выбрать преданнаго Датчанамъ государственнаго совѣтника Эрика Тролле; но голосъ народа восторжествовалъ, и *Стенъ Стуре младшій* избранъ правителемъ Швеціи. Онъ всячески старался привлечь на свою сторону епископовъ и духовенство; почему дарованы были церкви многія преимущества. Въ 1513 году Іоганъ умеръ. Сынъ его *Христіанъ* II сѣлъ на престолъ Даніи и объявилъ свои притязанія на Швецію. Послѣ тщетныхъ предложеній, угрозъ и обѣщаній, Христіанъ послалъ въ Швецію на судахъ войско подъ начальствомъ *Северина Норбю* и *Карла Кнутсона Рууса*. Стенъ Стуре, вспомоществуемый *Густавомъ Эриксономъ Вазою*, разбилъ ихъ близъ Стокгольма; но вскорѣ Датчане отмстили за побѣду, разоривъ берега Швеціи и Финляндіи. Въ 1518 году Христіанъ, въ твердомъ убѣжденіи покорить Швецію, съ сильнымъ флотомъ прибылъ къ Стокгольму; но высаженныя имъ войска были разбиты на-голову Стеномъ Стуре и Густавомъ Эриксономъ Вазою. Остатокъ побѣжденныхъ едва

спасся на своихъ судахъ. Послѣ неудачной блокировки Стокгольма, Христіанъ, при наступившей зимѣ терпя нужду въ съѣстныхъ припасахъ, приглашалъ къ себѣ правителя Швеціи для мирныхъ переговоровъ. Государственный совѣтъ удержалъ Стена довѣриться праводушію Христіана. Когда же Христіанъ предложилъ личное прибытіе въ Стокгольмъ, если къ нему доставятъ заложниковъ, то къ нему Швеція выслала *Гемминга Гадда, Густава Эриксона, Олофа Рюнинга* и друг. Какъ скоро заложники сіи прибыли во флотъ Христіана, онъ поднялъ паруса и отплылъ въ Данію, увѣнчавъ походъ свой гнуснымъ обманомъ. Въ 1519 году Христіанъ собралъ войско въ Даніи и Норвегіи, навербовалъ 4000 солдатъ въ Германіи и получилъ 2000 вспомогательнаго войска отъ Французскаго короля. Вооруженный всѣми силами, Христіанъ напалъ на Швецію. Датчане, подъ начальствомъ *Отто Крумпе* встрѣтились со Шведами на льду *Боглундскаго* залива. Въ началѣ сраженія Стенъ Стуре былъ смертельно раненъ и вынесенъ съ поля битвы. Получивъ извѣстіе, что Датчане идутъ къ Стокгольму, Стенъ Стуре поспѣшилъ туда — и 3 Февраля 1520 скончался на озерѣ Меларѣ въ саняхъ. По смерти его въ Финляндіи и Швеціи была совершенная анархія. Народъ упалъ духомъ и не хотѣлъ повиноваться властямъ. Одна только *Кристина*, вдова *Стуре*, не теряла мужества и героемъ защищала Стокгольмъ, не принимая участія ни въ перемиріи, заключенномъ съ Датчанами, ни въ

Упсальскомъ сеймѣ, на коемъ Христіанъ былъ признанъ королемъ Швеціи. Прибывъ со свѣжими войсками, Христіанъ послѣ безуспѣшной осады Кальмара подошелъ къ Стокгольму. Геммингу Гадду удалось уговорить Кристину войти въ переговоры съ Датчанами. Христіанъ далъ клятвенное обѣщаніе править Швеціею по существующимъ въ ней законамъ и не мстить за прошедшее, Кристинѣ же обѣщалъ богатыя помѣстья въ Швеціи и Финляндіи. Епископъ *Геммингъ Гаддъ*, посланный съ войскомъ въ Финляндію, занялъ ее для Христіана и во всѣхъ важныхъ крѣпостяхъ назначилъ новыхъ комендантовъ, преданныхъ Датской партіи: *въ Або—Томаса Вольфа, въ Выборгѣ—Рольфа Матсона, въ Тавастгусѣ — Іёнса Матсона.* Возвратившись изъ Даніи, по усмиреніи возникшаго въ семъ государствѣ мятежа, Христіанъ былъ коронованъ въ Стокгольмской соборной церкви 4 Ноября 1520 года. Завладѣвъ престоломъ Швеціи, Христіанъ новою клятвою подтвердилъ безопасность народа, обѣщаясь забыть прошедшее; но на третій день царствованія жажда мести сорвала съ него личину, и распаляемая совѣтами окружавшихъ его царедворцевъ, взволновала кровь тирана — и тысячи невинныхъ жертвъ пали подъ варварскою сѣкирою его. Забыто все: клятвы вѣнценосца, человѣчество, святыня — и Швеція и Финляндія обагрились кровію. 16-го Декабря 1521 года въ Расеборгѣ казнены 80-ти лѣтній старецъ *епископъ Геммингъ Гаддъ* и *Нильсъ Эриксонъ Банеръ*; 27-го Ноября казненъ въ Тавастгусѣ

Оке Іеронсонъ Тоттъ. Пресытившись кровію падшихъ жертвъ, Христіанъ удалился въ Данію, поручивъ правленіе Швеціею архіепископу Густаву Тролле и двумъ Датскимъ епископамъ: *Іенсу Бельденакке* и *Дидрику Слагхекке.* Велико было бѣдствіе Финляндіи подъ тяжкимъ игомъ тирана. Народъ гибнулъ подъ всесокрушающею рукою варвара — гибнулъ за одинъ помыслъ ослушанія его алчному властолюбію. Несчастные Финны, окруженные свирѣпыми клевретами его, смиренно покорились злосчастному року. Но вдругъ рука Провидѣнія послала имъ спасителя въ лицѣ *Густава Эриксона Вазы.* Въ долинахъ *Далекарліи* вооружилъ онъ войско и героемъ двинулся на защиту угнетенной отчизны. Вспыхнула война — и великій Густавъ, разбивъ Датчанъ у *Вестероса*, занялъ Упсалу и осадилъ Стокгольмъ. Христіанъ, раздраженный дерзостью возставшаго юноши, приказалъ снять осаду, угрожая казнить находившееся у него въ плѣну семейство Густава Вазы. Освободитель Швеціи презрѣлъ слова тирана — и мать и сестры его послѣ тяжкихъ мученій умерли въ заточеніи. Въ Сентябрѣ 1521 года Густавъ, увѣнчанный побѣдою, собралъ сеймъ — и Христіанъ низложенъ. Корона Швеціи единогласно предложена была ея спасителю — но онъ отъ нея отказался, принявъ титулъ правителя. Послѣ сего сейма знатнѣйшіе крѣпости и города поднали подъ власть Шведовъ. *Арвидъ Вестгете* посланъ былъ съ войскомъ въ Финляндію. Къ нему присоединился Финскій вельможа *Нильсъ Монссонъ Граб-*

бе и другіе дворяне. *Вестгете*, вспомоществуемый *епископомъ Арвидомъ Куркомъ*, 23 Ноября осадилъ Абовскій зàмокъ. Осада была безуспѣшна. Въ Декабрѣ Вольфъ сдѣлалъ вылазку и, взявши въ плѣнъ брата Шведскаго военачальника *Бенгта Арвидсона* и нѣкоторыхъ другихъ, приказалъ повѣсить ихъ у стѣнъ зàмка. Въ это же время взятъ *Кастельгольмскій* зàмокъ на Аландѣ. Свирѣпый Вольфъ, достойный сподвижникъ Христіана, казнилъ мученически многихъ Финскихъ вельможъ, находившихся въ это время въ Абовскомъ зàмкѣ, между прочими *лагмана Теннеса Эриксона Тотта, Генриха Стенсона* и секретаря своего *Магнуса*. Такая же участь ожидала и *Флемминга*; но онъ вскорѣ до такой степени пріобрѣлъ довѣренность Вольфа, что онъ его почелъ за преданнѣйшаго Датской партіи и поручилъ сдѣлать ему вылазку. Флеммингъ, въ душѣ ненавидя Датчанъ, пылая мщеніемъ къ тиранамъ своей отчизны, принялъ начальство надъ отрядомъ и тайно увѣдомилъ о томъ осаждавшихъ. Датчане, находившіеся подъ его командою, были истреблены. Флеммингъ спасся отъ руки тирана. Осада Абовскаго зàмка продолжалась до 22-го Мая 1522 года, когда подошелъ къ Або адмиралъ *Норбю* и принудилъ *Нильса Арвидсона* снять осаду и отступить въ кирхшпиль *Янакала* въ Тавастландіи. При отступленіи своемъ *Арвидсонъ* зажегъ порохъ, хранившійся въ одномъ каменномъ домѣ города, отъ чего произошелъ пожаръ, а Датчане, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, разграбили Або,

Начальники Шведскихъ войскъ въ Финляндіи, видя, что по ихъ малочисленности они не могли ничего предпринять противъ Датчанъ, раздѣлили свои силы: Эрикъ Флеммингъ ушелъ въ Швецію для соединенія съ Густавомъ Вазою; Нильсъ Граббе остался въ Финляндіи для наблюденія за непріятелемъ. Соскучившись бездѣйственностью, этотъ смѣлый партизанъ вооружилъ небольшой флотъ изъ шхерныхъ судовъ; крейсируя около Финскихъ береговъ, онъ дѣлалъ частыя высадки и, уничтожая съѣстные припасы и разсѣянное войско непріятеля, наносилъ Датчанамъ большой вредъ. Между-тѣмъ сила Датчанъ покорила за̀мокъ *Кусте* и принудила епископа *Арвида Курка* бѣжать въ *Раумо*, оттуда въ *Ульфебю* и наконецъ въ *Эстерботнію* въ кирхшпиль *Нерписъ*, гдѣ еще преслѣдовали его Датчане. Епископъ рѣшился удалиться въ Швецію. Нагрузивъ на суда свое имущество, онъ отплылъ въ Швецію. Внезапная буря настигла его въ открытомъ морѣ — и онъ сдѣлался ея жертвою вмѣстѣ съ людьми и со всѣмъ богатствомъ. Такимъ образомъ погибъ двадцать третій и послѣдній католическій епископъ въ Финляндіи.

Северинъ Норбю, полагая море совершенно безопаснымъ отъ Шведскаго оружія, приказалъ Вольфу собрать значительное число транспортныхъ судовъ и вести оныя съ припасами въ Стокгольмъ подъ прикрытіемъ немногихъ военныхъ судовъ. Эта экспедиція погубила Вольфа: Эрикъ Флеммингъ хитростью

захватилъ его въ плѣнъ и въ *Фурузундѣ* повѣсилъ этаго тирана на мочальной веревкѣ. Флотъ съ транспортными судами частію сожженъ, частію попалъ въ руки Флемминга.

Наконецъ великій Густавъ при помощи *Любека* овладѣлъ Стокгольмомъ и выгналъ Датчанъ изъ Швеціи. Данія, недовольная неудачею оружія Христіана и страдавшая много отъ его жестокостей, отняла у него вѣнецъ царскій — и Христіанъ, преслѣдуемый воплями народа, нагрузивъ на 20 судовъ награбленныя сокровища, вмѣстѣ съ семействомъ отплылъ въ Голландію искать гостепріимства у своихъ родныхъ.

Въ 1527 году 6 Іюня въ *Стренгнесѣ* собрался сеймъ, на коемъ Густавъ избранъ королемъ Швеціи — и ненавистный Кальмарскій союзъ уничтожился, угнетавъ Сѣверъ 126 лѣтъ. Въ эту эпоху Финляндія и Швеція страдали неописанно. Постыдная корысть, необузданное своеволіе, тиранство и безпечность были главною характеристикою королей Кальмарскаго союза. Для одной конюшни *Христофора*, въ царствованіе коего нѣсколько лѣтъ въ Швеціи былъ неурожай, крестьяне обязаны были ставить ежедневно безъ всякой платы по пяти ластовъ ячменю. Когда Швеція требовала у короля защиты противъ морскаго разбойника Эрика, истреблявшаго торговлю,

*

Король хладнокровно отвѣчалъ: надобно же и Эрику чѣмъ-нибудь жить!

Маргарита, Богъ знаетъ за что, названная сѣверною Семирамидою, основаніемъ тягостнаго Кальмарскаго союза воздвигла себѣ въ потомствѣ памятникъ безсмертія, но не безсмертной славы.

Касательно образа правленія Финновъ, до покоренія ихъ Шведами, не находится никакихъ достовѣрныхъ извѣстій.

Древніе историки Сѣвера, равно какъ и Юга, упоминаютъ часто о конунгахъ въ Финляндіи, въ Финмаркіи и въ Біарміи. Замѣчательно, что имена упоминаемыхъ конунговъ Финскихъ совершенно чужды Финскому языку, и что у Финновъ нѣтъ собственнаго названія короля, равно какъ и учрежденій гражданственности. *Кунингайсъ* (Kuningais), король, ясно происходитъ отъ Шведскаго слова Konung; *Туомари* (Tuomari) отъ *Domare* (судья). Все это заставляетъ думать, что Финны, до покоренія ихъ Шведами, не соединялись въ гражданскія общества, и что гражданственность водворилась въ Финляндіи вмѣстѣ съ властью Шведовъ. Впрочемъ можно допустить, что Финны и до Шведовъ имѣли общественныя учрежденія съ туземными названіями, и что съ введеніемъ Шведскаго правленія древнія названія

исчезли и замѣнились Шведскими, исковерканными нарѣчіями Финновъ. Древняя Лифляндская лѣтопись, которой авторомъ, какъ полагаютъ, былъ Лифляндецъ Генрихъ, подтверждаетъ вторую гипотезу. Изъ лѣтописи видно, что Эсты въ древнія времена были свободны и самостоятельны. Для обезопасенія себя отъ набѣговъ они составляли союзы изъ нѣсколькихъ смежныхъ селеній. Союзы эти назывались *Кихла*; всѣ селенія, входившія въ составъ союза, назывались *Кихлакунта* (нынѣ уѣздъ). Эти *Кихлакунты* собирались для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ и рѣшили споры о мирѣ и войнѣ. Подобныя сборища назывались *Керeіе* (*Keröjä*) (названіе, перешедшее на нынѣшніе земскіе суды). Начальство надъ войскомъ поручалось обыкновенно (съ весьма ограниченною властью) сильнѣйшему, опытнѣйшему и болѣе всѣхъ уважаемому лицу.

Что упомянуто въ лѣтописи о Эстахъ, можно примѣнить къ Финнамъ вообще. Впрочемъ это одни предположенія.

Свѣдѣнія о древнихъ религіозныхъ понятіяхъ Финновъ почти столь же темны, какъ и о первобытномъ состояніи сего народа. Почти всѣ свѣдѣнія, касающіяся миѳологіи, должно заимствовать изъ рунъ, которыя, такъ сказать, облечены въ новую одежду, хотя безъ сомнѣнія основаніемъ ихъ служатъ преданія народныя. Финны-язычники не были лише-

ны понятія о будущей жизни; но каково было сіе понятіе — опредѣлить трудно. Кажется, что подъ словомъ *Туонела* (царство мертвыхъ) они разумѣли продолженіе земныхъ удовольствій и занятій; по крайней мѣрѣ они, подобно прочимъ язычникамъ, зарывали вмѣстѣ съ умершими принадлежащія имъ вещи: луки, стрѣлы.

Изъ находящихся въ Финляндіи кургановъ вырыты золотыя и серебрянныя вещи и разныя оружія. Древніе Финны вѣрили въ одно высочайшее, невидимое Существо, называемое ими *Юмала*, имя, коимъ теперь называютъ единаго, истиннаго Бога. *Юмала*, въ понятіи народа, былъ возвышенъ надъ всѣми прочими богами; ему не приписывали никакихъ особенныхъ примѣтъ и качествъ. Онъ былъ единымъ высочайшимъ существомъ, которое невидимо правило міромъ. Въ Біарміи былъ сооруженъ истуканъ сему божеству; низшимъ богамъ не воздвигали кумировъ. Во многихъ сѣверныхъ сагахъ находимъ описаніе этаго кумира. По описанію надобно полагать, что онъ стоилъ несмѣтныхъ сокровищъ. *Вейнемейненъ* былъ богомъ войны и музыки; онъ былъ изображаемъ играющимъ на Финской лирѣ *кантеле*. Руны гласятъ, что когда *Вейнемейненъ* игралъ на *кантеле*, то звуки, ею издаваемые, были такъ чудны и превлекательны, что звѣри лѣсные заслушивались, рыбы стремились къ берегамъ, нимфы водъ спѣшили насладиться сладкозвучіемъ божественной гармо-

ніи — и восторженный *Вейнемейненъ* проливалъ слёзы. Вооруженный щитомъ и мечемъ, онъ имѣлъ чудную одежду и поясъ, украшенный перьями рѣдкихъ птицъ. Къ Вейнемейнену обращались также птицеловы и рыбаки.

Ильмариненъ, богъ воздуха, властвовалъ надъ погодою и вѣтромъ; ему приписываютъ изобрѣтеніе желѣза и кузнечнаго искуства. *Ильмаринену* покланялись при дѣланіи стрѣлъ, умоляли о хорошей погодѣ, о счастливомъ путешествіи.

Надъ громомъ властвовалъ *Укко*, почему громъ называется *погода Укко* (*Ukon Ilma*). Богъ зла и врагъ богамъ былъ гигантъ *Калева;* онъ имѣлъ многочисленное и могущественное племя, которое находилось въ вѣчной борьбѣ съ прочими богами. *Веенъ Эменте* была богинею моря. *Суккаміели* богиня любви. Вотъ главнѣйшія божества, созданныя суевѣрными идолопоклонниками и еще сохранившіяся въ преданіяхъ. Финны покланялись также солнцу́, лунѣ, озерамъ, источникамъ и даже каменьямъ. Слѣды обожанія горъ и камней сохранились до сихъ поръ: въ кирхшпилѣ *Оривеси*, на вершинѣ высокой горы *Эрепюхе*, сложенные квадратные камни показываютъ прежнее назначеніе сего мѣста; многіе озера и пороги носятъ названіе святыхъ (*Пюхе*). Суевѣрные Финны до сихъ поръ въ иныхъ кирхшпиляхъ указываютъ на священныя деревья. Жилищемъ

своихъ боговъ Финны почитали мѣста глубокаго сѣвера. Въ кирхшпилѣ *Кеми*, при рѣкѣ того же имени, есть мѣсто, почитаемое *злополучнымъ*, и *гора мученій*, на вершинѣ которой, какъ утверждаютъ, находится плоскій камень съ девятью отверстіями. Это мѣсто вѣроятно было мѣстомъ жертвоприношеній. Нѣкоторые полагаютъ, что древніе Финны не имѣли жрецовъ и вовсе не приносили жертвъ, ибо въ языкѣ Финскомъ не сохранилось названія того или другаго. Но, быть можетъ, жрецамъ давали тѣ имена, коими нынѣ называютъ духовидцевъ, волшебниковъ, колдуновъ, то есть: *Тіетеіетъ* (Tietäjät), *Интоміехетъ* (Intomiehet), *Ноіатъ* (Nojat).

На счетъ обычаевъ и образа жизни древнихъ Финновъ извѣстія также весьма темны. Достовѣрно извѣстно только то, что земледѣліе процвѣтало у нихъ и до паденія ихъ самостоятельности. Землю удобряли они большею частью выжигою лѣсовъ. Скотоводство улучшилось у нихъ уже послѣ покоренія ихъ Шведами. Замѣчательно, что, тотчасъ по покореніи Финляндіи и приведеніи ее въ Христіанство, Шведы обложили ея жителей хлѣбною податью. Ячмень былъ первымъ хлѣбнымъ зерномъ Финской почвы; рожь начала произрастать на ней гораздо позже. Пчеловодство извѣстно Финнамъ съ незапамятныхъ временъ; о самыхъ пчелахъ упоминается въ древнѣйшихъ вѣкахъ. Первыя ремесла, коими занимались Финны, были, кажется, ткаческое и кузнечное.

Финны умѣли различать металлы и даже умѣли ихъ хорошо обработывать. Изобрѣтеніе желѣза — руны приписываютъ богамъ. Исландскія саги славятъ Финскіе мечи, копья и стрѣлы, кои служили предметомъ ихъ торговли.

Нѣкоторые дни въ году у древнихъ Финновъ почитались священными и праздновались торжественными обрядами, напр: день весенняго посѣва, жатва. Первый день жатвы праздновался торжественнѣе прочихъ: въ этотъ день закалывали и съ разными церемоніями съѣдали овцу, не стриженную съ самой весны. Праздникъ счастливой ловли медвѣдей торжествовали не менѣе дня жатвы: сосѣды собирались вмѣстѣ, дѣлали складчину ячменя и съѣстныхъ припасовъ, наряжались въ праздничную одежду и веселились вмѣстѣ. Сперва приносили медвѣжью голову и вѣшали ее на деревѣ, а потомъ и прочія части его. При этомъ случаѣ обыкновенно вѣнчали молодую чету. Свадьба, рожденіе, погребеніе праздновались у Финновъ торжественно. При всѣхъ торжествахъ употреблялись въ изобиліи крѣпкіе напитки, которые Финны любили съ незапамятныхъ временъ.

Народная поэзія Финновъ родилась вмѣстѣ съ ними. Вымыселъ называется по Фински *руно*, а поэтъ *руноніекка*. Рифма чужда поэзіи Финновъ. Въ новѣйшія времена нѣкоторые писатели начали ее вводить; но съ нею исчезаетъ простота и народность. Отли-

чительное свойство древнихъ поэтовъ Финскихъ состоитъ въ часто встрѣчаемомъ повтореніи предыдущаго стиха, которое его усиливаетъ и придаетъ сладкозвучіе и красоту. Поэты Финскіе воспѣвали дѣянія и похожденія боговъ, память и славные подвиги своихъ предковъ, радость и горе отчизны. Финскія руны можно раздѣлить на три рода: *миѳологическія*, такъ называемыя *чародѣйственныя пѣсни*, коимъ суевѣріе приписываетъ великую силу противъ болѣзней и другихъ несчастныхъ случаевъ, и *лирическія*. Монотонная мелодія древнихъ Финскихъ рунъ сохранилась и понынѣ въ нѣкоторыхъ кирхшпиляхъ; проста ихъ мелодія, но глубоко проникнута меланхоліею. Грустное и таинственно-мрачное пѣніе рунъ сопровождалось у нихъ обыкновенно струнными инструментами; древнѣйшимъ изъ нихъ почитается *кантеле*, коей изобрѣтеніе приписываютъ *Вейнемейнену*. Инструментъ этотъ до сихъ поръ въ употребленіи народа, но форма и число струнъ измѣнились. Изъ духовыхъ инструментовъ извѣстны были Финнамъ гудокъ, дудка и вольторна, которые они дѣлали изъ козлинаго рога.

Нѣкоторыя игры и потѣхи были у Финновъ народными, хотя онѣ болѣе принадлежали дѣтскому и юношескому возрасту. Взрослые занимались пѣніемъ рунъ, или различными играми, гдѣ могли выказать свою силу и проворство: стрѣльбою изъ лука, катаніемъ на лыжахъ, кулачнымъ боемъ и проч.,

чѣмъ они пріобрѣтали еще болѣе силы, мужества и снаровки — качества, коими Финны всегда гордились и славились. Отгадывать загадки — было однимъ изъ пріятнѣйшихъ занятій древнихъ Финновъ. Нѣкоторые историки полагаютъ, что танцы не были извѣстны Финнамъ, основываясь на томъ, что въ Финскомъ языкѣ нѣтъ собственнаго слова, означающаго это удовольствіе. Слѣдовъ многоженства древнихъ Финновъ хотя и не видно въ исторіи, но, судя по соплеменникамъ ихъ Эстамъ, нужно допустить, что оно существовало. Древніе Финны, какъ кажется, подобно прочимъ необразованнымъ народамъ, обращались съ женщинами сурово и безъ уваженія. При празднествахъ обязанность женщинъ состояла въ приготовленіи пищи и питья, но имъ не дозволялось принимать участія въ торжествахъ. Древнія руны намекаютъ на счетъ продажи и покупки Финскихъ дѣвушекъ; но эти намеки такъ темны, что нельзя сдѣлать положительнаго заключенія, отцы ли продавали своихъ дочерей, или дочь по смерти отца считалась наслѣдствомъ оставшихся родственниковъ.

Наукознаніе у древнихъ Финновъ было во младенчествѣ. Впрочемъ имъ были извѣстны цѣлительныя свойства нѣкоторыхъ травъ и растеній; также они были знакомы съ началами астрономіи и умѣли отличать нѣкоторыя созвѣздія: большая и малая медвѣдица, оріонъ, съ незапамятныхъ временъ имѣютъ собственныя Финскія названія, равно какъ и време-

на года. Финскій годъ начинался съ зимы; годы считались зимами; обыкновенно говорили: ему столько-то зимъ *.

Торговый духъ Финновъ едва ли не родился вмѣстѣ съ ними. Достовѣрно извѣстно, что даже въ незапамятныя времена она была обширна и цвѣтуща; предметами ихъ торговли были преимущественно: мягкая рухлядь, китовый усъ, мечи, стрѣлы и прочія оружія, коими славились Финны. Мѣрою оцѣнки товаровъ, какъ кажется, были мѣха̀.

Древнія сѣверныя лѣтописи свидѣтельствуютъ о воинственномъ духѣ Финновъ, ихъ силѣ и о необычайномъ геройствѣ; въ особенности удивляются проворству и искуству ихъ при сраженіяхъ на лыжахъ. Оружіе ихъ состояло изъ палицъ, мечей, луковъ, стрѣлъ, копій и щитовъ (*Kilpi*); они сражались пѣшіе и на коняхъ. Слѣдовъ укрѣпленныхъ мѣстъ не сохранилось до нашихъ временъ; нужно полагать, что Финны въ случаѣ великой опасности укрывались въ дремучихъ лѣсахъ.

Древніе Финны славились чародѣйствомъ и ворожбою, такъ-что даже въ средніе вѣка на Сѣверѣ слова: Финнъ и волшебникъ, была синонимами. Саги повѣствуютъ, что Финны, знакомые съ таинственными силами природы, возбуждали бурю и непогоду и тво-

* Лѣта скотины считаютъ здѣсь и до сихъ поръ зимами.

рили чудеса дивныя, такъ-что иноземцы посѣщали Финляндію, дабы научиться такъ называемому Финскому искуству (Finne-Konst).

Древніе Финны жили, сколько извѣстно, въ деревянныхъ избахъ, худо устроенныхъ, или въ землянкахъ и въ юртахъ, на подобіе существующихъ нынѣ въ Лапландіи.

Съ самаго начала покоренія Финляндіи Шведами она находилась подъ управленіемъ духовенства; когда же епископъ началъ просить помощи у правительства для защиты страны отъ нападеній язычниковъ, то правленіе надъ сею провинціею перешло въ руки правительства. Покоривъ Финляндію, Шведы ввели въ ней свои законы и учрежденія. Съ начала область сія составляла одну *Лагсагу*; но по увеличеніи границъ она была раздѣлена на двѣ части или *Лагсаги*. Учрежденіе *Ландсъ-Ретта* (земскій судъ) было благодѣтельнымъ учрежденіемъ для развитія гражданственности; но къ сожалѣнію, этотъ *Ландсъ-Реттъ* рушился со смертію его учредителя Эрика. Въ началѣ Финляндцы платили подать духовенству и церкви мягкою рухлядью, хлѣбомъ и прочими припасами; коренные жители вносили подать по *Карельскому*, а колонисты по *Гельсингенскому* уложенію. Казенныя подати были весьма ничтожны и также уплачивались сельскими произведеніями; но мало по малу онѣ начали увеличиваться, и наконецъ въ послѣд-

ствіи уплачивались деньгами. Со введеніемъ Христіанства искоренились многіе изъ древнихъ обычаевъ Финновъ и замѣнились новыми, не менѣе суевѣрными. Финны были убѣждены, что священнослужители имѣли власть и могущество Всевышняго, и потому обогащали служителей Рима, надѣясь тѣмъ искупить грѣхи свои. Господствующая мысль сія порождала гнусные обманы, злодѣйства, убійства и тысячи преступленій, кои суевѣрные Финны надѣялись искупить, строя церкви и монастыри и обогащая католическихъ священниковъ. Просвѣщеніе Финновъ начато безъ сомнѣнія католиками, но оно подвигалось медленно; туземный языкъ былъ совершенно запущенъ; объ изящныхъ искуствахъ никто не помышлялъ; въ началѣ XVI столѣтія въ Або не было простаго маляра. Благодѣтельное вліяніе школъ обнаружилось не скоро въ Финляндіи послѣ ихъ основанія, такъ, что тѣ, кои искали хорошаго образованія, должны были посѣщать иноземныя училища. Основаніе первой библіотеки въ Финляндіи положено епископомъ Геммингомъ (1354); она увеличена епископомъ *Магнусомъ Олофсонюмъ*. Число монастырей въ Финляндіи было въ Або и Выборгѣ по два, въ Нодендалѣ, Раумо и въ кирхшпилѣ *Чекаръ* по одному. Число церквей все постепенно увеличивалось и въ исходѣ XV вѣка начали строить каменныя; но кирхшпили были еще такъ обширны, что во многихъ считалось отъ 1200 до 1300 гемановъ; прихожане жили въ разстояніи 12 и 15 миль отъ церкви, почему

многіе не посѣщали ихъ по нѣскольку лѣтъ, и забывая истины спасительной вѣры, заблуждались и умирали подобно язычникамъ. Хлѣбопашество (съ покореніемъ Финляндіи) начало процвѣтать; пчеловодство и рыболовство начали обогащать Финновъ. До Кальмарскаго союза въ Финляндіи не существовало городовъ; города, основанные государями сего времени, были: Або, Выборгъ, Біернеборгъ, Борго, Раумо и Нодендаль. Торговля Або и Выборга съ древнѣйшихъ временъ была въ цвѣтущемъ состояніи; мѣстомъ сбыта товаровъ Финляндскихъ былъ Стокгольмъ. Съ покоренія Финляндіи, можно сказать, она сдѣлалась запаснымъ амбаромъ Стокгольма; всѣ съѣстные припасы, живность и проч. въ огромномъ количествѣ отправлялись безпрерывно изъ Финляндіи. Торговля Нюландіи производилась съ Эстляндіею и и пограничными землями. Карелія отправляла свои произведенія въ Россію и участвовала въ богатой торговлѣ Ганзы съ Сѣверомъ; мѣстомъ складки Кареліи было *Бьеркэ.* Торговля *Эстерботніи* производилась большею частію жителями кирхшпилей *Нерписъ, Мустасаари* и *Педерсери.* Впрочемъ самая обширная торговля Финляндіи была сосредоточена въ рукахъ иностранныхъ купцовъ, кои часто посѣщали сію страну. Обычаи Финновъ того времени сохранились и до нашихъ временъ съ немногими перемѣнами, и потому я поговорю о нихъ подробнѣе въ общемъ обозрѣніи обычаевъ и нравовъ Финновъ слѣдующаго періода. Домы они начали строить лучше,

нежели прежде, хотя вмѣсто стеколъ употребляли смоленое полотно, пузыри, или пергаменъ. Духовныя лица и вельможи отличались въ это время необыкновенною роскошью въ одеждѣ и явствахъ, своеволіемъ и неповиновеніемъ властямъ. Города и мѣста, лежащіе по берегамъ, были довольно населены и обработаны, что видно изъ многихъ, до насъ дошедшихъ, показаній; но верхняя часть Финляндіи, какъ то: сѣверная часть Саволакса и Тавастландіи, не имѣла другихъ жителей, кромѣ кочующихъ Лапландцевъ. На обширномъ пространствѣ, между кирхшпилями Сюзме въ Тавастгуской губерніи и Миккелемъ, не было человѣческаго жилища. Когда епископъ посѣщалъ церкви въ Кареліи, то онъ долженъ былъ ночевать на пути подъ открытымъ небомъ. Народонаселеніе страны, простиравшееся отъ 500 до 600,000 человѣкъ, безпрестанно страдало отъ внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ, голода, заразъ, отъ коихъ въ средніе вѣка, за неимѣніемъ медицинскихъ пособій и отъ незнанія и нерадѣнія, погибло множество людей. Вотъ все, что можно сказать въ короткихъ словахъ о состояніи Финляндіи до восшествія на престолъ Швеціи великаго Густава-Вазы.

Ѳ. Дершау.

ОТЪѢЗДЪ.

(Продолженіе «Семейства».)

День отъѣзда насталъ, и все было въ движеніи съ самаго утра. Ассесоръ прислалъ Фанни огромный букетъ прекраснѣйшихъ натуральныхъ цвѣтовъ, которые она тотчасъ раздѣлила между сестрами. Лагманъ, въ припадкѣ дѣятельности, самъ укладывалъ вещи жены и дочерей, и увѣрялъ, что никто въ свѣтѣ не умѣетъ укладывать лучше и убористѣе его. Съ послѣднимъ согласились всѣ. Что же касается до самаго способа укладки вещей, то онъ встрѣтилъ противниковъ. Дамы утверждали, что онъ «ужасно мнетъ» ихъ платья; но Лагманъ увѣрялъ, что это «не бѣда,» что все «будетъ прекрасно,» и, снявши фракъ, въ потѣ лица трудился надъ чемоданомъ и вашью, слегка ворчалъ при всякомъ платьѣ, которое ему подавали, но въ тоже время говорилъ:

«Есть у васъ еще что, дѣти? Мѣсто найдется, давайте только сюда! Вотъ такъ! Еще, и еще, и еще, и... Ну, будетъ ли когда-нибудь конецъ всѣмъ вашимъ тряпкамъ? Дай сюда, душка! Оставь, мой другъ, я самъ ужъ положу хорошенько! Что такое? «Перемято?» Ну, что за бѣда: можно разгладить! За утю-

гами вѣроятно дѣло не станетъ, да и за руками также! Какъ вы думаете? Вотъ такъ, мои дружечки! Есть у васъ еще что? Тутъ помѣстится еще кое-что.»

Было положено выѣхать тотчасъ послѣ обѣда, чтобы во-время поспѣть на балъ въ Аксельгольмъ, находившійся въ двухъ миляхъ отъ города. За обѣдомъ всѣ были очень веселы, особенно Лагманъ, который былъ такъ доволенъ своей утренней работой, что сообщалъ свое расположеніе духа даже тѣмъ, которые сперва не совсѣмъ одобряли способъ его укладки. Петрея скушала только одну трубочку съ битыми сливками, чтобы не отяготить себя передъ танцами.

«Будьте только непремѣнно готовы ровно къ половинѣ четвертаго,» сказалъ Лагманъ, «когда подадутъ экипажи. Не заставьте меня дожидаться васъ!»

Ровно въ половинѣ четвертаго Лагманъ подошелъ къ дверямъ жены и дочерей и закричалъ: «Маменька, дѣтки! Пора ѣхать. Ужъ половина четвертаго! Коляски поданы!»

«Сейчасъ! сейчасъ!» отвѣчали ему со всѣхъ сторонъ, но Лагманъ не вѣрилъ. Онъ зналъ по опыту, что значило дамское «сейчасъ.» Лихорадка аккуратности уже начинала пронимать его, и онъ, шагая

взадъ и впередъ по залѣ, говорилъ самъ съ собой: «Какъ несносно, что онѣ никогда не могутъ быть готовы во-время! Однако я не буду сердиться; не покажу имъ своей досады, чтобы не испортить ихъ удовольствія. А, признаюсь, нужно много терпѣнія.»

Между-тѣмъ, какъ онъ такимъ образомъ читалъ самому себѣ мораль, послышался изъ библіотеки голосъ Элизы, которая убѣдительнымъ тономъ говорила: «Идите же, дѣти! Ради Бога, не заставляйте папеньку ждать! Вы знаете, какъ это ему непріятно..!»

«Однако онъ ничего не сказалъ третьяго дня», отвѣчала Петрея, «а между-тѣмъ онъ такъ долго дожидался насъ (Я не знаю, куда я дѣвала свои перчатки!)».

«Потому-то именно и не надобно заставлять его дожидаться сегодня», возразила Элиза, «да и никогда болѣе, если это будетъ зависѣть отъ меня: и такъ-какъ вы до сихъ поръ не готовы, то я уѣзжаю безъ васъ». Элиза побѣжала, а за нею весело пустились бѣжать всѣ дѣвицы. Лагманъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что любовь сильнѣе страха. Минуту спустя, всѣ сидѣли въ экипажахъ. Покуда они въ дорогѣ, мы заглянемъ въ

Комнату Леоноры.

Леонора сидѣла одна, подпирая рукой больную голову. Она подавила свои чувства, чтобы ласково отвѣчать на прощальные поцѣлуи матери и сестеръ; она видѣла, что онѣ старались скрыть передъ нею свою радость; особенно огорчило ее дурно скрытое плутовское выраженіе удовольствія, которое она замѣтила во взорахъ матери и Фанни. Она слышала на лѣстницѣ ихъ веселые голоса и потомъ стукъ покатившихся экипажей. И теперь они уѣхали; теперь все въ домѣ было пусто и безмолвно — и крупныя слезы текли по щекамъ Леоноры. Ей казалось, что всѣ ее покинули, что никто не любилъ ея, что она одна въ мірѣ. Вдругъ дверь тихонько отворилась, и въ ней показалось улыбающееся личико; прелестное существо порхнуло въ комнату, подбѣжало къ ней, цѣловало ее, смѣялось и съ плутовскою миной смотрѣло на удивленную Леонору.

«Фанни!» воскликнула Леонора, съ трудомъ вѣря своимъ глазамъ; «Фанни, ты ли это? Какими судьбами?..Откуда ты? Развѣ ты не уѣхала съ другими!»

«Какъ видишь! Я здѣсь — и хочу остаться здѣсь,» отвѣчала Фанни, обнимая сестру и смѣясь съ выраженіемъ счастія на лицѣ.

«Но зачѣмъ? Что это значитъ?»

«Это значитъ, что я другимъ удовольствіямъ предпочитаю удовольствіе быть съ тобой. Я отказалась отъ Аксельгольма со всѣми его чудесами.»

«Ахъ, зачѣмъ! Я не хотѣла этаго.»

«Я это знала; я потому, какъ другіе, надѣла дорожное платье и также пришла проститься съ тобою; я сдѣлала это, чтобы обмануть тебя. Ты на меня не сердишься, не правда ли? Впрочемъ дѣло сдѣлано — и ты ужъ не можешь отъ меня избавиться; смотри же веселѣе на меня, Леонора!»

«Могу ли я быть весела, Фанни, когда ты лишилась изъ-за меня большаго удовольствія и конечно не безъ сожалѣнія. Я знаю, что я совсѣмъ не добра и не любезна, и что ты не можешь любить меня, не можешь пріятно проводить время со мной, и потому жертва, которую ты приносишь мнѣ, не можетъ радовать меня. Тебѣ надобно быть съ веселыми и счастливыми людьми. Ахъ! зачѣмъ ты не поѣхала съ ними!»

«Если ты не хочешь заставить меня плакать, то перестань говорить такъ! Ахъ, ты не повѣришь, какъ меня уже за нѣсколько дней передъ симъ тѣшила мысль отказаться отъ всѣхъ этихъ празднествъ, чтобы

раздѣлить твое одиночество. И это потому, что я люблю тебя, Леонора, и чувствую, что я могла бы любить тебя даже болѣе всѣхъ другихъ. Да! ты сколько хочешь качай головою — а это правда. Вѣдь никто не властенъ въ чувствахъ своихъ—не правда ли, ангелъ мой?»

«Ахъ, но за что бы тебѣ любить меня? Во мнѣ такъ мало такаго, что заслуживаетъ любовь. Всѣ ко мнѣ равнодушны, и я никого не радую собой. Я бы желала умереть. Я часто думаю, какъ должно быть прекрасно умирать.»

«Не совѣстно ли тебѣ такъ говорить, Леонора? Это даже грѣшно. Развѣ тебѣ бы не жаль было опечалить папеньку, маменьку, меня и всѣхъ насъ?»

«Ахъ, ты и братъ и сестры скоро бы утѣшились. Маменька любитъ меня не такъ горячо, какъ другихъ, папенька также. Отилія Р. сказала мнѣ намедни, что всѣ говорятъ, будто меня не любятъ родители.»

«Какъ не стыдно Отиліи говорить такія глупости! Я могу увѣрить тебя, что наши родители любятъ насъ всѣхъ равно горячо. Замѣтила ли ты когда-нибудь, чтобы они отдавали предпочтеніе одной передъ другою?»

«По крайней мѣрѣ, вѣрно не съ намѣреніемъ: они такъ добры и справедливы... Не уже ли ты думаешь, что я не замѣчаю, что когда папенька глядитъ на меня, взоръ его принимаетъ совсѣмъ другое выраженіе, нежели когда онъ смотритъ на тебя или на Луизу? Уже ли ты думаешь, что я не чувствую, какъ холоденъ, какъ принужденъ иногда поцѣлуй, который маменька по милости удѣляетъ мнѣ, въ сравненіи съ тѣми безчисленными поцѣлуями, которые она отъ полноты сердца расточаетъ тебѣ, или Габріели? Но я не обвиняю никого въ несправедливости; я сама вижу, что иначе быть не можетъ. Природа соединила во мнѣ столько неприятнаго, что невозможно любить меня. Ахъ! что ни говори, но счастливъ тотъ, у кого пріятная наружность! Ему стоитъ только показаться, чтобы возбудить къ себѣ благорасположеніе. Ему не трудно быть любезнымъ и любимымъ. Но это тѣмъ труднѣе тому, кто обиженъ природою, какъ я...»

«Напрасно ты такъ говоришь, милая Леонора; я могу увѣрить тебя, что ты къ себѣ несправедлива. Твой станъ, на-примѣръ, совсѣмъ не дуренъ, а въ глазахъ твоихъ такое милое выраженіе; въ нихъ видна и кротость и умъ. Волосы твои шелковисты и прекраснаго каштановаго цвѣта; они бы очень украшали тебя, если бы больше были въ порядкѣ; но погоди, только-что ты выздоровѣешь, я примусь за нихъ, и ты увидишь...»

«А ротъ мой, который идетъ до ушей, а носъ, которыій такой плоской и длинной — какъ ты ихъ передѣлаешь?»

«Твой ротъ? Положимъ, что онъ немного великъ, но за то у тебя ровные зубы — при нѣкоторомъ стараніи они могли бы быть очень бѣлы. А твой носъ —покажи-ка: если бы на немъ было маленькое возвышеніе, маленькой горбикъ, то онъ былъ бы также совсѣмъ не дуренъ. И повернись-ка! Мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется, что онъ начинаетъ возвышаться. Право! Я вижу совершенно ясно начало маленькаго горба. И знаешь ли? когда онъ выростетъ, и когда ты будешь поздоровѣе, и цвѣтъ лица у тебя будетъ свѣжѣе, то я думаю, что ты будешь даже хороша собой.»

«Ахъ, врядъ ли!» сказала Леонора вздыхая, между-тѣмъ какъ невольная улыбка прояснила ея лице.

«Ну, а если ты и не будешь ужъ такъ очень хороша, то ты навѣрное будешь необыкновенно пріятна. Въ тебѣ есть что-то совсѣмъ особенное, и я еще намедни слышала, что папенька замѣтилъ это маменькѣ.»

«Въ самомъ дѣлѣ?» Лице Леоноры болѣе и болѣе прояснялось.

«Право! Впрочемъ, Леонора, что въ красотѣ? Придетъ время, и она исчезнетъ, и ее зароютъ въ сырую землю, и она превратится въ прахъ; да и когда она въ цвѣту, вѣдь она не способствуетъ къ нашему счастію. Въ ней нѣтъ ничего существеннаго.»

Никогда еще могущество красоты не было унижаемо ротикомъ болѣе прелестнымъ. Леонора посмотрѣла на Фанни и вздохнула. Фанни продолжала: «нѣтъ, Леонора, не желай красоты. Правда, что красота доставляетъ иногда пріятныя минуты, но и безъ нея можно снискать любовь и счастіе. Я могу тебя увѣрить, что и теперь ты въ своемъ родѣ могла бы, если бъ хотѣла, заставить любить себя, какъ будто бы ты была первой красавицей въ свѣтѣ.»

«Ахъ, если бы я только могла заслужить любовь окружающихъ! Какъ божественно чувство быть любимою своимъ семействомъ!»

«И ты узнаешь это чувство, милая Леонора, если только захочешь! Ахъ, кабы ты всегда была такою, какъ ты бываешь иногда—нынче даже начинаешь быть все чаще и чаще: ты заставляешь меня любить себя такъ искренно, такъ сердечно»!

«О Фанни!» сказала Леонора глубоко тронутая и прислонивъ голову къ плечу сестры; «я такъ мало заслужила твою любовь, но я постараюсь заслу-

жить ее впредь. Я буду такова, какъ ты бы желала; я постараюсь сдѣлаться доброй и любви достойной.»

«И тогда ты будешь такъ хороша собой, дорога для всѣхъ, такъ счастлива, что любо будетъ смотрѣть на тебя! А покамѣстъ пойдемъ въ мою комнату. Тамъ что-то ожидаетъ тебя; да тебѣ же и надо перемѣнить воздухъ. Пойдемъ, пойдемъ скорѣе!»

«Ахъ, какъ мило!» воскликнула Леонора, войдя въ комнату. Въ самомъ дѣлѣ нельзя вообразить себѣ ничего прелестнѣе этой мирной обители, убранной съ невиннымъ кокетствомъ любви. Воздухъ наполненъ былъ упоительнымъ запахомъ свѣжихъ цвѣтовъ, а солнце весело освѣщало стоявшій у софы столъ, на которомъ привлекательно сіяла корзина съ прекрасными плодами, окруженная множествомъ прелестныхъ вещицъ, со вкусомъ расположенныхъ. Вся комната представляла картину тихаго счастія.

«Здѣсь, милая Леонора, ты будешь жить, пока мы однѣ,» воскликнула Фанни. «Тебѣ будетъ полезно оставить на-время свою комнату. И посмотри: все это приношенія тебѣ отъ каждаго изъ насъ. Эта бронзовая, готическая церковь — отъ Якоби; въ ней лампа; видишь, свѣтъ выходитъ изъ оконъ и озаряетъ церковь снаружи; не правда ли, какъ мило? Вечеромъ мы зажжемъ ее. А эти фрукты—смотри какой чудесный виноградъ! Это мысль Генриха съ Петреей.

Гравюры — подарокъ отъ папеньки; Луиза вышила тебѣ туфли, а маленькая госпожа...»

Леонора сложила руки: «Возможно ли,» сказала она, «что бы вы всѣ такъ занимались мною? Какіе вы всѣ добрые; ахъ! даже слишкомъ добрые!»

«Не плачь, милая Леонора, и будь весела! Видишь, какъ мы всѣ любимъ тебя! По самое лучшее я оставила на закуску. Посмотри, вотъ новый романъ миссъ Эджевортъ! Маменька дала его намъ читать вмѣстѣ. Я буду читать тебѣ его вслухъ хоть до полночи, если хочешь. Луиза приготовила намъ самый вкусный ужинъ; мы велимъ его подать сюда. Мы будемъ кутить по-своему. Возьми одну изъ этихъ большихъ виноградинокъ, которыя держатся на одной вѣткѣ; я возьму другую. За здоровье короля! Ахъ, какъ чудесно!»

Покуда сестры «кутятъ» на своемъ невинномъ пиру, мы посмотримъ, что дѣлается въ большомъ собраніи

въ Аксельгольмѣ.

Не на всѣхъ балахъ бываетъ такъ завидно-весело и непринужденно, какъ на томъ, который давали мѣщане маленькаго городка *** пингъ, гдѣ булочница вальсировала съ кандитершей въ против-

ную сторону, а другіе гости говорили: «все равно — только бы танцовать!» Ахъ, нѣтъ! Такое простодушіе встрѣчается очень рѣдко, а всего менѣе въ «Innocence*,» въ чемъ я сама могу свидѣтельствовать. Тамъ, какъ вездѣ на большихъ балахъ, подводные камни приличій не позволяютъ шагу ступить безъ того, чтобы не наткнуться на разныя обстоятельства пристойности, соображенія, принятыя формы и другія тому подобныя затрудненія, которыя въ сложности составляютъ значительный итогъ скуки. Большой балъ въ Аксельгольмѣ также былъ не безъ претензіи, а потому и не безъ принужденности. Многимъ кавалерамъ казалось, что они слишкомъ стары или слишкомъ важны для танцовъ, а отъ того многимъ изъ танцующихъ дамъ, не рѣшавшимся танцовать между собою въ виду кавалерскихъ лорнетовъ, приходилось сидѣть. Между-тѣмъ все вмѣстѣ представляло живую, веселую картину. Большая танцовальная зала великолѣпно освѣщена и оживлена многочисленнымъ обществомъ. Сейчасъ зачинаются танцы. Кавалеры, собравшіеся въ одну большую группу посреди залы, расходятся въ прямомъ или косвенномъ направленіи къ разнымъ точкамъ дамскаго круга. Какъ цвѣты на грядахъ, сидятъ дамы на скамейкахъ вокругъ залы, по большей части съ скромнымъ, застѣнчивымъ видомъ, между-тѣмъ, какъ нѣкоторыя, въ сознаніи своей эѳирности, какъ бабочки порхаютъ съ мѣста на мѣсто. Всѣ кажутся веселы, всѣ разго-

* Стокгольмскій танцовальный клубъ высшаго общества.

варивают между собою съ тою живостію, съ тѣмъ взаимнымъ благорасположеніемъ, которыя возбуждаетъ блескъ красоты и нарядовъ, увѣренность, что производишь на другихъ пріятное впечатлѣніе, и ожиданіе удовольствія. Вотъ заиграла музыка, и сердца болѣе или менѣе тревожно забились у молодежи. Начались приглашенія къ танцамъ, кавалеры сталкивались съ лакеями, которые безпрестанно разносили чай, всегда пренебрегаемый молодыми дамами. Нѣкоторыя изъ молодыхъ дѣвицъ, окруженныя толпою мущинъ, справлялись съ отмѣтками, сдѣланными на костяныхъ вѣерахъ на счетъ уже обѣщанныхъ танцевъ и, снисходя къ пламенному желанію своихъ обожателей (которые, получивъ отказъ на вторую кадриль, просили о третьей, четвертой, пятой, шестой и доходили даже до двенадцатой), счастливицы наконецъ съ самодовольнымъ видомъ обѣщали тринадцатую, до которой, можетъ быть, и не дойдетъ дѣло, между-тѣмъ, какъ близехонько отъ нихъ другія молодыя дѣвушки безмолвно и одиноко ждали перваго приглашенія, чтобы сказать благодарное и радостное: извольте. Въ числѣ первыхъ, т. е. царицъ бала, отличались Сара и Луиза. Съ ними соперничали три дѣвицы Афтонштерна: * Изабелла, Стелла и Аврора, которыя безпрестанно вертѣлись около графини Соленстроле **, расположившейся противъ большаго трюмо на отдаленномъ концѣ залы. Въ чис-

* Это имя значитъ: *Вечерняя Звѣзда.*

** Имя, значащее: *Лучь солнечный.*

лѣ бѣдняжекъ, поджидавшихъ приглашеній на танцы. была Петрея. Римскія бусы, обвивавшія ея голову, невинность и доброта, которыми дышало юное лице ея, сообщали ей въ этотъ вечеръ что-то необыкновенно пріятное. Сердце ея сильно билось отъ нетерпѣливаго желанія танцоватъ. «Ахъ, если бы...» подумала она со вздохомъ, видя, что двое молодыхъ, щегольски одѣтыхъ кавалеровъ — братья Б. — поднявъ лорнетъ, дѣлали смотръ всѣмъ сидящимъ дамамъ. Они на минуту уставили глаза на Петрею, шепнули что-то другъ другу на ухо, улыбнулись и прошли мимо. Петрея почувствовала себя какъ будто униженною, не зная сама почему. «Ну, вотъ теперь!» подумала она, видя поспѣшно приближавшагося поручика С. Но онъ ангажировалъ «fröken» Т., а Петрея осталась на своемъ мѣстѣ. Музыка заиграла веселый англезъ. Ноги Петреи шевелились и подымались отъ сильной охоты танцовать. «Ахъ!» подумала она, «кабы я была мущина, я бы непремѣнно ангажировала Петрею.» Англезъ пронесся мимо носа Петреи.

«А гдѣ же Фанни?» спросилъ съ досадою Іеремія Мунтеръ у Луизы въ промежутокъ между англезомъ и вальсомъ.

«Она осталась дома съ Леонорой. Она никакъ не хотѣла ѣхать съ нами.»

«Очень глупо сдѣлала. А зачѣмъ же я-то пріѣхалъ сюда?»

«Право, не знаю!» отвѣчала Луиза, улыбаясь.

«Не знаете»? возразилъ Ассесоръ, «такъ я же вамъ скажу, что я пріѣхалъ единственно для того, чтобы любоваться Фанни, когда она танцуетъ; да, да; иначе бы меня здѣсь не было. И какъ это ей пришла глупая мысль остаться дома? Скорѣе бы можно было обойтись здѣсь безъ васъ всѣхъ, не исключая и вашу милость, нежели безъ нея. Особенно ужъ эта Петрея! Къ чему она сюда пріѣхала? Я никогда не былъ къ ней очень расположенъ, а теперь и подавно не буду любить ея, коли она не умѣла остаться дома на мѣсто Фанни. А наша маленькая недотрога туда же, какъ человѣкъ, танцуетъ съ большими кавалерами! Дали бы ей кусокъ сахару въ утѣшеніе за то, что ее оставляютъ дома, и дѣло съ концомъ. Это было бы гораздо лучше, нежели таскать ее по баламъ. Во всѣхъ васъ столько же мало толку, какъ и въ вашихъ балахъ, которые, какъ сегоднешній, надоѣли мнѣ до смерти!»

Эта выходка заставила смѣяться Луизу. Въ ту самую минуту она пошла вальсировать съ Якоби. Когда они пронеслись мимо графини Соленстроле — солнца собранія — она слѣдовала за ними глазами, повторяя: «charmant, charmant!»

Передъ этой парой, которая отличалась легкостью и спокойствіемъ движеній, промчалась другая, которая дикимъ вихреобразнымъ круженіемъ обращала на себя всѣ взоры; то была Сара съ бѣшенымъ Шварцемъ. Блескъ ея красоты и наряда, величавый станъ и пламенный взоръ вырывали у всѣхъ зрителей невольныя восклицанія удивленья и восторга. Смотря на нее, Петрея забыла, что она еще не вставала съ мѣста. По ея мнѣнію, ничего не могло быть восхитительнѣе Сары, мчавшейся въ вихрѣ вальса. Но вотъ эта пара несется мимо сидѣвшей въ своихъ креслахъ графини Соленстроле — и она молчитъ; на лицѣ ея выражается даже неодобреніе. За Сарой и Шварцемъ поплыли Афтоншерны мѣрно и важно. Когда вальсъ кончился, Элиза подошла къ Сарѣ: «не танцуй такъ рѣзво, мой другъ!» сказала ей кроткимъ, но рѣшительнымъ тономъ. Ты знаешь, что это для тебя вредно. Посмотри, какъ тебѣ жарко! ты вся горишь!»

«Это моя стихія!» отвѣчала съ улыбкою Сара; «въ жару я себя такъ прекрасно чувствую!»

«Сдѣлай мнѣ удовольствіе, пропусти слѣдующій танецъ. Право, тебѣ вредно горячиться такъ.»

«Никакъ нельзя! Я дала слово полковнику Г***.»

«Ну, такъ по крайней мѣрѣ не танцуй слѣдующій вальсъ, и если ты хочешь угодить мнѣ, то не танцуй его ни въ какомъ случаѣ съ Шварцемъ. Онъ такъ бѣшено танцуетъ; а это не только нездорово, но и неприлично. и непріятно для глазъ.«

«А я съ нимъ-то и люблю вальсировать!» отвѣчала Сара упрямо и надменно, и удалилась. Съ чувствомъ огорченія и неудовольствія Элиза воротилась на свое мѣсто.

Графиня Солевстроле обратилась къ Элизѣ съ комплиментами на счетъ ея дѣтей.

«Они служатъ лучшимъ украшеніемъ бала», сказала она. «Прелесть! И сынъ—какой милый молодой человѣкъ! красавецъ собой, и манеры такъ *comme il faut*. Чудо! и вообще какой прелестный балъ!»

Изабелла Афтоншерна бросала пламенные взоры на прекраснаго Генриха.

«Тошно смотрѣть на нынѣшнюю пляску!» сказалъ Ассесоръ Мунтеръ, и съ рѣзкимъ выраженіемъ усталости и досады сѣлъ подлѣ Эвелины. «Посмотрите, пожалуста, какъ они мечутся, прыгаютъ, ломаются, какъ будто нарочно, чтобы похудѣть! Господи, Твоя воля! Точно за деньги коверкаются. Желалъ бы я знать, весело ли имъ? Иные работаютъ въ потѣ ли-

ца, другіе бѣснуются, третьи прыгаютъ, какъ куклы. Нѣтъ, лучше поскорѣе убраться, а то, чего добраго, еще заболѣешь съ досады, или одурѣешь, смотря на всю эту кутерму!»

«Вы бы не говорили такъ, если бы Фанни Франкъ участвовала въ танцахъ!» сказала Эвелина съ значительной улыбкой.

«Фанни!» возразилъ Ассссоръ, и лице его внезапно прояснилось. глаза заблестѣли. «Это другое дѣло. Смотрѣть на нее, когда она танцуетъ, это все равно, что смотрѣть на олицетворенную гармонію. Ея станъ, ея поступь, даже малѣйшія ея движенія имѣютъ для меня невыразимую прелесть; я знаю, что эта гармонія, эта дивная красота не одинъ блескъ наружный, но чистое отраженіе ея души.... Я всегда чувствую себя такъ хорошо въ ея присутствіи, и мнѣ всегда хочется благодарить ее за отраду, какую она доставляетъ моей душѣ. Она моя истинная благодѣтельница. Чувства мои къ ней примиряютъ меня съ человѣчествомъ и съ самимъ собою. И какъ они усладительны для того, кто, какъ я, безпрестанно находитъ случай сердиться и досадовать на эти совершеннѣйшія созданія Творца небеснаго!»

«Но зачѣмъ же вамъ сердиться и досадовать на нихъ? У большей части людей есть однако...»

«Сдѣлайте милость, не берите на себя роли ихъ «заступницы,» чтобы втайнѣ гордиться своимъ превосходствомъ надо мною, а не то вы принудите меня ссориться и съ вами! А признаюсь, вы изъ числа тѣхъ, которыхъ я еще сколько-нибудь уважаю. Зачѣмъ я сержусь: можно ли такъ глупо спрашивать? Спросите лучше, зачѣмъ люди такъ глупы и несносны, и зачѣмъ они важничаютъ при всей своей глупости? Спросите, зачѣмъ я самъ угрюмое существо, которому природа дала зоркіе глаза, какъ будто только для того, чтобы видѣть недостатки и дурачества ближнихъ? Но со мной другое дѣло. Кто былъ съ самаго рожденія страннымъ игралищемъ судьбы, кто не видѣлъ у своей колыбели ни отца, ни матери, чье дѣтство прошло безъ благотворнаго вліянія любви—тотъ не зналъ радостей жизни. И со всѣмъ тѣмъ называться Мунтеромъ! Слышите ли, *Мунтеромъ*! * Пусть бы еще назвали Блаціусомъ, Скарніусомъ, Брумеріусомъ, Грублеріусомъ или даже Рабарберіусомъ—это было бы по крайней мѣрѣ кстати; а то Мунтеромъ! Прошу покорно! Этаго однаго довольно, чтобы изсохнуть отъ досады и сдѣлаться медвѣдемъ на всю жизнь! Да еще, къ довершенію всего этаго, страдать съ самаго рожденія насморкомъ и не имѣть возможности смотрѣть на небо безъ того, чтобы не чихать: не правда ли, какъ это весело и утѣшительно? Но это еще не все. Окончивъ курсъ ученія, я проводилъ время надъ книгами и въ анатоми-

* Munter Шведское слово — значитъ *веселый*.

ческихъ кабинетахъ, и корпѣлъ до того надъ наукою, что возненавидѣлъ наконецъ свои ученыя занятія и пристрастился къ красотамъ природы и искуства. Теперь я долженъ благодарить судьбу, что могу снискать себѣ кусокъ хлѣба, смотря съ утра до ночи на человѣческія немощи и слабости, и проводя всю жизнь свою съ желтухой, чесоткой и чахоткой! Послѣ того удивительно ли, что я всегда смотрю такимъ медвѣдемъ? И если бы не было цвѣтовъ на поляхъ и звѣздъ на небѣ, если бы эти звѣзды не обѣщали чего-то чудеснаго, и если бы не было на землѣ цвѣточка — Фанни, прелестной, веселой Фанни, то...» Ассесоръ остановился, на глазахъ его блестѣла слеза, но вдругъ лицо его приняло свое обыкновенное выраженіе; къ нему подошло пять изъ танцующихъ дамъ (онъ долженъ былъ выбрать любую), между прочими и три прелестныя Афтоншерны; всѣ онѣ стояли передъ нимъ, держась за руку и съ плутовскою улыбкою ожидая его выбора. Онъ бросилъ на нихъ суровый взглядъ, всталъ и поспѣшно ушелъ.

Сара танцовала второй вальсъ съ Шварцемъ; они вихремъ неслись по залѣ. Элиза отворотилась съ неудовольствіемъ, между-тѣмъ какъ Петреино сердце билось отъ восхищенія при видѣ танцующихъ, за движеніями которыхъ она слѣдовала глазами. «О! если бы можно было» думала она, «про-

нестись и по пути жизни въ такомъ упоительномъ восторгѣ!»

Это былъ уже шестой танецъ, а Петрея еще не вставала съ мѣста. Она чувствовала, что носъ ея начиналъ краснѣть и пухнуть. «Теперь прощай, надежда на танцы!» подумала она: «никто не захочетъ смотрѣть на такую дурнышку»! Въ эту самую минуту глаза ея встрѣтились со взоромъ матери, остановившемся на ней съ какимъ-то выраженіемъ неудовольствія. Сердце Петреи стѣснилось, но она рѣшилась подавить непріятныя чувства, которыя начинали тяготить ея душу. «Конечно это досадно» подумала она, «но этому нельзя пособить, и я въ томъ невиновата. Къ тому же вѣдь это пройдетъ. И такъ-какъ никто не заботится обо мнѣ, то я сама о себѣ позабочусь.»

Это внезапное рѣшеніе оживило Петрею; она почувствовала непреодолимую потребность движенія, и была готова на самые отчаянные подвиги, чтобы избавиться отъ несносной скуки сидѣть смирно на одномъ мѣстѣ, между-тѣмъ какъ все около нея прыгало и веселилось. Какой-то старый господинъ, сидѣвшій напротивъ Петреи, всталъ въ эту минуту съ своего мѣста съ чашкой чаю въ рукахъ. Петрея въ припадкѣ услужливости кинулась къ старичку, чтобы взять у него чашку изъ рукъ. Но тотъ отступилъ назадъ, не выпуская изъ рукъ чашки, которую Пет-

рея непремѣнно хотѣла взять у него, повторяя очень учтиво: «позвольте, позвольте!» Старичекъ раскланивался. Петрея присѣдала. Но вотъ несется пара, и наши учтивцы получаютъ толчекъ, который показалъ Петреѣ, что чашка вовсе не была пуста, какъ она воображала. Смущенная и испуганная этою неожиданностію, она наконецъ выпустила изъ рукъ свою добычу, и старичекъ отправился искать себѣ мѣстечка, гдѣ бы онъ спокойно могъ докончить остатки пролитой до половины чашки чаю. Что касается до Петреи, то она скорѣе сѣла на первое попавшееся ей пустое мѣсто, возлѣ пожилой и съ виду доброй дамы, которая очень услужливо стала помогать ей вытирать облитое чаемъ платье. Петрея тотчасъ познакомилась съ своей любезной сосѣдкой, завела разговоръ о Сведенборгѣ, хотѣла знать ея мнѣніе о немъ и сама начала сообщать ей свои мысли о духахъ, привидѣніяхъ и пр. Собесѣдница Петреи смотрѣла на нее, какъ будто сомнѣваясь, въ полномъ ли она разумѣ, и поспѣшно пересѣла на другое мѣсто, а ея мѣстомъ воспользовался какой-то военный среднихъ лѣтъ. Онъ тяжело опустился на скамью и вздохнулъ, какъ будто говоря про себя: «Ну, слава тебѣ, Господи! здѣсь меня оставятъ въ покоѣ!» Такъ вѣдь нѣтъ! Онъ не успѣлъ усѣсться, какъ Петрея начала исповѣдывать его въ политикѣ и приставать, чтобы онъ согласился съ нею въ желаніи скорой войны между Швеціею и Россіею. Подполковникъ У** слушалъ съ большимъ хладнокровіемъ всѣ лю-

безности, которыми Петрея его бомбардировала, но не менѣе того это показалось ему немного утомительнымъ; онъ началъ пыхтѣть и наконецъ всталъ съ своего мѣста оставляя Петрею одну съ ея воинскими мыслями. Петрея также встала и отправилась отыскивать кого-нибудь, въ комъ бы она могла найти болѣе симпатіи и сочувствія. «Ради Бога, Петрея, сядь и сиди спокойно на своемъ мѣстѣ!» шепнула ей Луиза, которая встрѣтилась съ нею во время ея странствованія. Но Петрея уже имѣла въ виду какую-то молодую дѣвушку, которую судьба такъ же мало ласкала, какъ и ее, но которая по-видимому далеко отставала отъ нея въ философіи, и чуть не плакала отъ досады и скуки. Петрея, по свойственной ей сообщительности, любила дѣлиться съ другими всѣми своими ощущеніями, мало заботясь о томъ, кстати, или нѣтъ, и имѣя въ своемъ распоряженіи порядочный запасъ храбрости, почувствовала желаніе подѣлиться ею съ своей соучастницей въ бѣдѣ и расположилась возлѣ нея. «Я ни души не знаю здѣсь и умираю отъ скуки!» Таково было сердечное изліяніе, которымъ была встрѣчена Петрея и которое нашло отзывъ въ ея сострадательномъ сердцѣ. Она начала называть молодой несчастливицѣ всѣ лица, которыя она знала въ собраніи; потомъ, чтобы убить какъ-нибудь время, она перенеслась воображеніемъ въ будущность и занялась исполинскими планами и предначертаніями. Она старалась уговорить свою новую знакомую дать ей «честное

слово» въ томъ, что та будетъ содѣйствовать ей въ учрежденіи общественнаго театра, увѣряя, что это бы очень способствовало къ развитію общественной жизни. Потомъ она предложила основать вмѣстѣ заведеніе для сестеръ милосердія въ Швеціи и итти на поклоненіе въ Іерусалимъ; также писать вмѣстѣ романы, и на слѣдующій день, или, лучше сказать, въ наступающую ночь встать ровно въ половинѣ втораго и взобраться на высокую гору, чтобы видѣть восхожденіе солнца. Къ довершенію всѣхъ этихъ плановъ, Петрея предложила своей новой знакомкѣ говорить другъ другу *ты*. Но увы! Ни предпріимчивый духъ Петреи, ни ея исполинскіе планы, ни общественный театръ, ни путешествіе въ Іерусалимъ — и даже дружелюбное *ты* не могли развеселить пасмурную ея собесѣдницу. Петрея догадалась, что приглашеніе на танцы подѣйствовало бы гораздо лучше всѣхъ ея предложеній; мысль, зачѣмъ она не мущина и не можетъ доставить ей это удовольствіе, вырвала у нея глубокій вздохъ; она встала и удалилась отъ предмета своихъ тщетныхъ попытокъ. Взоры ея искали новаго предмета и остановились на графинѣ Соленстроле. Она ослѣпила своимъ блескомъ Петрею, и та вдругъ почувствовала непреодолимое желаніе познакомиться съ нею, быть ею замѣченной — однимъ словомъ, приблизиться къ солнцу общества. Петреѣ казалось, что на ней отразится блескъ ея лучей. Но какимъ образомъ исполнить это желаніе? Если бъ графиня

уронила носовой платокъ или вѣеръ—можно бы было броситься подымать его и, подавая его, сказать какую нибудь вѣжливость въ стихахъ, которые Петрея на всякой случай импровизировала впередъ (въ нихъ была рѣчь о солнцѣ). Это бы навѣрное очень поразило графиню и дало поводъ познакомиться ближе, можетъ быть, даже... Но увы! она не роняла ни носоваго платка, ни вѣера, и Петрея уже теряла надежду пустить въ дѣло свои стихи. Между-тѣмъ таинственная сила (подобная той, которая притягиваетъ планету къ солнцу) влекла ее къ богинѣ собранія. Афтонштерны окружали ее своими лучами и, нагнувъ бѣлоснѣжный затылокъ, украшенный ниткой бусъ, слушали ея шутливыя замѣчанія, а иногда подымали головки, чтобы съ улыбкою отвѣчать на приглашенія къ танцамъ и любезности молодыхъ франтовъ. Все это прельщало Петрею, и она горѣла желаніемъ попасть въ «haute volée.» Тутъ подбѣжалъ къ ней запыхавшись Якоби и ангажировалъ на слѣдующую кадриль. Петрея радостно согласилась-было, но вдругъ, въ припадкѣ желанія дѣлиться своими ощущеніями, покраснѣла какъ піонъ и сказала:

«Позвольте мнѣ принять ваше приглашеніе для другой особы. Если бы вы были такъ добры и ангажировали вонъ ту молодую даму, что сидитъ у окна, налѣво отъ насъ!»

«Что это вамъ вздумалось? Зачѣмъ же вы не хотите?...»

«Я васъ прошу о томъ. Мнѣ веселѣе видѣть, какъ она танцуетъ, нежели танцовать самой»

Якоби сдѣлалъ еще нѣсколько дружескихъ возраженій, но наконецъ исполнилъ желаніе Петреи.

Сладостное чувство овладѣло сердцемъ Петреи, когда она увидѣла дѣйствіе этаго приглашенія на ея новую пріятельницу. Но судьба и Кандидатъ, кажется, рѣшили, что Петрея будетъ танцовать эту кадриль, и представили ей молодаго офицера въ блестящемъ мундирѣ, съ черными глазами, черными волосами, густыми черными усами, воинственнымъ станомъ и надменною физіономіею. У Петреи не было никакаго предлога, да она ничуть и не была расположена отказать этому сыну Марса. Ей никогда не случалось получать такаго лестнаго приглашенія, и вотъ она стоитъ у самыхъ креселъ графини Соленстроле въ одной кадрили съ Афтонштернами и vis-à-vis съ Кандидатомъ. Это очень возвысило Петрею въ собственныхъ ея глазахъ, и она была бы совершенно счастлива, если бы демонъ безпокойства не подстрекалъ безпрестанно ея желанія завязать знакомство съ блестящей, знатной особой, подлѣ которой она стояла. Наступить ей на платье или на ногу — былъ бы конечно довольно легкій способъ; онъ

могъ бы дать поводъ къ краснорѣчивымъ, усерднѣйшимъ извиненіямъ, но въ сущности это все-таки было бы не слишкомъ любезное и ловкое вступленіе. Упасть какъ-нибудь къ ея ногамъ и потомъ, вставая при ея высокой помощи, благодарить ее стихами, въ которыхъ бы рѣчь шла о солнцѣ, было бы конечно лучше, но — теперь была очередь Петреи танцовать.

Не знаемъ, въ слѣдствіе ли долгаго сидѣнія, Петрея не могла хорошенько владѣть своими ногами, или она обезсилѣла послѣ тощаго своего обѣда, или была разсѣяна — только она при первомъ chassé en avant мимо своего vis à-vis подалась не въ ту сторону и наткнулась прямо на него; онъ уклонился въ другую сторону; но Петрея, чтобы поправить свою ошибку, сунулась туда же, а когда Кандидатъ подался налѣво, онъ опять увидѣлъ передъ собой Петрею, которая при этихъ эволюціяхъ задѣла носомъ за жилетъ Кандидата; ноги обоихъ vis-à-vis спутались; и когда Кандидатъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы пройти мимо Петреи, они столкнулись такъ сильно, что оба повалились на полъ. Когда Петрея встала, у нея были на глазахъ слезы; она увидѣла противъ себя двухъ молодыхъ кавалеровъ, братьевъ Б***, которые смотрѣли на нее въ лорнетъ и задыхались отъ смѣха. Быстрый взглядъ, брошенный Петреею сперва на мать, а потомъ на графиню Солепстроле, удостовѣрилъ ее, что первая

не видѣла ея паденія, а послѣдняя — которая улыбалась, закрываясь вѣеромъ — *замѣтила* ее. Первое обстоятельство утѣшило ее въ послѣднемъ: она всячески старалась увѣрить Якоби, которому было очень совѣстно передъ нею, что это была не его вина, а ея собственная, и пр.; потомъ остановила спокойный взглядъ на двухъ стоявшихъ передъ ней кавалерахъ, которые все еще хохотали и храбро продолжала свои «chasses» назадъ. Но все это ничего не значило передъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое сдѣлало на Петрею поведеніе ея кавалера и внезапная перемѣна, послѣдовавшая въ его обращеніи съ нею. Онъ строгимъ взглядомъ прекратилъ неприличный смѣхъ братьевъ Б**, и изъ молчаливаго (онъ до тѣхъ поръ отвѣчалъ очень лаконически «да» или «нѣтъ» на всѣ попытки Петреи вступить съ нимъ въ разговоръ) онъ сталъ разговорчивъ, веселъ и любезенъ съ своей дамочкой, которую всѣми мѣрами старался разсѣять послѣ непріятнаго впечатлѣнія, какое вѣроятно оставило въ ней случившееся — такъ-что даже ангажировалъ ее на англезъ послѣ ужина. Петрея поняла его доброе намѣреніе, на глазахъ ея навернулись слезы, и сердце ея заранѣе билось отъ удовольствія при мысли, какъ она по окончаніи кадрили побѣжитъ къ своей матери и скажетъ: «знаешь, маменька, вѣдь я ангажирована на англезъ послѣ ужина!» Но при хаотическомъ темпераментѣ нашей бѣдной Петреи, ей невозможно было оставаться долго при одномъ какомъ-нибудь чувствѣ или мысли.

Она въ туже минуту терялась въ пучинѣ другихъ чувствъ и мыслей. Такъ было и теперь. Первое ея впечатлѣніе, въ слѣдствіе внимательности къ ней молодаго У**, было: «какъ онъ добръ!» Второе: «можетъ быть, я ему нравлюсь!» Къ этой мысли присоединилось несмѣтное множество новыхъ мыслей. Ей уже мечталось, что поручикъ У** имѣетъ на нее виды, что онъ сватается за нее, и все это сильно воспламеняло ея воображеніе. Она нимало не думала о замужствѣ: «какъ можно!» Но какъ бы было восхитительно имѣть жениха и самой сдѣлаться «предметомъ», какъ Сара и Луиза! Можетъ быть, молодой У** былъ въ близкомъ родствѣ съ графиней Соленстроле, и «племянникъ графини Соленстроле усердно ухаживаетъ за Петреей Франкъ» — какая звучность въ этихъ словахъ! Какое торжество! Тутъ хоть у кого закружится голова. Эти мечты очень ободрили и развеселили Петрею, и она вдругъ превратилась въ настоящую кокетку, которая всѣми мѣрами старалась плѣнить *свой предметъ*, при чемъ маленькая, въ эту минуту очень бѣлая ручка (вѣдь руки также имѣютъ свои прихоти), какъ будто приглаживая волосы, играла не послѣднюю роль. Болтовня и шумная веселость Петреи заставляли часто мать наводить лорнетъ (мать была нѣсколько близорука) въ ту сторону, и обращали на себя взоры Луизы, которые непремѣнно имѣли бы прохладительное дѣйствіе, если бы Петрея въ жару разговора могла замѣтить ихъ. Вниманіе и улыбки окружающихъ Петрея приняла за

знаки одобренія, но ошиблась; ихъ забавляло кокетство въ дѣвушкѣ съ такою некрасивою наружностію. Поручикъ У**, казалось, былъ дѣйствительно плѣненъ ея живостію; онъ продолжалъ послѣ танцевъ начатый съ нею во время кадрили разговоръ и слѣдовалъ за ней въ одну изъ боковыхъ комнатъ, что еще болѣе укрѣпило ее въ надеждѣ, что она овладѣла его сердцемъ. Тутъ сидѣла за арфой Изабелла Афтоншерна и пѣла маленькій Французскій романсъ, который кончался словами:

«Hommage à la plus belle,
Honneur au plus vaillant!»

Весь міръ представился Петреѣ въ какомъ-то очаровательномъ блескѣ; пѣніе перенесло ее въ блаженныя времена рыцарства; поручикъ У** казался ей идеаломъ рыцаря, а зеркало противъ нея отражало ея лице и носъ такъ благосклонно, что, встрѣтивъ въ немъ свои сіяющіе отъ блаженства взоры, она чуть не нашла себя прекрасною. На окнѣ стоялъ горшокъ съ роскошными розами; Петрея сорвала одну и, подавъ ее У**, сказала:

«Honneur au plus vaillant!»

Петреѣ это казалось необыкновенно остроумно и кстати; она втайнѣ ожидала, что ея рыцарь повергнетъ къ ея ногамъ миртовую вѣтку, которую онъ

вертѣлъ въ рукахъ и въ отвѣтъ на ея любезность скажетъ:

«Hommage á la plus belle!»

«Благодарю покорно!» сказалъ У**, взявъ розу съ равнодушіемъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго; но судьба избавила Петрею отъ непріятности ждать напрасно любезности, которую она сама назначила себѣ. Въ залѣ послышалось безпокойное движеніе, и нѣсколько голосовъ кричало: «она падаетъ въ обморокъ!.. Боже мой!.. Сара!..» Миртовая вѣтка, рыцарь, любовныя мечты, все мигомъ исчезло передъ взорами Петреи, и она съ крикомъ испуга бросилась мимо У** въ залу, въ самую ту минуту, когда уносили оттуда Сару, лежавшую безъ памяти. Неумѣренные танцы причинили Сарѣ сильное головокруженіе. Ее тотчасъ отнесли въ спокойную прохладную комнату, гдѣ она, бывъ спрыснута холодной водою и eau de Cologne, скоро пришла въ себя и жаловалась только на сильную головную боль. Сара часто страдала этимъ недугомъ, но у нея было лекарство, которое обыкновенно помогало ей въ такихъ случаяхъ.

«Дайте мнѣ моихъ капель!» сказала она слабымъ голосомъ.

«Гдѣ, гдѣ онѣ?» спросила Петрея съ живостію, которая показывала, что она готова бѣжать за ними хоть въ Китай, если нужно.

«Въ маленькой шкатулкѣ, въ нашей комнатѣ.»

Съ быстротою стрѣлы Петрея полетѣла черезъ дворъ на противоположный конецъ дома. Она обыскала всю комнату, гдѣ находился дорожный скарбъ пріѣзжихъ. Но шкатулки не оказалось. Вѣрно она осталась въ коляскѣ. Гдѣ коляска? Замкнута въ сараѣ. Гдѣ ключь отъ сарая? Петрея съ большимъ трудомъ попала наконецъ туда и, обыскавъ сама съ фонаремъ коляску, наконецъ нашла шкатулку. Но за то и радость ея была велика, когда она запыхавшись воротилась къ Сарѣ и съ торжествомъ подала ей драгоцѣнную сткляночку съ каплями. Въ награду за труды, Петреѣ было дано лестное для нея порученіе отсчитать для Сары 60 капель. Но Сара не успѣла проглотить ихъ, какъ въ-сердцахъ закричала: «Ты отравила меня, Петрея; я умру; это вѣрно Луизинъ эликсиръ!»

Такъ и было. Петрея взяла не ту стклянку. Большое смятеніе.

(*Продолженіе будетъ.*)

[Л]ИСТКИ ИЗЪ СКАНДИНАВСКАГО МІРА.

IX.

Финская Терпсихора. Въ Февралѣ нынѣшняго года Гельсингфорская публика узнала изъ здѣшнихъ газетъ, что ей готовится новаго рода удовольствіе. Одна модистка объявляла, что она приготовила 20 *бѣдныхъ дѣвочекъ къ представленію балетовъ.* Можно вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали такаго новаго зрѣлища. Уже наканунѣ спектакля не оставалось ни однаго непроданнаго билета. И вотъ уже театръ наполненъ любопытными зрителями; уже въ оркестрѣ играютъ полковые музыканты. Наконецъ подымается занавѣсъ. Изъ-за кулисъ выходятъ 20 дѣвочекъ—однѣ въ мужскомъ, другія въ женскомъ платьѣ бѣлаго цвѣта съ розовыми кушаками, съ гирляндами въ рукахъ. Начинается на сценѣ пляска — а въ ложахъ, въ креслахъ, между всѣми зрителями что-то похожее на хохотъ... Черезъ нѣсколько минутъ занавѣсъ опустился; раздались громкія рукоплесканія. Еще три раза являлись юныя питомицы новой Терпсихоры, и всякій разъ повторялось то же

явленіе веселости въ публикѣ. Въ сценѣ изъ *Marchande de modes* дѣйствовала мимически сама изобрѣтательная Муза. Когда она скрылась, ее вызвали, и вдругъ къ ногамъ ея упало брошенное откуда-то яблоко — дань заслуженнаго удивленія... Менѣе смѣху было во время Далекарлійской пляски, потому что она требовала болѣе живости, нежели граціи. Замѣчательно, что всѣ танцы, вмѣстѣ взятые, продолжались едва и 25 минутъ, а публика въ театрѣ должна была просидѣть болѣе двухъ часовъ!... Черезъ два дня спектакль повторился; онъ былъ также дологъ, но ужъ не было даже и прежней веселости. У Финновъ есть свой Аполлонъ — добрый Вейнемейненъ, которому Греческій Фебъ, можетъ быть, братски протянулъ бы руку: но что сказала бы изобрѣтательница пляски, когда бы увидѣла, что ея искуство такъ унижается въ отчизнѣ пятиструнной *кантелы*?

X.

Мы обѣщали продолжать извѣстія о путешествіи г. Кастрéна * по сѣверной Россіи. Послѣднее письмо его получено изъ *Мезеня*. Желая познакомиться съ языкомъ Самоѣдовъ, онъ старался достать переводчика, но во всемъ околоткѣ не могъ найти ни мущины, ни женщины, которые были бы годны къ такой должности, потому - что Самоѣды

* См. Соврем. Т. XXIX, стран. 160.

чрезвычайно преданы пьянству, и только - что путешественникъ нанималъ кого-нибудь изъ нихъ въ переводчики, какъ оказывалась совершенная невозможность пользоваться ихъ услугами. Мезень окруженъ необозримыми равнинами или *тундрами.* «Это слово, говоритъ г. Кастренъ, есть безъ сомнѣнія Финско-Лапландское *тунтури* (которое значитъ *скала*); но странно, что оно здѣсь означаетъ *болото*, на которомъ растетъ мохъ, служащій кормомъ оленей. Въ Лапландіи мохъ растетъ на скалахъ; остальную часть края составляютъ топкія болота. Здѣсь въ Мезенской сторонѣ олень находитъ свой кормъ на самыхъ болотахъ, если почва ихъ довольно тверда. Это хозяйственное значеніе слова *тундра* объясняетъ, какимъ образомъ звонкое *тунтури* съ своимъ величавымъ понятіемъ о высокой скалѣ могло быть унижено до жалкой *тундры*... Вѣроятно, продолжаетъ онъ далѣе, безпрестанно дующій здѣсь рѣзкій вѣтеръ заставляетъ Самоѣда одѣваться теплѣе Лапландца. Онъ въ отношеніи къ одеждѣ — *двойной* Лапландецъ, носитъ двойную шубу, двойную шапку, сапоги двойные. Самая юрта его (чумъ) сложена изъ двойныхъ оленьихъ кожъ; лѣтомъ онъ строитъ себѣ юрту изъ бересты, которая даже вчетверо обертывается вокругъ шестовъ. Люди незажиточные даже и зимою должны довольствоваться жилищами этаго рода; такова была и та юрта, которую я себѣ выбралъ школою языка Самоѣдовъ.»

Самоѣды Мезенской земли раздѣляются по *тундрамъ*, гдѣ они кочуютъ, на три племени: *Канинское*, *Тиманское* и *Большеземельское* *. Говорятъ, что въ отношеніи къ языку, нравамъ и образу жизни нѣтъ никакаго различія между двумя первыми племенами; но оба они значительно отличаются отъ Большеземельскаго, особливо по языку. Для сравненія обоихъ нарѣчій г. Кастренъ рѣшился ѣхать въ *Пустозерскъ*, самое сѣверное Русское селеніе въ землѣ Самоѣдовъ. Онъ выбралъ это мѣсто потому, что оно лежитъ на границѣ Тиманской тундры съ Большеземельскою, и притомъ жители послѣдней зимою собираются въ большемъ количествѣ около Пустозерска. Настоящая почтовая дорога изъ Мезеня въ это отдаленное селеніе идетъ черезъ разныя Русскія деревни до слободы Усть-Цыльмы, а оттуда на разстояніи 250 верстъ внизъ по рѣкѣ Печорѣ. Эта дорога была бы, разумѣется, самая удобная; но добросовѣстный путешественникъ, помня цѣль свою, рѣшился ѣхать по Канинской и Тиманской тундрамъ. «Ибо — говоритъ онъ — чтобы узнать народъ, надобно жить посреди народа.» По этой дорогѣ разстояніе отъ Мезеня до Пустозерска составляетъ верстъ 700. «Къ счастью, продолжаетъ г. Кастренъ, на этой дорогѣ

* Канинское простирается отъ Мезеня прямо на Сѣверъ до Канина носа по берегу Ледовитаго моря; на востокъ живетъ Тиманское племя, отдѣляясь отъ перваго рѣкою Пешею. Печора составляетъ границу между Тиманскою тундрою и Большеземельскою, которая тянется до самыхъ Уральскихъ горъ.

есть нѣсколько Русскихъ деревень и дворовъ, которые могутъ служить для привала и для кабинетныхъ занятій. Таковы: деревня *Несъ*, 100 верстъ къ сѣверу отъ Мезеня, въ которой для *Канинскихъ* Самоѣдовъ устроена церковь, но нѣтъ питейнаго дома (весьма чувствительный для нихъ недостатокъ, какъ видно изъ предыдущихъ расказовъ г. Кастрена), «и *Пеша*, въ 150 верстахъ оттуда, гдѣ находится церковь для *Тиманскихъ* Самоѣдовъ. Я намѣренъ въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ пробыть недѣли по двѣ для изученія Канинско-Тиманскаго нарѣчія».

Въ заключеніе ученый путешественникъ сообщаетъ замѣчательный фактъ, что при окончаніи письма его было 30° мороза по Реом., а часа за два передъ тѣмъ погода была теплая.

XI.

Въ предыдущихъ листкахъ было говорено о Шведскомъ писателѣ Альмквистѣ, объ его неприличной ссорѣ съ другимъ Литераторомъ, и наконецъ о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ его, повидимому не совсѣмъ согласныхъ съ существующимъ устройствомъ общества. Надобно знать, что Альмквистъ носитъ званіе пастора, и потому не мудрено, что толки, въ послѣднее время возбужденные его поведеніемъ, подали поводъ духовному Совѣту (Domkapitel) въ Упсалѣ предложить г. Альмквисту 12 вопросовъ для испытанія,

согласны ли его правила съ ученіемъ вѣры. Альмквистъ, присутствовавшій тогда въ засѣданіи Совѣта, испросилъ нѣкоторый срокъ для обдуманія вопросовъ, и вскорѣ представилъ свои отвѣты письменно.

Чтобы дать понятіе о смыслѣ вопросовъ, приведемъ нѣкоторые изъ нихъ:

— Сознаете ли вы себя обязаннымъ по-прежнему исполнять все то, въ чемъ вы дали обѣтъ и присягу при посвященіи васъ въ пасторы?

—Признаете ли вы какъ истину Св. Писанія, такъ и то, что исповѣданіе наше согласно съ онымъ?

—Сознаете ли себя не въ-правѣ ни открыто возглашать и распространять, ни тайно поддерживать ученія, противныя Св. Писанію?

—Такъ-какъ исполненіе благочестія состоитъ, между прочимъ, въ добромъ, миролюбивомъ и честномъ обращеніи съ людьми; то сознаете ли вы, что не дозволено употреблять для своихъ видовъ какія средства ни попало, и что самоуправство воспрещено Христіанину вообще, особливо же пастору?

Отвѣты г. Альмквиста вообще утвердительны; они отличаются ясностію и опредѣлительностію, написаны съ жаромъ и увлекательно. «Я бы могъ»,

говоритъ онъ, «на всѣ предложенные мнѣ вопросы отвѣчать искреннимъ и безусловнымъ: *да*, и могъ бы тѣмъ ограничиться. Но такъ-какъ многіе въ этомъ короткомъ *да* захотѣли бы угадывать смыслъ тайный и противный моему намѣренію, то я прошу позволенія на нѣкоторые вопросы отвѣчать подробнѣе.» Такъ объясняетъ онъ, на прим., права пастора заниматься, сверхъ своихъ обязанностей, посторонними трудами: не только сельскимъ хозяйствомъ и вообще экономіею, но и литературою, даже изящными искуствами, поэзіею, при чемъ ссылается на многія извѣстныя лица Шведскаго духовенства, изъ которыхъ многія, прибавляетъ онъ, помѣщаютъ статьи въ газетахъ и журналахъ. «Я знаю», говоритъ онъ далѣе, «что мои противники умѣютъ отыскивать въ моихъ сочиненіяхъ выраженія, по ихъ мнѣнію, неблаговидныя. Пусть же они укажутъ на такія мѣста и опровергнутъ меня. Мнѣ кажется, это было бы не только благородно и справедливо, но и единственнымъ средствомъ привести меня къ какому-нибудь доброму результату. Я докажу, что я первый готовъ взять назадъ каждое слово, въ которомъ съ указаніемъ причинъ обнаружатъ неосновательность.»

Осуждая *самоуправство*, онъ напоминаетъ его различіе съ *самозащищеніемъ*, которое «законно иногда и въ случаѣ литературныхъ нападеній, когда необходимость и истина требуютъ отпора въ печати.» Обращаясь къ самому себѣ, г. Альмквистъ замѣ-

чаетъ: «легко было бы доказать, если бъ безъ того не было всѣмъ извѣстно, что я никогда (?) ни литературно, ни инымъ образомъ ни на кого не нападалъ; но иногда я находилъ нужнымъ прибѣгнуть къ защитѣ самаго себя.»

XII.

Въ Стокгольмѣ появилась недавно первая часть Шведскаго перевода *Пѣсень Оссіана* съ Галическаго подлинника. Переводчикъ, извѣстный уже прежде литераторъ, г. Н. Арвидсонъ, присовокупилъ къ этому изданію историко-критическое вступленіе, плодъ долговременныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій, въ которомъ онъ неопровержимо доказываетъ, что пѣсни, собранныя Макферсономъ подъ именемъ Оссіановыхъ, никакъ не могутъ быть подложными. Въ числѣ доводовъ г. Арвидсона особенное вниманіе заслуживаетъ замѣченное имъ сходство между пѣснями барда Шотландскаго и произведеніями древней Скандинавской поэзіи. Что касается до степени древности Оссіановыхъ пѣсень, то Шведскій ученый полагаетъ, что ихъ происхожденіе должно быть отнесено по крайней мѣрѣ къ 1-му вѣку передъ Р. Х., если не далѣе. Потомъ онъ весьма основательно и подробно разсматриваетъ размѣръ стиховъ въ Оссіановыхъ пѣсняхъ и указываетъ въ нихъ на особенный родъ *рифмы*, что еще только недавно открыто другимъ критикомъ Оссіана, Мак-Грегоромъ: рифма

эта состоитъ въ томъ, что иногда черезъ всю пѣсню идутъ сходныя гласныя въ концѣ стиховъ, однако жъ безъ всякаго вліянія на близстоящія согласныя. Переводъ, сдѣланный стихами съ соблюденіемъ по возможности размѣра подлинника, вообще удаченъ; къ нему присоединены разныя примѣчанія, объясненія и нѣкоторыя музыкальныя ноты. Въ изданной доселѣ 1-й части заключается 14 пѣсень.

XIII.

Анекдотъ. Одинъ Упсальскій студентъ, большой проказникъ и мастеръ пѣть, ѣздилъ иногда тихонько, во время учебныхъ курсовъ, въ Стокгольмъ, но всегда устроивалъ такъ, чтобы тамъ не столкнуться какъ-нибудь съ отцомъ, который вовсе не любилъ шутить. Разъ, не смотря на всѣ предосторожности, этотъ студентъ пріѣхавъ въ Стокгольмъ, встрѣтилъ на какомъ-то мосту отца своего; однако жъ не обратилъ на него вниманія и хотѣлъ пройти мимо, какъ вдругъ тотъ остановилъ его. «Какими судьбами ты попалъ сюда?»—Позвольте узнать, отвѣчалъ студентъ, съ кѣмъ я имѣю честь говорить? — «Какъ, ты меня не узнаешь?» — Извините, вѣрно какая-нибудь ошибка... — «Что съ тобой, развѣ ужъ ты не хочешь признавать отца своего?» — Милостивый государь! извините, я васъ никогда не видывалъ. — «Какъ?.. ужели?.. странное сходство. Извините: видно... но не ужели?.. видно, я ошибся!» Сынъ преважно рас-

кланялся съ отцомъ, и оба пошли своей дорогой. Предвидя, чтó за этимъ непремѣнно послѣдуетъ, молодой человѣкъ, не теряя ни минуты, поскакалъ назадъ въ тихую обитель музъ: надобно сказать мимоходомъ, что отъ Стокгольма до Упсалы верстъ семдесятъ. Пріѣхавъ въ Упсалу, онъ тотчасъ заперся въ своей комнатѣ и съ необыкновеннымъ прилежаніемъ сѣлъ за книгу. Не прошло получаса, какъ въ комнату его входитъ присланный изъ Стокгольма слуга отца его. «Батюшка приказалъ кланяться и узнать о здоровьи вашей милости». — Скажи батюшкѣ, что я слава Богу здоровъ, и самъ бы написалъ ему, но такъ занятъ, что день и ночь сижу за дѣломъ. —

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

52. Исторія Малороссіи, Николая Маркевича. *Четыре тома. Въ* 8; 387, 673, 506 *и* 583 *стран.*

Эта книга вышла теперь очень кстати. Многіе изъ Русскихъ писателей обработываютъ тотъ же предметъ. Особенно любопытно сокращеніе Малороссійской исторіи, напечатанное въ журналѣ: *Библіотека для Чтенія* (Апрѣль, 1843, Отдѣл. VI, стран. 51). Вотъ оно: «Въ XIII стол., когда Плано Карпини проѣзжалъ черезъ Кіевъ, вся Малороссія, въ самомъ обширномъ значеніи этаго слова, исключая Кіевъ, но включая сюда и Подолье, была чистая степь. Монголы превратили прежнее великое княжество въ безлюдную пустыню и пасли по немъ свои стада, подъ начальствомъ темниковъ великаго хагана. Когда Литовцы мало по малу оттѣснили Татарскіе улусы и заняли Кіевъ, они получили во владѣніе страну, почти вовсе *необитаемую*. Прежнее народонаселеніе было *совершенно* истреблено или разогнано. Литовцы уже начали населять эту пустыню людьми, выводимыми изъ своихъ областей, изъ Пинскихъ болотъ,

изъ сѣверной Волыни и изъ Червленной Руси: эти-то переселенцы принесли съ собою въ Малороссію и тотъ языкъ, который нынче извѣстенъ подъ названіемъ «Малороссійскаго». Литва почитала этотъ край своей колоніей, и совершенно справедливо: это была Литовская колонія, и притомъ военная колонія, для защиты новыхъ границъ отъ Татаръ. Литовскіе дворяне получали здѣсь пустыя земли, съ условіемъ приводить сюда часть своихъ холопей, строить зàмки и села, и одной рукою разработывать степи, а другою защищаться отъ «поганыхъ». Когда Литва соединилась съ Польшею и хозяйственнымъ образомъ уступила ей Волынь и Червленную Русь, Польскіе дворяне на тѣхъ же условіяхъ переводили сюда своихъ крестьянъ и сами основывали среди ихъ свое пребываніе. Въ то же время, на островахъ Днѣпра и въ самой глубинѣ степей, составилось скопище изъ бѣглецовъ Литовскихъ и Польскихъ, которые покидали своихъ законныхъ владѣльцевъ и новыя поселенія, чтобы жить *своей головой*. Ядро этаго скопища существовало еще при Татарахъ, у которыхъ *черныя кости* (простолюдины) были крѣпки *бѣлымъ костямъ* (начальникамъ улусовъ), и пользовались всякимъ случаемъ, особенно заслуживъ наказаніе, чтобы спасаться бѣгствомъ и *казакламакъ*, «жить дикими гусями», то есть, на свободѣ. Отсюда названіе ихъ — *казакъ*, «дикій гусь», «сѣрый гусь», «гусакъ» (Это мнѣніе, подтверждаемое этимологіею, Б. д. Ч. заимствовала, какъ должно догадываться, изъ сочи-

ненііі Гоголя, который первый открылъ, что казака, или Малороссіянина, можно назвать *гусакомъ*. *Сочиненія Н. Гоголя*; *т. II*; *стран.* 410). *Гусакъ*, у Венгерскихъ Словаковъ, имѣлъ точно такое же происхожденіе и тотъ же самый смыслъ; «гусакъ»: такъ назывались у Татаръ и у Венгерцовъ люди, состоящіе въ-бѣгахъ отъ своихъ господъ, бѣглецы, промышлявшіе большею частію разбоемъ, члены «вольницъ». Татары называли ихъ еще *черкесами*, исковерканнымъ словомъ изъ Персидскаго *серкѐшъ*, которое значитъ «бунтовщикъ», «мятежникъ». По-этому слова *казакъ*, *гусакъ* и *черкесъ* сначала часто были употребляемы безъ разбору въ Малороссіи, Литвѣ и Польшѣ. По мѣрѣ населенія степей Литовцами и Поляками, скопище «гусаковъ» неизбѣжно умножалось. Къ нему охотно присоединялись Московскіе бѣглецы. Часто также и Татарскіе «гусаки» находили здѣсь пристанище. Между законными владѣльцами новыхъ зàмковъ и этимъ скопищемъ съ самаго начала существовала уже непримиримая вражда. Владѣльцы почитали этихъ людей своими бѣглыми холопями; тѣ, естественно, ненавидѣли ихъ какъ своихъ прежнихъ господъ, отъ которыхъ они укрывались въ укрѣпленномъ притонѣ, или Сѣчи. Одна только общая опасность отъ Татаръ заставляла обѣ стороны щадить другъ друга: предпріимчивый духъ «гусаковъ», которые для грабежа пускались въ отчаянные походы на «басурманъ», была даже полезна владѣльцамъ, и они терпѣли Сѣчу, находясь впрочемъ въ постоян-

номъ раздорѣ съ нею. Стефанъ Баторій прекратилъ на-время эти опасныя несогласія, присвоивъ скопищу бѣглецовъ законное существованіе. Заботливости этаго государя живо представилась вся польза, которую можно было извлечь для безопасности границъ изъ шайки, уже весьма многочисленной и сильной въ его время, если придать ей образованіе отдѣльнаго военнаго корпуса. Король далъ ей точное устройство янычарскаго войска, почитавшагося тогда за образцовое. Съ того времени могущество и слава Сѣчи быстро стала усиливаться. Казачество было облагорожено, возведено въ санъ государственнаго учрежденія, почиталось правильною службою. Искатели приключеній начали стремиться къ нему изъ всей Литвы и Польши. Многіе владѣльцы поселеній, чтобы усилить свое вліяніе на мѣстныя дѣла, вступили въ казачество, которое такимъ образомъ очень скоро распространилось и начало даже заводить свои собственныя поселенія. Прочіе владѣльцы, очень естественно, сопротивлялись разрастанію новаго элемента и тѣмъ упорнѣе защищали права свои противъ посягательствъ войска, что оно подкапывало ихъ законную собственность: холопи ихъ, приведенные сюда изъ отдаленныхъ отчинъ, въ душѣ держали сторону казачества и завидовали свободѣ тѣхъ, которые «оказачились» вмѣстѣ съ своими господами. Наконецъ религіозныя несогласія и ужасъ Уніи подали знакъ къ явной ссорѣ между войскомъ и владѣльцами. Вспыхнуло открытое междоусобіе. Извѣ-

стно, чѣмъ оно кончилось. Бѣглые холопи, основаніе войска, и присоединившіеся къ нему дворяне, выгнали владѣльцевъ изъ ихъ законной собственности и оказачили ихъ родовыхъ крестьянъ. Войско овладѣло всѣмъ краемъ. Кто тутъ былъ правъ передъ лицемъ и правосудія и справедливости? Конечно, не войско! Какое право имѣли прежніе холопи лишать своихъ владѣльцевъ, первыхъ и законныхъ хозяевъ населеннаго ими края, ихъ наслѣдственной собственности, или вступившіе въ казачество дворяне выгонять своихъ собратовъ изъ ихъ имѣній? Одно только буйство и насиліе могли почитать такой поступокъ позволительнымъ». Сочинитель этой исторіи Малороссіи, какъ видно, пользовался ошибочными показаніями Польскихъ историковъ. До 1320 года Малороссія составляла собственность Великороссійскихъ Великихъ Князей. И послѣ сего еще въ продолженіе ста лѣтъ Кіевъ, по духовному управленію, состоялъ въ вѣдѣніи Великороссійскихъ Митрополитовъ. Если бы Малороссія, какъ расказываетъ Б. д. Ч., дѣйствительно была колоніею Литвы и Польши; то между Малороссіянами и Польскимъ правительствомъ не могло бы возникнуть религіозныхъ несогласій и не явилась бы Унія съ своими ужасами. Нѣтъ: Гетманщина и Сѣча, принесшія все, что только есть драгоцѣннаго и святаго на землѣ, для искупленія православной Вѣры и Русской своей народности, не похожи были на *Литовскихъ и Польскихъ холопей*, какъ ихъ называетъ

Б. д. Ч., а на истинно-Русскихъ рыцарей, которыхъ исторія составляетъ блестящій эпизодъ въ общей исторіи Россіи. Ихъ временное отлученіе отъ отчизны, перемѣну языка, особый бытъ и нравы должно изъяснять тогдашнею эпохою, ихъ мѣстностію и политическими обстоятельствами ихъ сосѣдей. Вотъ почему и сказали мы, что сочиненіе г. Маркевича появилось кстати. Оно представляетъ картину съ другой, болѣе вѣрной точки зрѣнія. Оно обогащено историческими матеріалами, изъ которыхъ многіе еще были неизвѣстны. Два послѣдніе тома его содержатъ указанія на источники и выписки изъ нихъ. Мы еще довольнѣе были бы этимъ сочиненіемъ, если бы въ немъ подробнѣе изложены были постоянныя отношенія Малороссіи къ центру ея отечества, т. е. къ Москвѣ. Но это мало по малу восполнится, тѣмъ несомнѣннѣе, что труды Археографической Коммиссіи съ каждымъ годомъ проливаютъ на этотъ предметъ болѣе и болѣе свѣта.

53. *Сводъ постановленій* о домашнихъ наставникахъ, учителяхъ и учительницахъ. *Въ* 12; *II и* 61 *стран.*

Домашніе наставники и учители пользуются нынѣ въ Россіи выгодами и преимуществами лицъ, состоящихъ въ дѣйствительной службѣ: такова заботливость Правительства о воспитаніи вообще. Упоминаемая здѣсь книжка очень полезна для особъ,

которыя пожелаютъ обстоятельно и подробно ознакомиться, какъ съ обязанностями домашнихъ наставниковъ и учителей, такъ и съ тѣми правами, которыя закономъ предоставлены этому полезному въ государствѣ сословію.

54. Статистика Царства Польскаго, *по Высочайшему повелѣнію составленная кол. сов.* Завелѣйскимъ. *Въ* 8; 207 *стран.*

Мы давно чувствовали нужду въ хорошей статистикѣ Царства Польскаго. Напечатанное нынѣ сочиненіе отличается не только вѣрностію данныхъ, которыя всѣ почерпнуты изъ пособій оффиціальныхъ, но и прекраснымъ планомъ состава.

55. Путевыя записки по Россіи *въ двадцати губерніяхъ: С. Петербургской, Новогородской, Тверской, Московской, Владимірской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Херсонской, Екатеринославской, Полтавской, Кіевской, Черниговской, Могилевской, Витебской, Псковской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Симбирской.* Михаила Жданова. *Въ* 12; 212 *стран.*

Это не статистическіе и не историческіе матеріалы, а замѣтки путешественника о разныхъ случаяхъ, которыми сопровождалась его поѣздка. Чте-

ніе такихъ легкихъ расказовъ можетъ привлечь иногда болѣе вниманія, нежели серьёзный взглядъ на физическое состояніе края и промышленность его. Мы только сожалѣемъ, что авторъ не вздумалъ соединить пріятнаго съ полезнымъ, т. е., что онъ не внесъ въ свои наблюденія какихъ-нибудь положительныхъ свѣдѣній о каждой губерніи, что сообщило бы его книгѣ достоинство болѣе прочное.

56. **Полный обзоръ твореній Фридриха Шиллера.** Я. С. *Въ* 8; 109 *стран.*

Можно подумать, судя по заглавію, что авторъ, изучивъ великаго поэта, открылъ въ немъ новыя стороны искуства и поспѣшилъ подѣлиться съ читателями. А онъ даже и вниманія не обратилъ на то, что уже было сказано о Шиллерѣ. Онъ только противопоставляетъ его Вольтеру и Руссо.

57. **Увражъ.** *Стихотворенія* Константина Скосырева. *Въ двухъ отдѣленіяхъ. Въ* 12; 99 *и* 64 *стран.*

Не понимаемъ, мистификація это, или пародія? Трудно вообразить, чтобы столь жалкія произведенія издаваемы были не въ-шутку.

58. **Шпіонъ.** *Приключеніе* 1842 *года. Сочиненіе* М. Куражсковскаго. *Въ* 12; 54 *стран.*

Вотъ и еще плоды музы въ родѣ предыдущихъ.

59. Статейки въ стихахъ. *Безъ картинокъ. Т. I. Въ 16; 31 стран.*

Все это стихотворныя шуточки, отъ которыхъ совсѣмъ не весело. Можетъ быть, есть въ нихъ и тайный смыслъ; но кто захочетъ добиваться разгадки въ многословіи, похожемъ Богъ на что.

60. Очерки Русскихъ нравовъ, *или* лицевая сторона и изнанка человѣческаго рода. *Сочиненіе* Ѳаддея Булгарина. *Выпуски: I, II, III, IV, V и VI. Въ* 4; 46 *и* 50 *стран.*

Безъ сомнѣнія многіе слыхали, что Ѳаддей Булгаринъ нѣкогда началъ-было издавать книгу: *Россія*, сочиненіе, которое назначалъ онъ для всѣхъ состояній. Духъ времени увлекъ его за собой въ другую сторону. Онъ рѣшился продолжать *свою Россію*, но уже не скучною книгою, а въ видѣ собранія картинокъ, на которыя теперь вездѣ такая мода. При картинкахъ онъ прикладываетъ понемножку и своей прозы, которая по-обыкновенному скучновата. Въ заглавіи новаго его сочиненія не понравилось намъ какое-то отсутствіе логики: *Очерки* Русскихъ *нравовъ* — это такъ; а послѣ: *лицевая сторона и изнанка* человѣческаго рода. Развѣ то, что поражаетъ наблюдателя въ *Русскихъ* нравахъ, есть уже принадлеж-

ность и *всего рода человѣческаго?* Вотъ нѣкоторыя названія изъ любопытныхъ предметовъ, подмѣченныхъ авторомъ и вносимыхъ имъ въ *изображеніе рода человѣческаго*: Русская ресторація, Гостиный дворъ, Извощикъ-ночникъ и т. п. Странно, что значенія слова *ночникъ* до сихъ поръ не знаетъ нашъ писатель.

61. Голь хитра на выдумки, *расказъ* П. М. *Въ двухъ частяхъ. Въ* 8; 28 *и* 23 *стран.*

И этотъ расказъ по-справедливости можно отнести къ разряду *Очерковъ*, въ которыхъ показываются читателямъ лицевая сторона и изнанка рода человѣческаго, или Русскихъ нравовъ.

62. Мужъ подъ башмакомъ; *литературный фарсъ.* Дочь губернскаго секретаря; *литературный фарсъ. Двѣ тетради. Въ* 8; 27 *и* 35 *стран.*

Здѣсь, по крайней мѣрѣ, открыто всѣмъ, чего они должны ожидать отъ брошюры. Охотники до фарсовъ займутся ими съ достодолжнымъ вниманіемъ, а не чувствующіе къ нимъ поползновенія пропустятъ ихъ съ достодолжнымъ пренебреженіемъ: и всѣ правы, и всѣ довольны.

63. Мои фантазіи. *Сочиненіе* Павла Ильина. *Въ* 12: 58 *стран.*

Въ книжкѣ своей авторъ собралъ то, что ему случилось написать и прозою и стихами. Есть тутъ расказы, разсужденія, сцена изъ трагедіи и просто маленькія стихотворенія—что все, по его убѣжденію, образовало *его фантазіи.* Мы однако же не согласны съ нимъ, понимая это слово въ истинномъ его значеніи. Фантазія не простое возсозданіе природы, а стремленіе къ новому творчеству, гдѣ часто является и нарушеніе законовъ нашего міра. Но въ фантазіяхъ г. Ильина все очень обыкновенно.

64\. *Естественная исторія для дѣтей.* Царство животныхъ. *Сочиненіе* С. Усова. *Въ* 4; 56 *стран.*

Наконецъ мы добрались до книги, которую можно назвать полезною. Изученіе естественной исторіи необходимо для дѣтей. Оно обогащаетъ ихъ умъ познаніями существенными и къ дѣлу примѣняемыми въ жизни. Картинки, приложенныя къ этой книжкѣ, облегчаютъ дѣтской трудъ. Надобно автору обратить болѣе вниманія на текстъ. Еще слѣдуетъ сообщать болѣе занимательности и болѣе точнаго воззрѣнія на предметы.

65\. Грамматическія бесѣды, *изданныя* Евстаѳіемъ Ольдекопомъ. Русскій языкъ. *Въ* 8; *XV и* 128 *стран.*

Упрощеніе Русскихъ спряженій составляетъ замѣчательную заслугу автора на поприщѣ нашей грамматики. У него цѣль чисто практическая. Вотъ почему его книга особенно полезна для иностранцевъ: Русскіе же доходятъ до этаго не изученіемъ правилъ или замѣчаній, а навыкомъ.

66. Горное искуство. *Учебное руководство съ чертежами для воспитанниковъ школы горнозаводскихъ наукъ графини С. В. Строгановой. Въ 8; 60 стран.*

Разсматриваемая книга назначена сочинителемъ, какъ видно, для того только, чтобы она напоминала ученикамъ о предметахъ и порядкѣ, въ которомъ ихъ объясняютъ во время уроковъ. Это и было причиною, что многое, самое необходимое для поясненія науки, не вошло въ книгу. Мы полагаемъ, что при новомъ изданіи надобно во-первыхъ перемѣнить методу изложенія (вопросы и отвѣты — самая утомительная метода для сочиненія), а во-вторыхъ внести и тѣ упущенія, которыя авторъ предоставилъ словесному своему дополненію.

67. О теоріи владѣнія. *Сочиненіе* Д. С. С. Н. П. Демидова. *Въ* 8; 12 *стран.*

Сочинитель давно у насъ извѣстенъ, какъ человѣкъ, посвятившій себя наукамъ государствовѣдѣ-

нія. Мы сожалѣемъ, что до сихъ поръ онъ не собралъ въ одну книгу воззрѣній своихъ на разные предметы юриспруденціи и политики. Нынѣшняя его брошюра составляетъ отрывокъ, принадлежащій прежнимъ его мнѣніямъ, которыя, бывъ напечатаны по большой части за границею, пока не легко свести въ систему, чтобы произнести общее заключеніе о всей его теоріи.

68. Тригонометрическая съемка *губерній: С. Петербургской, Псковской, Витебской и частію Новгородской. По Высочайшему повелѣнію произведенная Генералъ-Лейтенантомъ* Шубертомъ. *Съ* 1820 *по* 1832 *годъ. Три тома. Въ* 4.

Долголѣтній и многосложный трудъ сей, требовавшій значительныхъ суммъ со стороны Правительства, неутомимыхъ усилій и обширнѣйшихъ ученыхъ свѣдѣній со стороны всѣхъ лицъ, употребленныхъ по сему назначенію, конченъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Въ первомъ томѣ книги помѣщены измѣренія основаній и геодезическихъ угловъ. Основаній измѣрено четыре: *первое* по Московской дорогѣ близъ *Четырехъ-Рукъ*. Оно длиною болѣе девяти верстъ съ половиной. *Второе* въ Новогородской губ. близъ деревни Усполони; длина его слишкомъ восемь верстъ. *Третіе* основаніе, по неожиданно-встрѣтившейся надобности, измѣрено было опять на старой Московской дорогѣ, длиною также въ девять верстъ

слишкомъ. *Четвертое* въ Витебской губерніи близъ мѣстечка Освеи. Длина основанія сего болѣе десяти верстъ. Въ другомъ томѣ книги заключаются астрономическія наблюденія, по коимъ опредѣлена географическая широта въ С. Петербургѣ, на Гохландѣ, во Псковѣ и Новгородѣ, въ Тарасовѣ, на Поклонной-Горѣ близъ Великихъ-Лукъ, въ Телятниковѣ и Звонахъ. Третій наконецъ томъ тригонометрической съемки содержитъ: 1) исчисленіе треугольниковъ, раздѣляющихся на три разряда и которыхъ всѣхъ вычислено 1937; 2) исчисленіе координатъ, которое необходимо для составленія тригонометрической карты всего снимаемаго пространства.

69. Стеклянный улей, *или извлеченіе любопытнѣйшихъ явленій изъ естественной исторіи пчелъ, съ присовокупленіемъ краткихъ свѣдѣній о растеніяхъ, доставляющихъ пчеламъ поживу. Книга для чтенія людей всякаго возраста и состоянія, обоего пола. Сочиненіе* Н. Витвицкаго. *Съ картинками. Въ* 16; 175 *стран.*

Авторъ этой книги есть страстный любитель и безъ сомнѣнія одинъ изъ первыхъ знатоковъ пчеловодства. Ничего нѣтъ занимательнѣе, какъ умные отчеты, въ какомъ бы то ни было знаніи, тѣхъ людей, которые постоянствомъ и специальностію занятій вошли во всѣ тайны своего дѣла. Мы увѣрены, что всякой, предавшійся чтенію книги г. Витвицкаго,

увлеченъ будетъ новостію, подробностями и ясностію открытій, которыя, въ сорокъ лѣтъ безпрерывнаго вниманія къ пчеловодству, удалось ему собрать и внести въ книгу.

70. Записки для городскихъ и сельскихъ хозяевъ, *содержащія опытныя правила о скотоводствѣ, птицеводствѣ, садоводствѣ, огородничествѣ и другихъ хозяйственныхъ предметахъ, какъ-то: мытьѣ, бѣленіи, чищеніи, приготовленіи домашнихъ снадобій и проч. Собраны сочинительницею* Ручной книги опытной Русской хозяйки, К. А. *Въ* 12; 308 *и IV стран.*

Опытная Русская хозяйка, разбогатѣвъ сокровищами новыхъ опытовъ въ ремеслѣ своемъ, усердно дѣлится ими съ городскими и сельскими хозяевами. Мы сожалѣемъ только, что эпоха не благопріятствуетъ ей: теперь, какъ говорятъ опытные наблюдатели, совсѣмъ уже нѣтъ *хозяевъ*; мотовство овладѣло нами, т. е. бывшими хозяевами — и полезная книга или совсѣмъ не найдетъ цѣнителей достоинствъ своихъ, или уроковъ ея приложить не къ чему.

71. Энциклопедія Русской опытной городской и сельской хозяйки, *содержащая въ себѣ наставленія и руководства по всѣмъ отраслямъ городскаго и сельскаго хозяйства, извлеченныя изъ* 40, 50 *и* 60 *лѣтнихъ опытовъ Русскихъ хозяевъ*

Борисомъ Волжинымъ. *Съ рисунками. Двѣ части. Въ 12; 402 и XXXV, и 341 и XVII стран.*

Про эту энциклопедію можно сказать: вотъ и *невѣсткѣ на отмѣстку.* Какой-то хозяинъ, вѣрный счетъ уже потерявшій, сколько лѣтъ онъ собираетъ свои опыты, 40, 50 или 60, подноситъ ихъ *хозяйкамъ*, изъ которыхъ одна, какъ мы видѣли, снабжала хозяевъ собственными опытами. Въ употребленіи обѣ книги должны подвергнуться одинаковой судьбѣ: нынѣшнія хозяйки не уступаютъ хозяевамъ въ искуствѣ хозяйничанья.

72. Про былое на православной Руси. *Книга для грамотныхъ людей. Соч.* Любимова. *Въ 12; 92 стран.*

Не очень счастливый опытъ исторіи Россіи для простыхъ людей: въ расказѣ нѣтъ жизни и занимательности, а въ языкѣ нѣтъ истины и красокъ.

73. Нѣкоторыя великія и полезныя истины объ игрѣ въ преферансъ, *заимствованныя у разныхъ древнихъ и новыхъ писателей и приведенныя въ систему кандидатомъ философіи* П. Ремизовымъ. *Въ 16; 31 стран.*

74. Правила шахматной игры, *въ трехъ частяхъ. Составлены* В. Д.

Оба эти сочиненія болѣе отвѣчаютъ направленію и потребностямъ настоящаго времени, нежели предшествовавшія имъ.

75. **Памятная книжка**, *для скорѣйшаго и вѣрнаго счета наличныхъ суммъ на серебро и ассигнаціи посредствомъ сложности однѣхъ монетъ, въ народномъ обращеніи Россійской имперіи существующихъ, до 30000 включительно. Составленная Рязан. губ. Спасскаго уѣзда села Ижевскаго свободнымъ хлѣбопашцемъ* Григорьемъ Артемьевымъ Воронковымъ. *Въ* 16; 180 *стран.*

Это пособіе полезно для простыхъ людей, не сильныхъ въ первыхъ четырехъ правилахъ ариѳметики.

76. *Разговоръ о* **сберегательной кассѣ** *Алексѣя Никифоровича съ Егоромъ Прохоровичемъ. Въ* 12; 23 *стран.*

Здѣсь изъяснена польза и необходимость сберегательной кассы — учрежденія, къ которому не привыкъ простой народъ и не очень понимаетъ важность его.

77. **Сельская экономическая, практическая и хозяйственная бухгалтерія**, *сочиненная* Степаномъ Харкевичемъ. *Въ* 8; 80 *стран.*

Не безполезное пособіе для хозяевъ.

II.

78. Атласъ музеума Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. *Т. II*, тетрадь II.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

8. Объ усовершенствованіи души, *или нравственнов воспитаніе. Переводъ съ Польскаго. Въ 8; 104 стран.*

Содержаніе книги и цѣнность изображенныхъ въ ней мыслей такъ значительны, что стоило бы позаботиться о чистотѣ и исправности перевода, который, какъ видно, конченъ на скорую руку, безъ особеннаго вниманія.

9. Наполеонъ, самъ себя изображающій. *Съ Французскаго. Въ 16; 214 стран.*

Спекуляція, обращенная на два предмета — во-первыхъ на великое имя, во-вторыхъ на модную тему. Есть же Французы, *сами себя изображающіе*, да и Русскіе, которые побрели за ними: зачѣмъ же не воспользоваться громкимъ именемъ Наполеона и не соединить съ нимъ идеи о самоизображеніи? Вотъ

жалкіе плоды ребяческаго подражанія всему, что только ни явится у другихъ. Между-тѣмъ книга, сама по себѣ, ничего не значитъ, ни какъ исторія, ни какъ литературное произведеніе.

10. Физіологія женатаго человѣка. К. Поль-де-Кока. *Рисунки Маркля. Въ* 18; 139 *стран.*

Что по-Французски было остроумно, игриво и вѣрно истинѣ, то по-Русски сдѣлалось натянуто и вяло. Есть писатели, которыхъ нельзя переводить, не уничтожая ихъ. Таковы всѣ національные юмористы. Но мы увѣрены, что изданія Французовъ съ картинками у насъ только и переводятся для картинокъ. И такъ пусть охотники до нихъ и забавляются ими.

11. Волшебный ключъ. *Большая волшебная пантомима, съ девятью декораціями и разными превращеніями. Въ* 12; 14 *стран.*

Переводъ, въ которомъ искаженъ Русскій языкъ.

12. Мальчикъ съ пальчикъ. *Дѣтская сказка, съ* 16 *картинками. Переведенная съ Французскаго А. Б. Въ* 16; 32 *стран.*

Недурно переведенная и безвредная для дѣтей сказка. За недостаткомъ лучшей, можно и ее прочитать.

13. Стратегемы Полiена, *заимствованныя изъ сочиненiй разныхъ авторовъ, писавшихъ о важнѣйшихъ древнихъ полководцахъ, герояхъ и знаменитыхъ женщинахъ. Перевелъ съ Греческаго* Дмитрiй Паппадопуло. *Въ* 8; 575 *стран.*

Большая часть расказовъ извѣстна давно каждому, читавшему учебныя книги, для юношества изданныя. Переводъ тяжеловатъ.

14. О косоглазiи. А. А. Вельпо, *профессора хирургической клиники медицинскаго факультета въ Парижѣ, хирурга въ больницѣ Charité, и проч. Дополненiе къ новымъ основанiямъ оперативной медицины. Въ* 8; 182 *стран.*

Сочиненiе признано всѣми знатоками за совершеннѣйшiй образецъ ученыхъ изслѣдованiй. Жалѣемъ, что переводъ теменъ и неисправенъ.

15. Суслоны и клеверные козлы, *или вѣрное средство предохранять отъ поврежденiя озимый хлѣбъ и клеверъ въ ненастную погоду, составленное* Корн. Фридр. Бартомъ. *Перевелъ съ Нѣмецкаго бывшiй воспитанникъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества Школы Земледѣлiя и Горнозаводскихъ наукъ* Николай Матвѣевскiй. *Въ* 8; 37 *стран.*

Поселяне, прочитавъ эту книжку, многое могутъ примѣнить съ пользою къ сельскимъ своимъ занятіямъ.

II.

16. Библіотека романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ, *издаваемая* Н. Улитинымъ. Выпускъ третій. Многосказочный Паша. *Сочиненіе капитана* Маррiета. *Переводъ съ Англійскаго. Три части. Въ* 12; 220, 226 *и* 228 *стран.*

17. Шекспиръ. *Съ Англійскаго*, Н. Кетчера. Выпуски XI и XII. *Въ* 12; *отъ* 199 *до* 358 *стран.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

13. *Учебныя руководства для военноучебныхъ заведеній.* Географія. *Составилъ* Н. Соколовскій. *Двѣ части.* Изданіе третіе. *Въ* 8; 177 *и* 365 *стран.*

14. Панъ Ягожинскій, отступникъ и мститель. *Романъ, взятый изъ древнихъ Польскихъ преданій* А. П—мъ. Изданіе второе. *Три части. Въ* 8; 76, 96 *и* 104 *стран.*

15. Іоаннъ Грозный и Стефанъ Баторій. *Историческій романъ* А. А. Изданіе второе. *Четыре части. Въ* 12; 119, 140, 132 *и* 90 *стран.*

16. Подарокъ прилежнымъ дѣтямъ, *или Азбука для обучающихся Русскому, Нѣмецкому и Французскому языкамъ. Съ присовокупленіемъ книжки для чтенія, содержащей расказы, маленькія повѣсти, басенки и натуральную исторію, съ* 46 *картинками. Составленный* Эрнестомъ Гольдомъ. *Переводъ съ четвертаго изданія.* Изданіе второе. *Въ* 12, 204 *стран.*

17. Сокращенная Русская Грамматика Александра Востокова. *Перепечатана съ четвертаго изданія, для употребленія въ заведеніяхъ Московскаго Учебнаго Округа, съ разрѣшенія высшаго начальства.* Изданіе второе, *безъ перемѣны. Въ* 8; 163 *стран.*

18. *Анекдоты Россійскаго Императора* Петра Великаго и знаменитыхъ мужей, прославившихся въ его царствованіе. *Съ портретомъ. Въ* 12; 111 *стран.*

19. Собраніе любимыхъ Русскихъ пѣсенъ. Изданіе второе. *Въ* 16; 31 *стран.*

II.

20. *Учебная книга* Всеобщей Исторіи. *Сочиненіе заслуженнаго профессора* И. Кайданова. Исторія Среднихъ вѣковъ. *Отъ переселенія народовъ и паденія Западной Римской Имперіи до открытія Америки и до преобразованія западной церкви, или отъ конца V до конца XV и начала XVI вѣковъ.* Изданіе третіе., *исправленное. Въ* 8; 288 *стран.*

21. Драматическія сочиненія и переводы Н. Полеваго. Часть четвертая. *Въ* 16; 629 *стран.*

УМИЛЕНІЕ И МОЛИТВА.

Я таю, Господи! я таю,
Какъ только вспомяну, *Кто Ты*!
Къ Тебѣ душей моей летаю,
Твои люблю я высоты!....

Здѣсь огнедышащая злоба
И смертью вѣющій *развратъ*;
Здѣсь пиръ страстей, держава гроба;
А тамъ, какъ свѣтелъ Божій градъ!

Тамъ все любовь, тамъ все сіянье,
Все милосердія заря:
Тамъ гаснетъ всякое страданье,
Какъ искра падшая въ моря.

О, дай мнѣ напитаться ликомъ
И взорами очесъ твоихъ,
Чтобъ и въ краю неволи ликомъ
Я все бы пѣлъ, все славилъ ихъ!

О, дай мнѣ, изъ твоихъ селеній,
Хоть искру свѣта унести,
И силу, чтобъ, съ *путей сомнѣній*,
На *правый путь* людей взвести!

О, разгорись, пылай, мой пламень,
Какъ нѣкогда пустынь маякъ!...
Но сердце ихъ *холодный камень*,
Больныхъ очей услада — *мракъ*!...

Проснулся день — и тотъ же грохотъ
По ихъ дорогамъ столбовымъ,
И тотъ же все развратный хохотъ
И смѣхъ лукавый надъ *святымъ*!

Ѳедоръ Глинка.

П. А. Г.

Залетное, небесное видѣнье,
Дай вѣсточку о родинѣ твоей!
Надолго ль ты расталась съ ней?
Твое надолго ль посѣщенье?...

От҃ сердца горе отлегло;
Я вдругъ помолодѣлъ душою;
Мнѣ стало такъ легко, свѣтло,
Когда я встрѣтился съ тобою!

Скажи: тамъ въ синихъ небесахъ
Знакома ль ты съ моей звѣздою?
Она въ сіяющихъ звѣздахъ
Свѣтлѣе всѣхъ, сходна съ тобою!

Какъ ты, среди земныхъ утѣхъ,
Среди пировъ земнаго міра,
Свѣтлѣй, виднѣй, милѣе всѣхъ;
Такъ и она среди эѳира!

Какъ ты, чудесно хороша
Моя звѣзда, одно съ тобою;
Вся заливается душа
При васъ любовью и тоскою!

Какъ стану я на васъ смотрѣть,
Мой взоръ не можетъ отдѣлиться :
И плакать хочется, и пѣть,
И Богу хочется молиться!

Твой взглядъ, какъ дивный съ неба лучь,
Вливаетъ въ душу упоенье;
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но отъ чего жъ плѣнился я
Такъ страстно, свѣтлый небожитель !
Скажи: не ты ль звѣзда моя?
Не ты ли ангелъ мой хранитель ?

И. Мятлевъ.

С. Петерб. 7 Февраля,
1842.

ДОМИНИКАНЕЦЪ РУБЕНСА *.

Любимое мое изображенье
Межъ всѣхъ другихъ — трудъ Рубенса: монахъ,
Доминиканецъ. Онъ, какъ гость почетный,
Надъ письменнымъ столомъ моимъ поставленъ,
Чтобъ осѣнять мольбой и благодатью
Занятія мои. О, какъ хорошъ
Честной отецъ въ своей одеждѣ бѣлой,
Съ безвласой головой, еще носящей
Многозначительный, завѣтный слѣдъ
Таинственно-святаго постриженья!
Какъ онъ хорошъ съ подъятыми очами,
Съ молитвою, парящей на устахъ!
Какъ онъ хорошъ, сложивъ смиренно руки
И дышащій глубокимъ умиленьемъ!
И между-тѣмъ какъ набожность его
Младенчески чиста и простодушна!
Его лице, спокойныя черты
Не изнурилъ гнетъ строгій покаянья,
Не изнурилъ безсмѣнно-тяжкій постъ.
Конечно протекла вся жизнь его,
Какъ свѣтлая рѣка, какъ тихій сонъ,

* Смотр. Современ. Т. XXX, стран. 122. Въ подлинной рукописи надъ этою картиной поставленъ № 1. Редак.

Безбурно, безъ страстей и безъ волненья?
Конечно онъ, въ тиши монастыря,
Заблаговременно нашелъ себѣ
Отрадную, спасительную пристань —
И не знавалъ инаго наслажденья,
Не испыталъ иныхъ порывовъ сердца,
Какъ пламенно-восторженной молитвы?
Отверзтую предъ нимъ я вижу книгу...
То вѣрно Библія! И, можетъ быть,
Сейчасъ онъ въ ней прочелъ спасенья быль,
Страданія Христова быль святую —
И тронутый, дрожащій, увлеченный,
Возвысилъ взоръ и гласъ на небеса,
Почтилъ слезой, моленьемъ помянулъ
Распятаго... и пребылъ въ поклоненьи,
Безмолвствуя... любя... благодаря?

Графиня Е. Ростопчина.

СВ. ФРАНЦИСКЪ МУРИЛЛА *.

И вотъ еще явленіе отъ Юга —
Полуденныхъ краевъ святой жилецъ,
Художникомъ роднымъ изображенный.
Какъ краска здѣсь магически-тепла!
И жизнію и зноемъ Юга дышетъ!
Какъ облаченъ святой Францискъ Ксаверій
Таинственно-глубокимъ полумракомъ!
Онъ тоже молится, какъ тотъ монахъ,
Какъ мирный, кроткій тотъ Доминиканецъ —
Но иначе! И самая молитва
Различна въ нихъ, равно-какъ ихъ призванье,
Какъ нравы ихъ, какъ быль спасенья ихъ.
Какъ огненны глаза твои, Францискъ!
Какъ много въ нихъ земнаго... силы, страсти,
Волненія! какъ смуглый, тощій ликъ
Борьбою и постами избражденъ!
Чудна, страшна твоя святая повѣсть:
Высокое въ ней скрыто назиданье...
Вельможа, въ цвѣтѣ лѣтъ, подъ блескомъ злата
И славы и блаженства — при Дворѣ
Свидѣтелемъ ты былъ, какъ грозный Педро
Иньесы прахъ возлюбленный отрылъ,

* Изъ *My home*. Въ подлинной рукописи надъ этой картиной поставленъ № VI. Редак.

Чтобъ позднею короною почтить
Супругу, съ нимъ раставшуюся рано
Подъ тяжестью родительскаго гнѣва
И не успѣвшую при жизни взять
Ни санъ, ни власть, ни имя Королевы.
Младой Францискъ въ испугѣ увидалъ,
Какъ красоту былую грызли черви,
Какъ тлѣніе порфиру пожирало...
И вотъ ему невѣдомой тоской
Сдавило грудь, и сердце въ немъ дрожало —
И вмигъ ему земная жизнь предстала
Въ ничтожествѣ, въ печальной наготѣ...
Онъ отъ нея отвелъ и мысль и взоры —
И бросилъ міръ, и скрылся въ монастырь,
И просвѣщать пошелъ страны невѣрныхъ,
И плѣнниковъ трудами выкупалъ,
И именемъ Христовымъ исцѣлялъ...
Вся жизнь его была святою мукой —
И муки слѣдъ мы видимъ въ немъ теперь!
Апостоломъ и пылкимъ и горячимъ
Онъ предстоитъ, испытанный боецъ...
О, передъ нимъ — предъ чистымъ вдохновеньемъ
Его очей — въ благоговѣйномъ страхѣ
Я чувствую всю собственную немощь —
И стыдно мнѣ, поклонницѣ суетъ!
Великъ святой Францискъ... Великъ Мурилло,
Угодника черты намъ передавшій!

Графиня Е. Ростопчина.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXX ТОМА.

Конецъ тридцатаго тома.